

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С.Ю.ВИТТЕ

Кафедра психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин

Гусев Д.А., Гатиатуллина Э.Р.

ФИЛОСОФИЯ

Учебное пособие

Москва

2015

УДК 159.9.01(075.8)

ББК 87я73

Г96

Рецензенты:

Потатуров В.А. – к.и.н., проф. каф. психологии, педагогики
и социально-гуманитарных дисциплин Московского
университета им. С.Ю. Витте;

Князев В.Н. – д.филос.н., проф. каф. философии Московского
педагогического государственного университета (МПГУ)

Г96   **Гусев Д.А., Гатиатуллина Э.Р.**

Философия: учебное пособие / Д.А. Гусев, Э.Р. Гатиатуллина;
МУ им. С.Ю. Витте. Каф. психологии, педагогики и социально-
гуманитарных дисциплин. [Электронное издание]. М.: изд. «МУ
им. С.Ю. Витте», 2015. 294 с. 1,75 Мб.

ISBN 978-5-9580-0212-2

Учебное пособие представляет собой популярное и увлекательное изложение философских идей и учений, а также основных научных представлений об окружающем мире с древнейших времен до нынешнего столетия. Сложные философские положения и научные теории представлены просто и ясно, проиллюстрированы многочисленными примерами из сегодняшней жизни, в силу чего материал книги приближен к нуждам и интересам современного читателя. Учебное пособие содержит раздел социальной философии (09.00.11 – Социальная философия): «Идентичность как самотождественность объекта». Учебное пособие составлено в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования, требованиями к образовательному минимуму содержания и уровню подготовки дипломированного специалиста и предназначено для студентов всех специальностей и форм обучения в Московском университете им. С.Ю. Витте.

УДК 159.9.01(075.8)

ББК 87я73

*Рекомендовано к изданию решением Научно-методического совета
МУ им. С.Ю. Витте № 3 от 29 января 2015 года*

ISBN 978-5-9580-0212-2

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2015

© Гусев Д.А., Гатиатулина Э.Р., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
Введение	6
Тема 1 Что такое философия и зачем она нужна?	8
1 «Наука обо всем»	8
2 «Я не мудрец, но только философ»	13
3 Философия и философование	17
4 «Азбука» философии	21
Тема 2 Что было раньше? (Основные философские картины мира)	27
1 Материализм	27
2 Идеализм	30
3 Дуализм	32
4 Философия тождества	34
Тема 3 Основные религиозно-философские учения Древнего Востока	52
1 Мифология – колыбель философии	52
2 Умереть насовсем – значит родиться навсегда (индийская философия)	57
3 Преодоление желаний – избавление от зла (Буддизм)	61
4 Хаос или Порядок (Конфуцианство)	64
5 Философия естественной фатальности (Даосизм)	67
Тема 4 Основные идеи и представители античной философии	73
1 «Золотой век» человечества	73
2 Поиск первоначала (милетцы и Пифагор)	76
3 Спор о природе Бытия (элеаты и Гераклит)	78
4 «Только атомы и пустота...» (Демокрит)	83
5 Сколько существует истин? (софисты и Сократ)	85
6 Вещество без Идеи – ничто (Платон и Аристотель)	91
7 Как быть счастливым? (эпикурейцы, стоики, скептики, киники)	98
Тема 5 Общая характеристика средневековой философии	107
1 Восход теизма (патристика)	107
2 Можно ли осмыслить догматы вероучения? (схоластика и мистика)	114

3 Доказательства существования Бога.....	118
4 Спор об универсалиях.....	123
5 Ангельский доктор (Фома Аквинский).....	125
6 Освобождение философии (Дунс Скот и Уильям Оккам).....	128
Тема 6 Общая характеристика философии Возрождения.....	132
1 Сумерки средневековья	132
2 Совпадение противоположностей (Николай Кузанский)	135
3 Прорыв в современность (Джордано Бруно)	138
4 Город всеобщего счастья (Томасо Кампанелла).....	141
Тема 7 Основные идеи и представители философии Нового времени	145
1 «Чистая доска» или опыт превыше всего (Бэкон, Гоббс, Локк)	145
2 Врожденные идеи или «значенья духа опыт не покроет» (Декарт и Лейбниц)	151
3 Действительность – поток ощущений (Беркли и Юм).....	155
4 Век Просвещения	160
5 Выяснить возможности разума (Кант).....	167
6 Мироздание – застывшая мысль (Гегель).....	173
7 «Нам здешний мир так много говорит» (Фейербах)	179
8 Не объяснять мир, а изменять его (Маркс и Энгельс).....	184
Тема 8 Общая характеристика современной философии	195
1 Нужна ли философия? (позитивизм).....	195
2 Где польза – там и истина (прагматизм).....	200
3 Мир непостижим, разум бессилен (философия жизни).....	203
4 Не разум, а воля (Шопенгауэр и Ницше).....	207
5 Я, Оно и Сверх-Я (Фрейд).....	211
6 Сизифов труд, чаша данаид и танталовы муки (экзистенциализм)....	214
Тема 9 Наука в духовной культуре общества	219
1 Когда и где появилась наука?	219
2 Особенности и критерии науки	224
3 Структура научного познания	231
4 Границы науки.....	236
5 Общие модели развития науки	242
6 Научные революции	247

Тема 10 Глобальные проблемы современного мира	251
1 Обратная сторона прогресса	251
2 Истощение земных ресурсов.....	259
3 Загрязнение окружающей среды	261
4 Рост радиационной опасности	264
5 Увеличение численности населения	266
6 Пути выхода из кризиса.....	268
Глоссарий	271
Литература	289

ВВЕДЕНИЕ

Слова *философия* и *философ* знакомы каждому из нас, наверное, с детства. Вряд ли мы сможем точно ответить на вопрос, когда и где мы их узнали, в какой ситуации впервые с ними столкнулись. Однако любому человеку хорошо известно их значение. И если даже не каждый сможет дать правильное, «книжное» определение философии, то все равно ему будет вполне понятно, о чем идет речь, когда говорят о философии и философях.

В жизни мы часто встречаемся с этими понятиями, часто сами употребляем их. Всем хорошо известны такие, например, выражения: *это философский вопрос; ты рассуждаешь как философ; давайте пофилософствуем; относись ко всему философски; его жизненная философия заключается в том, что...*

Несмотря на смысловые различия между этими выражениями и ситуациями, в которых они используются, у них есть нечто общее. Нетрудно определить, что их объединяет: в каждом из этих высказываний употребление понятий *философия, философ, философский, философствовать* указывает на какие-то размышления или рассуждения, свидетельствует о попытке ответить на некие вопросы, решить какие-либо проблемы или разобраться в чем-то, что-то понять.

Наверное, люди в своем большинстве так и воспринимают философию – как совокупность каких-либо глубоких размышлений, как стремление ответить на глобальные вопросы. В широком смысле философия занимается именно этим. Человек – единственное существо, которое не просто существует в мире; он хочет объяснить или понять и мироздание, и самого себя. За несколько тысячелетий своей истории человечество ответило на великое множество сложных вопросов, проникло во многие тайны природы, значительно преобразив и окружающий мир, и собственную жизнь. Однако, несмотря на все достижения и победы человеческого разума, многие вопросы из тех, что задавал себе человек еще на заре своей истории, остаются без ответов.

Сейчас, как и тысячи лет назад, мы не знаем, откуда произошел мир, таков ли он на самом деле, каким мы его воспринимаем, в чем смысл человеческой жизни и как надо ее прожить, чтобы не страшно было умирать...

Философия занимается вопросами именно такого рода: сложными и старыми как мир, но в то же время жизненно важными.

Об этих философских вопросах и проблемах, об учениях, в которых мыслители прошлых столетий пытались объяснить мир и человека, пойдет речь в лекциях этого курса.

ТЕМА 1 ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ И ЗАЧЕМ ОНА НУЖНА?

1 «Наука обо всем»

2 «Я не мудрец, но только философ»

3 Философия и философование

4 «Азбука» философии

1 «Наука обо всем»

Все, что нас окружает, можно мысленно разделить на две большие сферы: это все, не созданное человеком (естественное) и все, им созданное (искусственное). Первую сферу мы, как правило, называем природой, вторую – культурой. Как известно, культура делится, в свою очередь, тоже на две большие группы – это материальная и духовная культура. Последняя существует в различных видах или формах, из которых основными являются наука, религия, искусство и философия.

Эти формы сходны между собой в том, что с их помощью человек пытается ответить себе на бесчисленные вопросы, которые он, будучи существом разумным (*Homo Sapiens*), с момента своего появления на Земле никогда не уставал себе задавать. А различие между основными формами духовной культуры заключается в том, что они исследуют различные вещи и используют разные методы.

Так, например, предметом науки является, как правило, естественный (природный, физический) мир, постигая который, она стремится к высокой точности своих знаний, считает необходимым все доказывать, а также – экспериментировать, все глубже проникать в тайны природы и извлекать из этого практическую пользу, увеличивая техническую мощь человека.

Предметом религии, наоборот, является сверхъестественный (потусторонний, божественный) мир, который она полагает реально существующим и считает все земные события напрямую зависящими от этого высшего мира. Увидеть его нельзя, а поэтому точное знание о нем невозможно. По отношению к этому миру нельзя поставить эксперимент, а значит ни доказать, ни опровергнуть его существование невозможно. А что же то-

гда возможно? Только бездоказательная вера: можно произвольно, свободно, безо всяких знаний и обоснований верить в реальность потустороннего мира, Бога, бессмертной души и загробной жизни, верить в силу одного только нашего желания, чтобы был Бог, бессмертие души и вечная жизнь. И, разумеется, если такого желания у нас нет, то запросто можно не верить ни во что вышеперечисленное. Итак, религия обращена, в отличие от науки не на естественный, а на сверхъестественный мир, и базируется не на доказательстве, а на вере.

Предметом искусства является, как правило, внутренний, эмоциональный мир человека. В отличие от науки искусство не стремится что-либо доказывать, а в отличие от религии – не призывает во что-либо, безусловно, верить, оно базируется на выражении и передаче через художественные образы каких-либо чувств, настроений, переживаний.

Философия в отличие от науки, религии и искусства не ограничивается каким-нибудь одним предметом или сферой реальности и пытается охватить в своей деятельности и естественный, и сверхъестественный и внутренний мир человека. При этом она признает в качестве средств освоения этих миров и доказательное знание, и бездоказательную веру, и эстетическое чувство. Как видим, философия имеет нечто общее и с наукой, и с религией, и с искусством, но в то же время значительно отличается от этих форм духовной культуры, прежде всего своим масштабом. Поэтому можно определить философию как специфическую форму духовной культуры (наряду с наукой, религией и искусством), которая пытается различными способами охватить, описать, объяснить и понять в наиболее общих (широких) чертах и мир, и человека.

В разное время различные мыслители пытались приблизить или даже отождествить философию с какой-нибудь другой формой духовной культуры, объявляя, что сама по себе она существовать не может. То ее полагали служанкой религии, то рассматривали как одну из наук, то сближали с искусством. (Подробнее мы еще будем говорить об этом в следующих лекциях). Однако философия, в конечном итоге, остается самой собой и, будучи тесно связанной с наукой, религией и искусством, является все же самостоятельной формой духовной культуры и не сводится ни к одной из других ее форм.

Тем не менее, знакомясь с различной научной, научно-популярной и учебной литературой, можно заметить, что философию довольно часто называют наукой. Так, например, последняя глава книги «История русской философии», написанной известным русским философом Н.О. Лосским, начинается такими словами: «Философия – это наука. Как и всякая другая наука, философия стремится к установлению строго доказуемых истин не для избранных народов или наций, а для всех мыслящих людей...». Рассмотрим три выражения:

- 1) «Философия – это наука...»;
- 2) «Философия – это религия...»;
- 3) «Философия – это искусство...».

Какое из них звучит наиболее естественно и вызывает менее всего возражений? Конечно же, первое. Поэтому давайте выясним, что должна представлять собой философия, если называть ее наукой, с какими оговорками и ограничениями можно было бы говорить о ней, как о науке.

Изучение любой науки начинается с ответа на вопрос, о чем она, чем занимается, что изучает. Так, например, мы говорим, что астрономия – это наука о небесных телах, биология – о различных формах жизни и т. д. Таким образом, каждая наука изучает какую-либо часть или область окружающего мира, имеет свой конкретный предмет, которым она и занимается.

Что же изучает философия (если считать ее наукой), каков ее предмет? Точно ответить на этот вопрос невозможно, потому что у нее нет определенного, конкретного предмета и, следовательно, она сильно отличается от всех других существующих наук. Поэтому условно можно было бы сказать, что философия – это наука обо всем.

Это краткое и в то же время странное определение обязательно вызывает следующий вопрос, – каким образом может быть наука обо всем? Ведь можно всю жизнь потратить на занятия биологией или математикой, физикой или химией потому что мир любой науки неисчерпаем, и изучать ее можно бесконечно. Сколько же надо жизнью человеку, чтобы изучить все вообще? И, стало быть, возможна ли наука обо всем? Кроме того, вполне понятно, если наука занимается чем-то определенным: планетами и звездами или материками и океанами, или животным и растительным ми-

ром, например. Но как она может заниматься всем сразу, изучать все подряд? Получается, что наука обо всем есть не что иное, как наука ни о чем.

Поэтому в наше условное определение философии надо внести следующее уточнение. Есть вещи второстепенные и главные, есть частное и общее. Так, например, все люди совершенно различны, но есть то, что их объединяет, связывает, что присуще каждому. Это наличие разума, которым не обладает ни одно другое существо на Земле. Таким образом, разум – это главная отличительная черта человека вообще, его основная особенность. Точно так же можно выделить главные черты неживой природы, растительного или животного мира и т. д. Причем эти основные черты связывают различные вещи, объединяют их в одну группу или класс предметов, в то время как конкретные или индивидуальные особенности вещей, наоборот, разъединяют их, отличают друг от друга. И если у каждой большой группы предметов есть связующие их, главные, общие черты, то, наверное, и у мира в целом есть какие-то главные черты или основные признаки, которые объединяют все совершенно различные вещи в одно грандиозное целое, которое мы называем «окружающим миром» или «мирозданием», или «Вселенной».

Так вот, философия – это (условно говоря) наука, которая и занимается поиском и исследованием этих общих черт всего окружающего мира в целом (и внутреннего мира человека). Если любая другая наука изучает какую-либо область или часть мира, то философия охватывает весь мир. Поэтому мы и говорим, что она – наука обо всем. Но не обо всем вообще, а только о самых главных чертах, основных признаках мироздания и человека. Таким образом, философия – это наука обо всем, то есть – о наиболее широком, общем, важном, главном, основном.

Эта особенность философии существенно отличает ее от всех других наук и даже противопоставляет ее им. В чем сходство всех наук между собой? В том, что все они изучают один и тот же окружающий нас мир. В чем их различие? В том, что они изучают его по-разному, подходят к нему с разных сторон. Ботаника изучает растительный мир, зоология – животный, астрономия исследует небесные тела, география – материки и океаны и т. д. Каждая наука смотрит на какую-либо сторону мира, занимается только одной его областью. Философия же смотрит на всё не с какой-то

его стороны, а со всех сторон сразу. Любая наука стремится увидеть всего лишь одну, ее интересующую, грань мироздания, философия же пытается увидеть мир весь, целиком. Любая наука, изучая что-либо одно, хочет получить только часть знания, только порцию истины, философия же, изучая все, стремится добыть все знание, обрести полную истину. Поэтому она может быть названа метанаукой. Приставка «мета» в переводе с греческого означает «над», «сверху». Философия как метанаука, ставя перед собой более глобальные цели, чем все другие науки, возвышается над ними и объединяет их. Если каждая из наук изучает какую-то часть мира, а философия – весь мир, то любая наука может быть названа частной, а философия – общей наукой или связующей нитью всех наук.

Понятно, что масштаб философии и масштаб любой частной науки несоизмеримы. Поле деятельности философии необъятно, сфера всякой частной науки более узка и ограничена. Цели частных наук и их задачи довольно скромные. Например, надо выяснить, с каким ускорением вращается электрон, как протекает химическая реакция, по каким закономерностям делится живая клетка, как движутся планеты и галактики, каковы причины какой-либо болезни и методы борьбы с ней и т. д. Философия задает себе вопросы совершенно иного рода. Откуда произошел мир? По каким законам он устроен и развивается, или же в нем нет никаких законов? И существует ли мир вообще? Может ли быть так, что все нами видимое – всего лишь иллюзия, и ничего нет? Кто такой человек? Откуда он взялся и куда движется, в чем смысл его появления и существования, какое предназначение призван он осуществить во Вселенной? Или же у него нет ни смысла, ни предназначения, а жизнь его – только воля слепой случайности? И почему все вообще так, как есть? А может ли быть иначе? А как должно быть? И можно ли что-либо изменить?..

Поскольку масштабы частных наук не слишком велики, а вопросы их довольно скромные, они с успехом на них отвечают. Колоссальный прогресс частных наук очевиден: мы сейчас знаем в сотни и в тысячи раз больше, чем знали наши далекие предки. За пять тысяч лет человечество ответило себе на огромное количество вопросов и проникло во многие тайны природы. Результаты частных наук налицо: от каменного топора –

до современного компьютера, от звериных шкур и борьбы за огонь – до освоения межзвездного пространства.

Совсем наоборот обстоит дело с вопросами, которые задает себе философия. Они слишком глобальны и сложны, масштаб философии колоссален и поэтому ее вопросы точно так же стоят перед человечеством и так же открыты, как и пять тысяч лет назад. За всю свою историю человек почти нисколько не продвинулся в поисках ответа на эти вопросы и назвал их вечными. Философия, таким образом, – это бесконечный поиск ответов на вечные вопросы мироздания.

Но если частные науки с успехом справляются со своими задачами, а философия со своими совсем не справляется, то невольно возникает вопрос – нужна ли она вообще. Понятно, зачем существуют и чем занимаются частные науки, но не вполне понятно, зачем существует и что делает философия, если она задает себе вопросы, на которые не может ответить, ставит перед собой задачи, с которыми не справляется, и стремится к целям, которые недостижимы. В следующем пункте лекции мы попытаемся ответить на этот вопрос, а также – еще раз рассмотрим соотношение философии и науки.

2 «Я не мудрец, но только философ»

Слово «философия» греческого происхождения и состоит из двух частей. «Филия» переводится как «любовь», «софия» – как «мудрость». Таким образом, философия буквально означает любовь к мудрости. Впервые слова «философия» и «философ» стал употреблять знаменитый грек Пифагор, живший в VI в. до н.э. До него греческие ученые называли себя термином «софос», что означает «мудрец», то есть считали себя мудрецами. Пифагор в беседе с царем Леонтом произнес слова, ставшие впоследствии крылатыми: «Я не мудрец, но только философ». Это изречение на первый взгляд представляется странным и даже бессмысленным, так как понятия «мудрец» и «философ» кажутся синонимами. На самом деле они означают совершенно разное. «Софос» – мудрец – это тот, кто владеет мудростью, обладает полной истиной, знает все. «Фило-софос» – любитель мудрости – это тот, кто не владеет мудростью, но стремится к ней, не знает всей исти-

ны, но хочет узнать. Пифагор считал, что человек не может знать всего и обладать полной истиной, но он может стремиться к этому, а говоря иначе, он не может быть мудрецом, но может быть только любителем мудрости – философом.

Таким образом, само понятие «философия» включает в себе мысль о том, что конечная истина или абсолютное знание недостижимы, что на вечные вопросы нет и не будет ответов. Но означает ли это, что их вообще не стоит искать, к истине нет смысла стремиться, а философией заниматься бесполезно? Пифагор, называя себя философом, отнюдь не считал стремление к мудрости бессмысленным делом. В его знаменитых словах, помимо прочего, содержится утверждение, что человек не только может быть любителем мудрости, но и должен им быть. Так что понятие «философия» говорит не только о невозможности достижения абсолютной истины, но еще и о том, что к ней возможно и даже необходимо стремиться, что следует постоянно искать ее, несмотря ни на что. Но зачем?

Когда мы говорим, что на вечные вопросы никогда не будет вечных ответов, мы противоречим сами себе. Ведь само высказывание: «Ответов не будет, истина недостижима» уже является неким ответом, утверждением. Если мы говорим, что истину невозможно найти, то мы должны отказаться и от самого этого тезиса, ибо он уже представляет собой некую истину. Поэтому на вопрос: «Достижима ли истина?» невозможно ответить: «Недостижима», так как такой ответ сам себя опровергает. Наверное, ответить следует неопределенно: «то ли достижима, то ли нет». Да и откуда нам знать наверняка – откроется когда-либо человечеству истина или же не откроется никогда? Правильнее было бы предположить, что возможно и то, и другое. Но если так, если есть вероятность достижения того, что кажется недостижимым, тогда поиск истины в высшей степени оправдан, а философия, которая этим поиском занимается, имеет огромный смысл и значение. Известный русский философ В.С. Соловьев писал по этому поводу: «Так как нам совершенно ничего неизвестно об относительном возрасте человечества, то мы не имеем права отрицать, что его предполагаемая неспособность к метафизическому (философскому) познанию может быть того же рода, как неспособность говорить у трехмесячного ребенка». Итак, мы не знаем, какие горизонты знания могут открыться нам в буду-

щем. Значение философии в том, что она устремляется к этим неведомым горизонтам.

Однако если бы человек даже наверняка знал, что на вечные вопросы нет и никогда не будет ответов, он, скорее всего, не переставал бы их себе задавать, и продолжал бы искать эти ответы. Такова его природа: будучи существом разумным, он не может остановиться в познании на чем-то и навсегда удовольствоваться достигнутым результатом. Он всегда хочет продвинуться дальше, заглянуть глубже, дойти до предельных и последних оснований всего существующего, найти окончательные и вечные ответы, обрести полную истину. Об этом прекрасно говорят известные строки Б.Л. Пастернака:

«Во всем мне хочется дойти
До самой сути:
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности истекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины».

Выяснив, например, что представляет собой закон всемирного тяготения и какую пользу можно извлечь из него в практической деятельности, человек, наверное, не был бы самим собой, если бы не задавался также вопросом более широким, предельным (и на первый взгляд даже странным) – почему существует закон всемирного тяготения, откуда он взялся, кто наделил мир такой константой и почему – именно такой, а не другой. Или, например, каждый из нас может спросить себя, что он будет делать сегодня и как проведет завтрашний день, но ведь рано или поздно любой человек задает себе предельный вопрос – а зачем я вообще живу и что должен сделать в этой жизни, да и должен ли вообще что-либо делать... Значение философии в том и заключается, что именно с ее помощью человек пытается раздвинуть горизонты, заглянуть в неведомое, понять непостижимое, осуществить невозможное.

Еще одно «оправдание» философии заключается в том, что если бы что-то было совершенно бессмысленным – всегда и везде, то этого, навер-

ное, не было бы вовсе. Но если философия существует уже не одну тысячу лет, значит зачем-то она нужна. Вспомним знаменитые строки В.В. Маяковского:

«Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –

Значит – это кому-нибудь нужно?»

И наконец, если даже вернуться к нашему исходному утверждению, что философские горизонты навсегда закрыты и истину найти невозможно, а стремиться к невозможному бесполезно, то и тогда философия не будет бессмысленным занятием. Всем с детства хорошо известна сказка о том, как умирающий отец позвал к себе сыновей и сказал им: «Во дворе нашего дома я закопал клад», не сказав, где именно он его спрятал. Сыновья взялись за лопаты и работали день и ночь. Они тщательно и глубоко перекопали весь двор, но никакого клада не нашли. Перед ними лежала прекрасно возделанная их трудом земля. Не пропадать же ей даром, – решили они и посадили виноградник, который быстро вырос и дал роскошные плоды. Тогда сыновья поняли, о каком клade говорил отец. Так и философия, отправляясь на поиски, может быть несуществующего клада – истины, тем не менее, добивается других результатов, пусть косвенных, но весьма ощутимых. Она не находит конечных ответов, но, ища их, попутно с успехом отвечает на множество других вопросов, тем самым оказывая неоценимую помощь частным наукам.

Сравним происхождение названий некоторых наук с происхождением термина «философия». Почти все эти названия заимствованы из греческого языка. В составе таких слов, как «биология» (биос – жизнь + логос – наука), «астрономия» (астэр – звезда + номос – закон), «геометрия» (гэ – земля + мэтрэо – измерять) обязательно присутствует какой-нибудь указатель на исследование, показатель научности (логия, номия, метрия). В случае же с философией мы имеем совершенно иную картину: вместо показателя научности выступает нечто весьма от него далекое – любовь (филия). Возникает вопрос – можно ли вообще философию считать наукой, если она не исследование и не изучение чего-либо, а всего лишь любовь, любовь к мудрости?

Стремление к мудрости это, наверное, не столько научное занятие, сколько некое состояние души, определенный эмоциональный и интеллек-

туальный настрой. Философия – это скорее образ мышления, способ мировосприятия, или даже стиль жизни, нежели область знания, род профессиональной деятельности или наука. Принципиальное отличие философии от частных наук помимо прочего заключается также в том, что ей недостает научности, вернее, она охватывает сферу гораздо большую, чем любая наука, раздвигает свои горизонты предельно широко и поэтому представляет собой явление, несомненно, более грандиозное, чем просто наука. Последняя занимается только тем, что есть, философия же – тем, что есть, но еще и тем, что должно быть. Наука только констатирует факты, философия же не только констатирует, но еще и оценивает их с точки зрения хорошего и дурного. Наука опирается только на рассудок, в философию помимо рассудочного мышления входят и интуиция, и воля, и чувства, и все прочие слагаемые человеческого духа. Наука, как уже говорилось, занимается чем-то определенным, философия же – всем. Поэтому наука всего лишь одно из явлений жизни, а философия, по крупному счету, – это сама жизнь человеческая – сложная, многогранная, вечно непостижимая.

3 Философия и философование

После прочтения предыдущего пункта лекции, может возникнуть вполне резонный вопрос: если философия вроде бы не наука, то чем же предстоит заниматься студентам, изучающим философию. Всё дело в том, что и в школе, и в вузе изучаются именно различные науки. Поэтому и философия, стоящая в учебных планах и фигурирующая в расписаниях занятий наряду с экономикой, юриспруденцией, социологией, историей, математикой, физикой, биологией и другими предметами воспринимается учащимися как одна из наук. На самом же деле философия, как уже говорилось, не наука, а самостоятельная и специфическая форма духовной культуры наряду с наукой, религией и искусством. Однако, если начать преподавание философии с утверждения, что она не наука, то скорее всего у слушателей сразу возникнет недоумение и вопрос о том, что им предстоит изучать: ведь в вузе изучают науки.

Да и в самих философских кругах вопрос о соотношении науки и философии является одним из дискуссионных и запутанных. Одни говорят,

что философию, в принципе, можно определять как науку, другие же категорически это отрицают. Философы могут спорить по данной проблеме сколько угодно: от этих дискуссий никто и ничто серьёзно не пострадает. Хуже всего, когда эта неопределённость и путаница выносятся на студенческую аудиторию, дискредитируя философию в глазах учащихся и создавая у них дополнительные мотивы негативного отношения к ней.

Наверное, внести ясность в этот вопрос можно следующим образом. Философия как самостоятельная форма духовной культуры действительно не является наукой, так же, как не является ей религия или искусство. Философия как вид духовной деятельности – это поиск ответов на вечные вопросы, попытка всё объяснить и во всём разобраться, заглянуть за край возможного, раздвинуть горизонты существующего, обрести полное и окончательное знание, т. е., говоря иначе – совершить невозможное. Поэтому она проявляется в дружеских беседах мыслителей, которые, не уставая, ищут истину (в диалоге Платона «Пир» любители мудрости всю ночь напролёт пьют слабое вино и произносят один за другим философские речи о любви, после чего совместно их обсуждают, пытаясь добраться до последних пределов, оснований и сути предмета своего обсуждения). Или же философия реализуется в творчестве мыслителя-одиночки, который годами напряжённо решает какую-либо сложную философскую проблему (немецкий философ И. Кант в течение одиннадцати лет непрерывно создавал свою знаменитую «Критику чистого разума»). Философия как явление духовной культуры – это свободное и дерзновенное размышление человека о тайнах окружающего мира и собственном предназначении в нём, это создание различных идей, систем и учений, как правило, противостоящих друг другу, по-разному объясняющих мироздание и человека. А философия как учебный предмет – это рассмотрение и изучение всего вышеперечисленного. Таким образом, термин «философия» имеет два значения: во-первых, размышления человека о мире и себе и, во-вторых, хронологическое или систематическое изучение самих этих размышлений. В первом случае философия – это не наука, а самостоятельная форма духовной культуры, а во втором случае её вполне можно назвать одной из гуманитарных наук. Только в этом втором случае правильнее было бы говорить не о философии, а о философоведении или философознании. Точно так же, как

религия и искусство – это никак не науки, а самостоятельные явления или формы духовной культуры, а всестороннее изучение этих форм называется религиоведением и искусствознанием, которые являются не чем иным, как гуманитарными науками. К сожалению, термин «философведение» не существует, и поэтому философия как форма духовной культуры и как наука, её изучающая, обозначается одним и тем же словом – «философия», что и вносит большую путаницу в вопрос о её научном статусе. Кстати, примерно те же два значения имеют и многие другие термины: «русский язык», «литература», «экономика», «история» и т. п. Только различие двух значений этих понятий является очевидным и не приводит к недоразумениям. В случае же с философией, как мы увидели, это не так.

Таким образом, чтобы ответить на вопрос о том, является ли философия наукой, надо, прежде всего уточнить, что подразумевается в данном случае под словом «философия»: если – форма духовной культуры, то философия – не наука, а специфическая форма духовной культуры, наряду с другими ее формами (наукой, религией, искусством); если – гуманитарная наука об этой форме духовной культуры, то философия, а вернее философведение, – одна из гуманитарных наук. Философы – это мыслители, а философведы – это те, кто изучает творчество мыслителей, или философов. Мой коллега как-то рассказал мне один интересный эпизод из своей преподавательской практики. После первой лекции по философии к нему подошли студенты и спросили его: «Мы обычно называем между собой преподавателей – по названию того предмета, который они у нас ведут, например, преподавателя истории мы называем историком, преподавателя математики – математиком, а вас можно называть философом?». Он ответил так: «Скорее всего, нельзя, – какой же я философ, я всего лишь философвед; ведь литературоведы не выдают себя за поэтов». И действительно – поэзия и литературоведение – не одно и то же, так же как и философия и философведение. В дипломе выпускника философского факультета университета написано, что ему присвоена квалификация «философ». Представьте себе, что он приходит устраиваться на работу и говорит работодателю, показывая диплом: «Видите, я – философ!» Как это понимать? Может быть так, что перед работодателем стоит новоиспеченный Пифагор, Сократ, Кант, Гегель... Согласитесь, ситуация вполне комичная. Недора-

зумений было бы меньше, если бы в дипломе у выпускника было написано, что он «философовед» – в этом случае в большей степени было бы понятно, что он может делать и чем должен заниматься.

Однако все сказанное не означает, что понятия «философ» и «философовед» являются несовместимыми. По все видимости, они пересекаются: философ может, как быть философоведом, так и не быть им, и, соответственно, наоборот; точно так же как поэт может быть литературоведом, а литературовед – поэтом. Например, Ф.М. Достоевский – несомненно, выдающийся философ, но он не является философоведом, а Г. Гегель – не только философ, но и философовед (его перу принадлежат «Лекции по истории философии»). Наконец, автор этих строк – всего лишь философовед, но никак – не философ.

Понятно, что философия как учебная дисциплина, или вузовский курс представляет собой философию во втором значении слова, т. е. – философоведение. В этом курсе рассматриваются основные философские понятия, вопросы, проблемы, идеи и учения, созданные различными мыслителями в разные эпохи; зарождение и развитие философии, ее роль и значение в жизни человека и общества и т. п. Существует два подхода к изучению философии: хронологический и тематический. В первом случае вышеперечисленное строится и излагается по историческим эпохам, а во втором – по основным темам или философским проблемам. В случае хронологического подхода в курсе философии (а вернее – философоведения) выделяются следующие основные разделы:

- 1 Религиозно-философские учения Древнего Востока;
- 2 Античная философия;
- 3 Средневековая философия;
- 4 Философия Возрождения и Нового времени; 4. Современная философия, или философия 20 века.

В случае тематического подхода выделяются следующие основные разделы:

- 1 Онтология – философская проблематика бытия;
- 2 Гносеология – философская проблематика познания;
- 3 Антропология – философская проблематика человека;

4 Социальная философия – философская проблематика общества и истории (под словом «проблематика» подразумевается совокупность подходов, вопросов, идей и учений по определенной философской проблеме или теме; понятия «онтология», «гносеология» и «антропология» будут рассмотрены более подробно в следующем пункте лекции). Обычно в курсе философии два этих подхода совмещаются: сначала материал рассматривается хронологически (история философии), а потом – тематически (общетеоретическая, или систематическая философия); при этом два этих блока во многом дублируют друг друга. В наших лекциях материал будет построен по хронологическому, или историческому принципу: во-первых, он становится в этом случае более интересным, а во-вторых, – лучше усваивается.

4 «Азбука» философии

Любая область знания имеет свою систему понятий, на которых она базируется и которыми постоянно оперирует. Для изучения философии необходимо ознакомиться с ее основными понятиями и принципами, которые будут постоянно присутствовать в дальнейшем изложении. Одним из наиболее важных является понятие «**метафизика**». Наиболее часто оно употребляется как синоним философии. Этот термин греческого происхождения. Слово «фюзис» или «физика» означает в переводе – «природа», причем в широком смысле: природа как все вообще нас окружающее. Приставка «мета» означает «над», «выше», «сверху» и т.п. Таким образом, физика – это наука о природе, а метафизика – о том, что над ней, выше ее. Физика изучает видимые нами вещи и факты во всем их многообразии и различии, метафизика занимается невидимыми причинами всего происходящего, всеобщими связями вещей, ищет наиболее главные и существенные черты всего существующего, пытается постичь фундаментальные законы и принципы, по которым построен и развивается окружающий мир. Метафизика – это наука обо всем наиболее общем и главном, которая ставит себе глобальные вопросы и имеет грандиозные масштабы. Поэтому философию часто называют метафизикой, а прилагательное «метафизический», как правило, обозначает «философский».

Если мы посмотрим на окружающий мир в целом и попытаемся выделить в нем наиболее крупные области или разделить его на несколько огромных частей, то у нас, наверное, получится следующая картина: неживая природа, живая природа и разумная природа (человек). Мы выделили два глобальных разделения: неживое – живое и живое – разумное. Какое из них более существенно? Происхождение из неживой природы живой современная наука более или менее объясняет, но появление разума до сих пор остается для человечества неразрешенной загадкой. Поэтому возможно предположить, что разделение мира по линии живое (неразумное) – разумное является главным. Все существующее, таким образом, распадается на две большие части: неживая и живая природа или окружающий мир и человек – единственное разумное существо в этом мире.

Окружающий мир в философии обычно называется **объектом**, а человек, познающий этот мир, **субъектом**. Необходимо отметить, что такое разделение, как и сами термины, довольно условны, так как человек, например, является частью окружающего мира, а значит, субъект входит в объект и жестко разграничить их невозможно. Данные термины призваны для того, чтобы отделить неразумное и непознающее (мир – объект) от разумного и познающего (человека – субъекта). То же самое обозначают и прилагательные от этих терминов. **Объективное** означает то, что существует само по себе, вне человека и не зависит от него. Например, лист бумаги, лежащий перед нами, объективен, так как он – предмет окружающего мира, существует вне нас, и его существование от нас не зависит. Можно возразить, что зависит, ведь его можно, например, сжечь, и тогда этого предмета не будет. Однако вместо листа в этом случае получится горстка пепла, а это значит, что мы не уничтожили предмет, но только придали ему другую форму существования. Можно, таким образом, изменить форму объективного, но нельзя произвести или отменить само его существование, и в этом смысле мы говорим, что объективное вне нас и от нас не зависит. **Субъективное** же – это то, что существует в нас (вернее – в нашем сознании) и зависит от нас, например, наши мысли или фантазии. Мы можем произвольно вызывать в своем воображении то или иное представление и точно так же можем убирать (стирать) его. Субъективный мир,

поэтому, называется внутренним или духовным миром человека. Объективный мир, существующий вокруг нас, называется часто внешним миром.

Важной особенностью окружающего мира (объекта) является то, что он познается человеком (субъектом). А одна из основных особенностей субъекта заключается в том, что он познает внешний мир. Таким образом, важным отношением мира и человека является познание, которое в философии понимается гораздо шире, чем в обыденном представлении. Как правило, под познанием мы разумеем целенаправленный процесс изучения чего-либо. В философии познание – это контакт человека с окружающим миром вообще. Мы что-то видим или слышим, или осязаем, стало быть, уже получаем какую-то информацию о том, что вокруг нас, уже что-то узнаем. Любое воздействие на нас внешнего мира несет в себе элемент познания. Поэтому само существование человека в какой-то мере уже является познанием. Контакт человека с окружающим миром может быть произвольным или произвольным, бессознательным или осознанным, стихийным или специально организованным, но в любом случае этот контакт будет являться познанием, которое, таким образом, совершенно неизбежно для человека, если он существует в мире.

Однако познание – это не только получение нами информации о внешнем мире через органы чувств (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус), но также и переработка этой информации нашим сознанием (животные тоже ведь получают чувственную информацию о мире, но вряд ли можно говорить, что они познают его). Таким образом, познание как бы двухярусно: наши органы чувств получают из внешней действительности какую-то информацию, которая затем подвергается мыслительной обработке и превращается в знание. Познание мира с помощью органов чувств называется в философии чувственным познанием, а – с помощью разума – рациональным (от латинского слова рационалис – разумный). Одной из философских проблем является вопрос о том, какое познание дает более достоверные (точные, правильные) выводы – чувственное или рациональное. Одни мыслители утверждали, что разум, которым наделен только человек, намного совершеннее чувств (в смысле – органов чувств), которые есть у любого живого существа, и поэтому в познании нужно более доверять разуму, а не чувствам, опираться на него. Эта точка зрения называется

рационализмом. Другие же мыслители считали, что в большей степени надо доверять чувствам (органам чувств), а не разуму, который может нафантазировать, что угодно и поэтому вполне способен заблуждаться. Эта точка зрения называется **сенсуализмом** (от латинского слова *сенсус* – чувство). Обратите внимание на то, что термин «чувства» имеет два значения: чувствами мы называем различные человеческие эмоции (радость, печаль, гнев, любовь и т. д.), но также чувствами мы называем органы чувств, с помощью которых воспринимаем окружающий мир (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус). Здесь шла речь о чувствах во втором значении слова.

Познание бесконечно, так как внешний мир, на который оно направлено, скорее всего, бесконечен во времени и пространстве, а также в своих свойствах и проявлениях. Здесь можно вспомнить притчу о том, как к философу пришел юноша и попросил взять его в ученики. Учитель начертил на песке окружность и сказал: «Внутри нее – то, что ты знаешь, а вне – что не знаешь, допустим, я научил тебя многому, и знание твое увеличилось». С этими словами он начертил еще одну окружность, которая была гораздо больше первой. «Теперь ты знаешь несравненно больше, чем раньше, – сказал он, указывая на пространство внутри нее, – но посмотри насколько увеличилась граница соприкосновения твоего знания с твоим незнанием, стало быть ты теперь не знаешь гораздо больше, чем раньше». Получается парадокс: чем больше мы узнаем, тем больше оказывается того, что еще предстоит узнать. Знаменитый греческий философ Сократ часто говорил: «Я знаю, только то, что я ничего не знаю». Познание, таким образом, – это вечная погоня за стремительно убегающим вдаль горизонтом. Но выше мы уже говорили о том, что стремление к возможно неосуществимому, движение к горизонту, которым и занимается философия, отнюдь не является пустым и бессмысленным делом.

Итак, вся действительность распадается на объект и субъект, между которыми лежит познание. Поэтому в философии как «науке обо всем» можно выделить три больших раздела. Первый называется **онтологией** (от греч. *онтос* – бытие и *логос* – наука, учение) и является философским учением о бытии, то есть обо всем том, что есть, что существует, говоря условно – об окружающем мире. Второй раздел – это **гносеология** (от гно-

сис – знание и логос – наука, учение), который занимается проблемами познания. Третий – **антропология** (от антропос – человек и логос – наука, учение) – это философское учение о человеке. Три основные раздела философии – онтология, гносеология и антропология тесно друг с другом взаимосвязаны и образуют единое целое. Они взаимно дополняют, предполагают и обуславливают друг друга.

Далее рассмотрим два других принципиальных философских понятия: материальное и идеальное. **Материальное** – это то, что можно воспринять с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса), то есть – увидеть, потрогать и т. д., а также это то, что имеет физические параметры и характеристики (вес, размер, цвет и прочие). Любой чувственно (то есть с помощью органов чувств) воспринимаемый предмет окружающего мира является материальным. Поэтому в философии внешний мир часто называется физическим или материальным, или чувственным миром. Совокупность всего материального называется **материей**, которая представляет собой мировое вещество или грандиозную сумму всех вообще существующих вещей и предметов. Понятно, что материя существует не в качестве некоего определенного предмета, но в виде бесчисленного количества различных своих форм, в разнообразных видах (планеты и звезды, материки и океаны, воздух и камни, растения и животные и т. д.). Правильнее было бы сказать, что материя – это даже не столько мировое вещество, сколько очень широкое философское понятие (категория), которое обозначает объективную реальность, воспринимаемую органами чувств или же – регистрируемую различными приборами. Так, например, электромагнитное поле не воспринимается не одним органом чувств (мы его совершенно не ощущаем, хотя оно повсюду нас окружает), но оно, тем не менее, является материальным объектом или формой материи, потому что, будучи недоступным для органов чувств, оно прекрасно улавливается (фиксируется) различными физическими приборами. Противоположность материального – **идеальное**. В философии это совсем не то, что в обыденном сознании. Мы привыкли считать, что идеальный – это значит очень хороший, образцовый, совершенный. Идеальное в философии – это то, что не воспринимается органами чувств (нельзя увидеть, потрогать, услышать и проч.) и не имеет физических параметров и характеристик (нельзя взвесить, измерить,

нагреть и т.д.). Идеальными являются, например, наши мысли и представления, слова и числа, а также такие явления высшего и невидимого мира (если они существуют) как Бог и бессмертные души. Если совокупность всего материального называется материей, то совокупность всего идеального – это **Сознание**. Причем речь идет не только о человеческом сознании, но и о Сознании вне человека (если таковое существует), под которым можно понимать Бога (божественное сознание) или Мировой Разум или еще что-нибудь в этом роде.

Одной из основных тем философии является проблема, связанная с природой или происхождением всего существующего. Или все нас окружающее – только мировое вещество, и человеческий мозг, который также является видом материи, создал представления о Боге, душе и всем прочем идеальном; или же все, что нас окружает, является творением реально существующего внечеловеческого Сознания (Бога, Мирового Разума и т. п.), и весь физический или материальный мир имеет на самом деле духовную или идеальную природу. В первом случае реально и изначально существует только материальное, а все идеальное – всего лишь его порождение, во втором случае – все наоборот. Первая точка зрения называется **материализмом**, вторая – **идеализмом**. Какая из них ближе к истине – до сих пор неизвестно (хотя не исключено, что вообще – никакая). Но многие философы сознательно или стихийно, прямо или косвенно, как правило, придерживаются одной из них. Было предпринято множество попыток найти компромисс. Но тогда надо предположить, что материальное и идеальное существуют параллельно и независимо друг от друга или же, что они – одно и то же и между ними нет противоположности, или же, что нет ни того, ни другого, а имеет место что-то среднее... В следующей лекции мы остановимся на этом вопросе более подробно.

ТЕМА 2 ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ? (ОСНОВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ КАРТИНЫ МИРА)

1 Материализм

2 Идеализм

3 Дуализм

4 Философия тождества

1 Материализм

Одним из важных философских понятий является понятие материального. Как мы уже говорили, материальное в философии – это все, что воспринимается нашими органами чувств (говоря иначе, – это то, что можно увидеть, услышать, потрогать, понюхать и попробовать на вкус), а также – имеет физические качества или свойства (цвет, запах, размер, плотность, массу и все прочее). Так, например, любой предмет из окружающего мира материален. А как же быть с электромагнитным полем, возразите вы, ведь его невозможно воспринять с помощью органов чувств. Совершенно верно, но, поле, будучи недоступным для чувств, вполне улавливается или фиксируется различными приборами. Кроме того, оно имеет определенные физические свойства, например, – напряженность или скорость распространения. То есть, электромагнитное поле тоже материально.

Совокупность всего материального называется в философии материей. Раньше считалось, что материя и мировое вещество – это одно и то же. Материю, конечно же, можно называть веществом, но это не совсем точно. Поэтому правильнее говорить, что материя – это все, что существует вне нас и независимо от нас, то есть – объективно, а также – воспринимается или нашими органами чувств или какими-либо техническими приспособлениями (приборами). Понятно, что материя – это предельно широкое понятие, название, и что материи вообще, которую можно было бы потрогать или увидеть, нет. Говоря иначе, не существует такого объекта, который можно было бы поместить в музей под стеклянным колпаком с надписью «Материя». А что же тогда представляет собой любой предмет окружаю-

щего мира? Очень просто: он является разновидностью или формой материи. Таким образом, материя существует не в виде какого-то определенного предмета, а в виде огромного и даже бесконечного количества своих форм. Материки и океаны, планеты и звезды, растения и животные – это все различные формы материи. Понятно, что они могут отличаться друг от друга уровнем своей сложности. Так например, камень, лежащий у дороги – это более простая форма материи, чем растущий рядом с ним цветок, а птица, летящая в небе – это более высокий уровень материи по сравнению с цветком, а млекопитающее животное – более сложная форма материи по сравнению с птицей. Одним из важных философских вопросов является проблема происхождения материи. В зависимости от ответа на этот вопрос можно выделить несколько глобальных представлений о мире.

Первое из них называется **материализмом**. Оно говорит о том, что материя ниоткуда не взялась и никуда не может деться, потому что она существует вечно, является первоначалом мира, самим миром. Материя – это все. Давайте задумаемся в слово «всё» и ответим себе на несколько вопросов. Могло ли «всё» откуда-то взяться? Если могло, значит, оно появилось из чего-то другого, следовательно, это другое существовало само по себе и в наше «всё» не входило. Но в этом случае «всё» никак нельзя назвать «всем», потому что было нечто, которое оно в себя не включало. Далее, может ли «всё» куда-либо деться? Если может, значит, ему есть куда деться, то есть – существует такое место, где его сейчас нет. Но в этом случае оно опять никак не может быть «всем». Говоря иначе «всё» – это то, чему неоткуда взяться и некуда деться. Таким образом, из самого понятия «всё» вытекает его вечность, несотворимость и неуничтожимость. Поэтому, если материя – это все, то она вечна.

Материя существует на различных уровнях сложности. Самой сложной и совершенной формой материи является человеческий мозг, который порождает сознание или мышление. Любая мысль является нематериальной. Ведь ее нельзя воспринять органами чувств, и она не обладает никакими физическими свойствами (ее нельзя увидеть, потрогать, измерить, нагреть и т.д. и т.п.) Все что не воспринимается органами чувств и не имеет физических качеств называется в философии, как мы уже говорили, термином «идеальное», который, таким образом, противоположен поня-

тию «материальное». Мысль, следовательно, идеальна, но она – продукт мозга, а мозг – это форма материи. Значит, материальное первично, а идеальное вторично и существует только на базе материального, благодаря ему и после него. Идеальное же вторично и полностью зависит от материального. Где нет мыслящей формы материи – мозга, там не может быть ничего идеального. Все эти утверждения являются материалистическими, а их сторонники называются материалистами.

Если мы спросим их, что такое Бог или бессмертная душа, они скажут нам, что – это всего лишь человеческие мысли, выдумки нашего сознания, фантазии разума, который может породить какой угодно идеальный объект, не существующий на самом деле. Таким образом, с точки зрения материализма, нет ни Бога, ни бессмертной души, ни прочих религиозных объектов. Религия, говорят материалисты, появилась из страха древних людей перед непонятными явлениями природы. Будучи не в силах многое объяснить, они выдумали себе сверхъестественных богов и все неизвестное и непознанное приписали им, а позже религиозные представления стали использоваться богатыми для того, чтобы держать в подчинении бедных; но, кроме того, религия – это еще и мечта о несбыточном, земное утешение и отрада обездоленным и несчастным. Как видим, неизменным спутником материализма является **атеизм** (полное отрицание существования Бога).

С точки зрения материализма материя бесконечна не только в пространстве и времени, но также – в своих свойствах или качествах, а значит бесконечно наше познание окружающего мира, и полных знаний о нем, окончательной истины мы не достигнем никогда. Однако главное не в этом, а в том, что мир познаваем, что мы можем его познавать, и ничто не мешает нам делать это. Надо только не бояться познания и смело проникать в тайны природы. Поскольку материальный мир бесконечен, то всегда будут оставаться вещи непознанные, но нет и не может быть вещей непознаваемых вообще. Ведь в мире нет ничего сверхъестественного, потустороннего, полностью недоступного. Что было неизвестно и непонятно вчера, то станет известным и понятным сегодня или завтра, главное не отчаиваться и ничего не бояться. А чудо или тайна – это всего лишь пока еще непознанное, которое мы обязательно со временем откроем, после чего оно перестанет быть чудом. Нет границ и пределов для человеческого разума и

познания, утверждают материалисты. Мы можем и должны с помощью науки уверенно идти вглубь неизведанного, чтобы покорять природу, совершенствовать самих себя и делать нашу жизнь лучше и счастливее.

Выдающимися представителями материализма были французские философы XVIII века Жюльен Ламетри, Клод Гельвеций, Поль Гольбах, а также немецкий философ XIX века Людвиг Фейербах, который утверждал, что основным предметом философии должна быть природа и человек как самое совершенное ее создание. Материализм также представлен идеями Карла Маркса и Фридриха Энгельса – немецких философов XIX века, рассматривавших материю как единственную реальность – бесконечную во времени и пространстве, существующую в безграничном количестве форм и видов, проявлений и состояний, способную к самоэволюции или саморазвитию. Об этих и других материалистических мыслителях мы будем говорить в следующих разделах книги.

2 Идеализм

Противоположным материализму философским воззрением является идеализм. Как мы уже знаем, идеальное в философии – это все то, что не воспринимается нашими органами чувств и не имеет физических качеств. Здесь может возникнуть вопрос – если идеальное является невоспринимаемым вообще, то откуда же тогда мы о нем можем что-либо знать? Дело в том, что помимо органов чувств у нас есть еще одно орудие познания – разум, и недоступное для чувств вполне может быть доступным для разума: то, что нельзя увидеть, потрогать, услышать и т.д., можно воспринять мыслью, усмотреть умом. Говорят, однажды греческий философ Антисфен, критикуя платоновскую теорию идей (по которой любая земная вещь, будь то цветок, камень, лошадь и что угодно еще – всего лишь отражение или тень какой-либо идеи высшего и невидимого, но реально существующего мира), сказал ее создателю: «Я видел многих лошадей, Платон, но я никогда не видел идеи лошади, о которой ты говоришь будто бы она существует». На это Платон ответил ему так: «Что же, Антисфен, выходит, у тебя есть глаза, чтобы увидеть конкретную лошадь, но у тебя нет разума, с помощью которого ты мог бы увидеть идею лошади». Философы

идеальное также называют бестелесным, нефизическим, сверхчувственным, умопостигаемым.

Если совокупность всего материального называется в философии материей, то совокупность всего идеального называется, как правило, сознанием. Мы привыкли считать, что этим термином обозначается человеческий разум. Однако, это материалистическая точка зрения, по которой мышление, разум, духовная жизнь есть только там, где есть человек и его мозг. Философский идеализм говорит о том, что сознание есть не только у человека, а вернее, – человеческое сознание – это маленькая часть мирового Сознания. Здесь этот термин пишется с большой буквы, потому что он обозначает некое духовное, разумное начало, находящееся вне человека и не зависящее от него. Это мировое Сознание можно назвать божественным, то есть – Сознанием Бога, его так же можно назвать Мировым Разумом или Абсолютной Идеей (как это сделал немецкий философ XIX века Георг Гегель).

Главным утверждением идеализма является мысль о том, что Сознание вечно, несотворимо и неуничтожимо. Оно есть всё (точно так же, как и материя в материализме). Оно – первоначало мира, которое порождает, создает или творит все материальное, физическое, телесное, чувственное. Таким образом с идеалистической точки зрения Сознание первично, а материя вторична, она существует только на базе Сознания, благодаря ему и после него. Таким образом, все материальное – это проявление, воплощение или инобытие (иная форма существования) идеального. Следовательно, если материалистическое воззрение тесно связано с атеизмом, то идеализм, наоборот, близок к религиозным представлениям.

Идеалистическая философия говорит о том, что человеческое мышление или разум – это малая частица мирового Сознания, которая является как бы «божьей искрой», находящейся в любом человеке. Поэтому познание мира, представляющего собой бесконечное Сознание, вполне возможно, ведь в нас представлена его частица, с помощью которой мы можем приобщиться к нему. Материализм тоже говорит о возможности познания. Однако, вполне понятно, что пути познания мира в материализме и идеализме совершенно различны. Материалисты говорят о том, что надо наблюдать окружающую реальность (во многом – с помощью органов

чувств) и постепенно проникать в ее тайны и открывать ее законы, а идеалисты предлагают, как правило, игнорировать, то есть, – не обращать особенного внимания на материальный, физический мир, так как он – вторичное и неподлинное существование, и напрямую устремлять свои мысленные взоры к первичному и настоящему существованию – мировому Сознанию, одним только умозрением (а не органами чувств) постигая его вечные и совершенные истины.

Значительными представителями идеализма были древний греческий философ Платон и немецкий философ Георг Гегель. Так Платон говорил, что все видимые нами вещи физического мира – это всего лишь отражения или тени бестелесных идей, находящихся в высшей и невидимой сфере, а Гегель утверждал, что материальная или чувственная природа – это в иной форме существующий Мировой Разум и называл ее «застывшей мыслью». Об этих мыслителях и о других представителях идеализма более подробно мы будем говорить в следующих разделах этой книги.

3 Дуализм

Материализм и идеализм – это противоположные друг другу философские воззрения. Все, что утверждает материализм, отрицается идеализмом и наоборот. Неудивительно, что в философии часто звучал вопрос – возможно ли как-то примирить эти две крайности, найти какое-то среднее, компромиссное решение проблемы. Вспомним, материализм объявляет первопричиной мира материю, а идеализм – Сознание. А нельзя ли утверждать, что и материя и Сознание являются одновременно двумя равноценными первоначалами, что мироздание имеет как бы двойственную природу – одна его часть материальна, а другая идеальна?

Такое воззрение называется **дуализмом** (от греческого слова дуо – два) и говорит о том, что и материя, и Сознание существуют вечно и параллельно друг другу, то есть – ни одно из них не может быть причиной или следствием другого. Каждое представляет собой полноценное мировое начало. Остается только выяснить, как они взаимодействуют. Чаще всего, дуализм представлял себе это взаимодействие в качестве контакта идеального с материальным, в результате которого появляются все видимые нами

предметы мира. Материя – это грандиозное строительное вещество, лишенное каких-либо очертаний, качеств или свойств, а идеальное из этого бесформенного материала создает конкретные вещи со всеми их свойствами. По учению греческого философа Аристотеля, идеальные сущности, которые он называет формами, являются как бы образцами или эталонами и, попадая в какой-нибудь бесформенный кусок материи, превращают его в некую определенную вещь. Любой предмет мира, говорит Аристотель, – это единство материи и формы, это часть материи, приведенная с помощью идеальной формы в нормальное состояние. Например, цветок, – это кусок материи преобразованный в нормальную видимую нами вещь идеальной сущностью – формой или образцом цветка, а лошадь – это часть материи, ставшая реальным животным благодаря вселившейся в нее форме лошади. В учении Аристотеля материю можно уподобить пластилину, из которого по различным образам или представлениям нашего сознания (которые не материальны, а идеальны) мы способны вылепить (создать) какие угодно предметы. Весь вопрос заключается в том, кто занимается этой мировой лепкой, кто или что разумно преобразует материю в многообразие конкретных вещей. Это делает, говорит Аристотель, мировой божественный Ум. Получается, что без него идеальные сущности – формы никогда не совместились бы со строительным материалом – материей, и нынешнего гармоничного, упорядоченного мироздания не было бы. Следовательно, в учении Аристотеля Ум занимает все же более высокое место и играет более важную роль, чем материя и формы. Но ведь он является абсолютно идеальным объектом: формой всех форм называет его Аристотель, а это значит, что аристотелевский дуализм очень близок к идеалистическому воззрению.

В философии был и другой вариант дуализма, предложенный французским философом XVII века Декартом, который утверждал, что одновременно существуют два равноценных мировых начала – духовное и материальное. Основным свойством первого является мышление, а второго – протяженность. В мире есть и то, и другое, причем существуют эти два начала вечно, и ни одно из них не возвышается над другим. Однако на вопрос о том, откуда взялись эти две субстанции, Декарт отвечает, что они

созданы Богом, а это значит, что его дуализм отчасти также приближается к идеализму.

Как видим, основной проблемой дуализма, утверждающего равноценность и параллельность противоположных мировых начал – материального и идеального, был и остается вопрос об их происхождении. Если этих начал два, значит они порождены или созданы неким третьим. Что оно собой представляет? Если – нечто материальное, тогда дуализм превратится в материализм, а если – нечто идеальное, тогда он станет идеализмом, а если же – не то и не другое, тогда что? Не отвечать на этот вопрос нельзя, а ответить на него довольно сложно, потому что не вполне понятно, что еще может быть кроме материального и идеального. Таким образом, дуализм, существующий как одно из философских объяснений мира, не лишен противоречий и возражений. Также не лишены серьезных вопросов и проблем материализм и идеализм, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

4 Философия тождества

Материализм и идеализм при всем их различии имеют одно очень важное сходство. И та, и другая точка зрения что-то полагает первичным, а что-то вторичным, одно называет причиной мира, а другое – его следствием. А также как материализм, так и идеализм объявляют материальное и идеальное совершенно несовместимыми сущностями мира, его противоположными началами.

При таком взгляде, неизбежно возникает следующий вопрос. Как известно, материализм утверждает, что из материи возникает сознание, что материальное порождает идеальное, а идеализм, наоборот, говорит, что Сознание является причиной материи, что из идеального появляется материальное. Но если материя – это полная противоположность Сознания, как считают и материалисты и идеалисты, то мы можем спросить первых – каким образом из материи может произойти то, чего в ней нет, а также адресовать вопрос идеалистам – как может Сознание породить свою полную противоположность, создать то, что в нем никоим образом не содержится. И, в том и в другом случае получается, что нечто происходит из ничего. Для пояснения приведем пример. Может ли из камня вырасти дуб? Конеч-

но же, не может. А из желудя может вырасти дуб? Конечно же, может. Почему? Потому что желудь сам – продукт дуба, в нем дуб как бы уже содержится, или запрограммирован. Говоря иначе, желудь чреват дубом, и поэтому он из него появляется, а в камне дуба нет, и поэтому он не может из него вырасти. Таким образом, если нечто одно каким-либо образом содержится в другом, то первое вполне может из второго произойти.

Значит, если Сознание, как считают материалисты, происходит из материи, то оно в ней изначально содержится. Получается, что материя чревата Сознанием. И наоборот, если материя, как считают идеалисты происходит из Сознания, значит она в нем так или иначе представлена, то есть, Сознание чреват материей. Следовательно, материя и Сознание, так же, как желудь и дуб, – не разные вещи, а, по крупному счету, одно и то же. Что такое дуб? Это иная форма существования (инобытие) желудя. А что такое желудь? Это иная форма существования или инобытие дуба. Стало быть, то же самое можно сказать о материи и Сознании: материя – это инобытие Сознания, а Сознание – инобытие материи. Сознание и материя, идеальное и материальное – это одно и то же, а вернее, они – разные проявления или состояния, или формы чего-то одного, единого, которое можно назвать Бытием или вечным существованием, или еще чем-нибудь в этом роде.

Воззрение, по которому материя и Сознание равны друг другу или тождественны, называется философией тождества. Оно противостоит как материализму, так и идеализму. Рассматривая материальное и идеальное как одно и то же, философия тождества снимает вопрос о первичности. Нельзя спрашивать, что было раньше – материя или Сознание, говорит нам это воззрение, точно так же, как нельзя спрашивать, что было раньше, – желудь или дуб, курица или яйцо. Будучи тождественными, материя и Сознание как бы плавно перетекают или переходят друг в друга, и никакой границы между ними нет.

Для иллюстрации этой точки зрения приведем простой пример. Представьте себе круг, поделенный на две части, одна из которых черная, а другая белая. Граница между ними отчетливо видна, и понятно, что белое не может перейти в черное или наоборот, что это – несовместимые противоположности. Именно так и рассматривают материю и Сознание материа-

листы и идеалисты. А теперь представьте себе полосу, на одном конце которой помещено черное, а на другой белое, но между ними – длинное размытое пространство серого цвета: черное постепенно светлея через огромное количество оттенков серого медленно, плавно и постепенно переходит в белое. Никакой границы между черным и белым на этой полосе нет; невозможно сказать, где кончается одно и начинается другое, потому что две противоположности как бы вытекают друг из друга. Именно так рассматривает материальное и идеальное философия тождества.

Одним из ее представителей был нидерландский философ XVII века Бенедикт Спиноза, который говорил, что существует только одно мировое начало. Им является Бог или природа. Причем Бог (духовное, идеальное) и природа (физическое, материальное) – это одно и то же в учении Спинозы. Точку зрения философии тождества также разделял немецкий философ XVIII–XIX веков Фридрих Шеллинг, который утверждал, что первичным не было ни материальное, ни идеальное, что и то, и другое – это потенции (скрытые возможности, качества, свойства) природы, которые она в своем вечном существовании периодически проявляет или реализует. Говоря иначе, природа, изначально содержа в себе и материальное, и идеальное, может порождать в разное время и в различных местах как то, так и другое.

Как видим, философия тождества выступает и против материализма, и против идеализма и считает спор о первичности, который ведут между собой эти философские воззрения, пустым и бессмысленным.

Категория идентичность, которая широко используется в современной социально-гуманитарной науке как выражение самоидентичности объекта, имеет продолжительную историю генезиса и берет начало от культуры мышления и философии античной Греции.

На протяжении столетий идентичность понималась и трактовалась в общем метафизическом контексте осмысления бытия – космоса, социума, человека, поскольку и развитие самоосознания человека начинается с появлением философии. Именно философия устами человека ставит вопрос «Кто я?». От такой отправной позиции человек начинает выстраивать «историю мира, себя и отношений с миром», идентифицируя себя, заявляя о себе в бытии мира. В этом контексте то, как понималась идентичность человека в разные периоды времени, является мерой истории развития гумани-

тарной мысли. Древние мыслители, задумываясь о сущности бытия и своей сущности, полагали, что самость то есть самоидентичность является атрибутом сущего. Именно рассуждения о Едином и самоидентичном стало конструктом «бытия» у Парменида. До него не было еще такой абстракции, такой формальной категории, которая охватывала бы весь объем и все оттенки идентичности бытия как некоей целостности. Сократ, в своем диалоге с Парменидом отмечает, что «один и тот же день бывает одновременно во многих местах и не отделяется от самого себя, так и каждая идея, оставаясь единою и тождественною, может в то же время пребывать во всем» (Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.2. М.: Мысль, 1993. С. 351).

Таким образом, история философии фиксирует, что именно идея тождества то есть идентичности бытия являлась отправной формулой философствования того времени, «...ибо мыслить – то же, что быть...», а также «бытие есть, а небытия нет», – выражает единство и самоидентичность как суть мира (бытия). Тождественное самому себе не изменяется, не возникает и не исчезает, а так же не двигается, не может члениться на части; оно, может быть, и быть тождественно себе такова суть учения Парменида.

Опирается на учение Парменида об истинном, едином, тождественном и неподвижном бытии и Платон. Платон, в частности, видел (полагал) идентичность личности в человеческой душе, рассматривая ее как постоянную, разумную часть человека, определяющую его идентичность. Именно от нее (души) зависело становление личности, а потому мы с основанием можем говорить «об идентичности души» у Платона. «И вот душа, простертая от центра до пределов неба и окутывающая небо по кругу извне, сама в себе вращаясь, вступила в божественное начало непреходящей и разумной жизни на все времена» (Платон Тимей / Платон // Филеб, Государство, Тимей, Критий / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А.Тахо-Годи. М.: Издат-во «Мысль», 1999. С. 421–500).

Тот, кто мыслит, как полагает Платон, обладает идентичностью внутри себя (т.е. души), хотя рассуждения отличны у всех людей. Другими словами, формальной основой различения и соотнесения становятся рассуждения и диалог, хотя именно в душе Платон видел возможности для отождествления или различения типов человека (идентифицирующих признаков), этапов его становления. Соответственно он определял период «взрос-

ления» идентичности человека относя это понятие к категории «душа», принимая ее (душу) как эталон в этических поступках. «Она являет собой трехчастное смешение природ тождественного и иного с сущностью, которое пропорционально разделено и слито снова и неизменно вращается вокруг себя самого, а потому при всяком соприкосновении с вещью, чья сущность разделена или, напротив, неделима, она всем своим существом приходит в движение и выражает в слове, чему данная вещь тождественна и для чего она иное, как и когда каждое находится с каждым, как в становлении, так и в вечной тождественности, будь то бытие или страдательное состояние».

Впрочем, у Платона нет четко выраженного представления о «другости», о не схожем, так как в его философии все подчиняется одинаковости, однородности, тождественности. Платон так и пишет: «... не мне, но логосу внимая, мудро признать, что все – едино», т.е. идентичность стремится принять форму Логоса, являясь соответствием уже не Единому, а Единству. Получается так, что проявлением экзистенции является стремление стать единой, а множественностью доказывается существование. Но в тоже время, бытие идей по Платону является одновременно и единым и множественным, и вечным и новым (переменчивым), и движется и не движется, и действует и не действует. Таким образом, Платон свои «идеи» наделяет теми же характеристиками, что и бытие Парменида. То есть, они вечны, не рождаются и не погибают, не изменяются, тождественны себе и неподвижны. В тоже время в диалогах «Софист» и «Парменид» Платон не придерживается четкой метафизической концепции самости, понимая высшие роды всего сущего таким образом, что «каждый из них есть и не есть, и равен и не равен самому себе и пребывает в своей тождественности и переходит в «иное», в противоположное себе» (Асмус, В.Ф. Античная философия / В.Ф.Асмус. 3-е изд. М.: Высш.шк., 1999. С.152–153). В «Пармениде», как подчеркивалось, бытие понималось само по себе как единое, вечное, тождественное, неизменное, неподвижное и бездейственное. Но в данном случае важно другое – в философии Платона идея идентичности занимает значимое место.

Гераклитовский логос имеет два пути, два направления. Но, по сути, это два разных логоса. Путь тождества – это путь Единого, путь наверх,

путь различия – путь Многого, путь вниз. Путь вверх и заманчивее, и логически понятнее – как путь к идее Блага. Идентичность здесь знаменует собой стремление к некоему образцу, притягательному и во всех отношениях совершенному, то есть тому, что неизменно и не поддается на провокации множественности, от чего исходит сила и авторитет.

Идея идентичности занимает важное место и в философии Аристотеля. По Аристотелю, тождественность выступает как нечто фундаментальное и универсальное. Он утверждает: «По природе противоположности относятся к тому, что тождественно или по виду, или по роду: болезнь и здоровье находятся по природе в теле животного, белизна и чернота – просто в теле, а справедливость и несправедливость – в душе человека». Аристотель, рассуждая о душе, рассматривает идентичность с точки зрения внутреннего пространства. Он указывает на то, что идентичность уникальна и единственна, связана с областью политической, но содержит в себе и отличия – у нее есть множественные проявления, что составляет субстанцию идентичности. Аристотель называет то, что «...тождественно как привходящее», характеризующее единичное. Под тождеством понимается единство вещей, в отличие единичных предметов.

Мир идей по Аристотелю занимает среднее место между бытием и материей. С помощью размышления, как полагает Аристотель постигается тождественное в бытии для чего необходимо правильно соединять понятия с помощью метода диалектики. К роду сущего в философии Аристотеля относится не только покой, движение, бытие, но и самостоятельный род сущего – тождественное. Категориальная идея «идентичность» активно заявляет о себе и в философии средневековья, в том числе и в попытках осмысления Бога.

Для определения тождества и различия в философии средневековья применяют принцип индивидуализации и неразличимости. Ведь эти категории взаимосвязаны как в логике, так и в философии.

Согласно принципу индивидуализации, который сформулировал Боэций, «всякая вещь универсума имеет уникальные черты», а слово *identitas* – получено в результате перевода эвклидова *tautobes*, или *to auto*, строгого соответствия, согласования, строгих пропорций и отношений. Однако у Аристотеля, напротив, способ сравнения и обнаружения сходства являет-

ся «гибким, текучим, неким качественным смыслом в мире явлений, отличным от возможности чистого соответствия или характеристики идентичности высшего мира небес или бытия» (Аристотель. Сочинения [Текст]: в 4 т. Т. 1: Метафизика; О душе / Аристотель; ред. и авт. предисл. В.Ф. Асмус. М.: Мысль. 1976. С. 550).

Но вернемся к философии Средневековья. В трактате «О троичности» Боэций заключает, что три лица в Боге не нарушают абсолютного единства божества, а тождество представляет собой троякость рода, вида и числа. Как полагает средневековые философы для того, чтобы применить понимание тождества к Богу надо различать вещи, формы и чистую форму. Для спекулятивной философии Средневековья особенно характерно соотнесение идентичности с сущностями разного рода – теологическими и натурфилософскими. Например, утверждалось, что математика связана с физическими и меняющимися вещами, следовательно, чистая форма является тем же, чем является по своему бытию и тут же – к Богу не применимы тождества по роду, виду, но и тождество по числу не является нумерическим, субстанциональным. При этом делается вывод: все это не указывает на множественную природу Бога – он един. Троичность, – по Боэцию, – рассматривается на примере отношения между Отцом и Сыном, как двух субстанций, которые и остаются двумя субстанциями, но, в то, же время есть нечто нераздельное и единое. Таковы спекулятивные положения философии той эпохи.

Принципиально важно подчеркнуть и то обстоятельство, что в философской мысли античности и средневековья проблема «идентичность» (или иначе – тождество) не ставится в качестве отдельного вопроса, а понимается как фундаментальная характеристика и атрибут бытия. В целом же идентичность предстает как важная предпосылка к пониманию целостного единства мира, познания, Бога и универсальных структур бытия. Все это, по мысли средневековых философов делает и человека причастным к тождественности; при этом тождество личности определяется сознанием самого себя в качестве «единства себя в самом себе». Все это дает основание заключить, что идея идентичности (тождественности, самоидентичности) занимает существенное место в системе античной и средневековой философской мысли.

Принципиально важно подчеркнуть и то обстоятельство, что в эпоху Средневековья идентичность характеризовалась как «...категория бытия-тождества, что на несколько столетий вытеснила из философского мышления категорию бытия-акта».

Средневековье характерно еще и дуалистической антропологией души и тело как совершенный и несовершенный уровни в человеке не разделялись. Человек как единая персона нес полную ответственность за поступки – ведь христианство рассматривало его в совокупности души и тела. Это являлось принципиально важным в момент Страшного Суда, избежать которого можно было лишь в исповеди. В этом контексте возникает проблема персональной идентичности в эпоху Средневековья. «Я покажу себя людям, таким: пусть радуются о добром во мне, сокрушаются о злом. Доброе во мне устроено Тобою, это дар Твой; злое во мне – от проступков моих, осужденных Тобою».

Исповедуясь, человек как бы корректирует свою идентичность повествует историю своей жизни, пытаясь найти в себе произошедшие изменения и найти неизменное. Августин был первым, кто попытался обосновать персональную идентичность, задаваясь вопросами «Кто?» (человек) и «Что?» (творение Божье), через свою неизменность. Определить свое Я, по Августину, можно лишь припоминая события, ведь «если какой-то предмет случайно исчез из вида, но не из памяти, то образ его сохраняется в памяти, и его ищут, пока он не появится перед глазами. Найденное узнается по его образу, живущему в нас. Мы не говорим, что нашли потерянное, если мы его не узнаем, а узнать мы не можем, если не помним; исчезнувшее из вида сохранилось памятью».

Обретение персональной идентичности через природу божественную, как считалось в эпоху Средневековья, может произойти в единстве элементов: души, тела, сознания, психики. Таким образом, разделение божественной и земной природы уже содержит зачатки вопроса персональной идентичности.

В последующем догматический теоцентризм Средневековья сменяется философией эпохи Возрождения. Человек в этой философии наделяется свободой воли, что превозносит его как творца, как существо индивидуальное. «Не даем мы тебе, о, Адам, ни определенного места, ни собственного

образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению».

Бог является творцом сущего, а человек – творцом культуры и цивилизации. Мыслители этого времени считали, что важным является выражение идентичности в словах, как и проявление ее в реальности. Надо заметить, что и в период от Античности до Возрождения также рассматривались вопросы о месте и роли человека в мире, о его возможностях и способностях, о соотношении души и тела. Но вопроса об идентичности личности не ставится. Не рассматривались так же и проблемы становления личности.

Понятие «идентичность» или тождество в отношении личности ставится впервые именно в эпоху Возрождения. Человек теперь наделяется свободой воли и потому неизменность его выводится не из совершенства души (как в Античности), а из его деятельности. Дж. Пико дела Мирандола считал, что свои личные качества человек не получает от Бога, он сам приобретает их «в трудной жизненной борьбе», а Бог лишь вкладывает в него «семена и зародыши разнообразной жизни».

Период Нового времени привнес сильные изменения в социальную сферу, науку, технику, в мировоззрении в целом. Понятие идентичности приобретает самостоятельное значение.

Феномен персональной идентичности в Новое время связан с именами Р. Декарта, Дж. Локка, Д. Юма, которые делают попытки выявления процесса становления идентичности человека.

В этом плане примечательно учение Декарта о рационально постижимом естественном миропорядке, что образует сознательный принцип философского мышления. Здесь идентичность обретает «тело», заявляя себя как некое Я. Ведь мыслящая субстанция – это основание для тождества личности. В то же время, Декарт считал идентичность протяженной, материализованной, в мышлении ощутимой. Он так же выделяет активные и пассивные модусы категории идентичности. В основе бытия и познания, как полагает Декарт, лежит разум ведь в мире много явлений и вещей, непонятных для человека. Если существует лишь сомнение как свойство мысли, то мышление является основой бытия, следовательно, мыслящая субстанция выступает для человека основанием его тождества.

В то же время Локк видит тождество в единстве жизни. Различая тождество человека «как участие в одной и той же постоянной жизни непрерывно сменяющихся частиц материи, которые одна за другой органически соединяются с одним и тем же организмом» (Локк, Дж. Избранные философские произведения в 2 т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т.1: Трактат о человеческом разуме. 1960. 734 с. С. 335).

Спиноза тоже считал, что абсолютная идентичность не является причиной универсума, а это и есть сам универсум. В его трудах определение идентичности характерно множеством сторон.

В философии Канта мы находим иной взгляд на идентичность. Кант полагает, что идентичность зависит от воображения и рациональной способности человека к высказыванию мнения в отношении вещей. Она возникает и является принципом развития; имеет статус непрерывного изменения и процесса деятельности, выступает в качестве принципа развития и принципа ограничения для себя самой. Иначе говоря, идентичность не является тождеством, а являет собой скорее некую траекторию развития человека.

Собственной точки зрения на идентичность придерживался И.Г. Фихте, заключая, что окружающий мир превращает идентичность в объект. Для И.Г. Фихте, тождество связано со знанием, ведь весь объективный мир «не-Я» из абсолютного Я.

Идентичность по С.В.Ф. Гегелю, воспринимается как процесс, благодаря чему, это понятие применимо не только к бытию человека, но и к бытию целых наций, субъективного духа.

Г.В.Ф. Гегель полагал, что тождество сохраняет свое метафизическое значение, но понимается диалектически. При этом характерной чертой его подхода является то, что формирование идентичности соотносится с парой «тождественное – иное». Различие между объективным и субъективным присутствует только в мышлении как саморазвивающаяся идея, в которой заключены различенность и определенность. Гегель выводит особое философское понятие абсолютной идеи, под которой понималась подлинная реальность, первопричина всего окружающего мира и мировой дух, обладающий самосознанием и способностью творить. Абсолютная идея проходит такие периоды как становление и развитие, разрабатываемые в «науке ло-

гики», затем переходит в свое инобытие, как мир природы и завершается совпадением «мирового разума» с сотворенной им природой и обществом.

При этом, по его мнению, самосознание проходит путь от человека, от его идентичности (самости) и становится Богом, абсолютным знанием. В метафизическом представлении абстрактное тождество предполагает существование одинаковых, неизменных веществ. Таким образом, в философии Гегеля идентичность является способом осмысления проблемы единого и многого. В диалектическом же понимании тождество указывает на изменение каждого явления, которое не остается одинаковым, не является постоянно самим собой при переходе в другое тождество. Помимо абстрактного (абсолютного) тождества, которое никогда полностью не доступно человеческому сознанию, в котором нет различий, нет ни объекта, ни субъекта выделяется и диалектическое тождество. Оно является тождеством конкретным, указывая на изменения в явлениях, не являющееся одинаковым, имеющим в себе момент различия. Под диалектическим тождеством Гегелем понималось самотождество, изначально имеющее в себе момент различия, или зачатки нетождественности.

Как видим, идентичность в классической философии на протяжении долгого времени не проблематизируется как отдельный вопрос, а предстает как фундаментальная характеристика бытия. А точнее – идентичность предстает предпосылкой для понимания целостного единства мира, а так же ориентиром в стремлении к познанию абсолютной идеи, бога, универсальных структур, их идентичности.

В этом контексте вопрос о тождестве относительно человека разрешался в классической парадигме через его соотнесенность, причастность к бытию вечному и совершенному.

Тождество субъекта и объекта раскрывает в своих работах Ф.В.Й. Шеллинг, который считал, что мир свободы и природы развивается из единичного начала. Оно есть абсолютное тождество, не дифференцирующее ни субъект, ни объект, и рождающее все многообразие универсума, объясняя противоречивость «натурфилософии» и «трансцендентной философии».

В трудах Дэвида Юма мы находим определение идентичности, как самостоятельной проблемы. «Тождество личности» считается изменчи-

вым, состоящим из многих частей восприятия. Понятие, согласно Юму уже не является полностью рациональным, а тем более неизменным, истинное тождество не есть нечто реальное. Отношение сходства играет роль лишь в мире идей и зависит от причинности.

Согласно Юму, наши представления о тождестве личности порождаются непрерывным продвижением мысли вдоль ряда идей, соответствующих принципам бытия. Человек может менять свой характер, свои склонности, впечатления и идеи, но не терять при этом своего тождества. Память не столько производит, сколько открывает личностное тождество.

В работах Юма и Локка, которые в последующем легли в основу изучения человека (антропологической науки), идентичность или тождество понимается как характеристика бытия. Идентичность в метафизическом контексте выступает попыткой привести все к единому, как проблеме единого и многого. Постепенно проблематика тождества бытия и мышления становится не только онтологической, но и гносеологической. Мир предстает как открытое для рационального познания целостное единство.

Как видим идентичность в классической философии на протяжении долгого времени не проблематизируется как отдельный вопрос, а предстает как фундаментальная характеристика бытия, то есть как вопрос об идентичности бытия. А точнее идентичность предстает предпосылкой для понимания целостного единства мира, а так же ориентиром в стремлении к познанию абсолютной идеи, бога, универсальных структур, их идентичности. Вопрос о тождестве относительно человека в классической парадигме философии разрешается через соотнесенность, причастность к бытию вечному и совершенному.

Среди авторов, использующих понятие «тождество» в указанном ключе можно указать и Шопенгауэра, который говорил, что в основе мира лежит не разум, а «бессознательная» и «слепая» воля. Она есть абсолютное начало всего сущего и высший принцип мироздания.

С другой позиции подходит к вопросу о бытии и его идентичности Ф. Ницше, считавший, что кроме «воли к власти» нет какой-либо другой силы (ни физической, ни динамической, ни психологической), обеспечивающей целостность бытия социума (человека). Он пишет, что на протяжении столетий философы с «отчаянием в душе верят в бытие. И так как они не могут

овладеть им, то доискиваются причины, почему оно от них скрыто». По этой причине, по мнению Ницше, философы видят причину всего в разуме, который является искажением чувств, переворачивая все, меняя местами начало и конец, делая высшее производным от низшего. Далее на арену философии выходят позитивисты, к которым относятся О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Милль, видевших своей задачей очищение науки от метафизики. Позитивная философия в свою очередь опирается на конкретные факты и явления, отвечая на вопрос «как?», а не «почему?», видя идентичность бытия исключительно в его эмпирических и фактуальных проявлениях.

Э. Гуссерль желая понять абсолютную идентичность бытия, подобно Канту, обращается не к внешней реальности, а к внутреннему миру. Для него мир сохраняет свою значимость как феномен сознания, а при феноменологическом подходе существует только мир интенциональных объектов. Субъект и объект здесь неразрывно связаны, не существуя друг без друга, то есть условием идентичности объекта становится идентичность субъекта.

С идеями Гуссерля коррелируют и взгляды столь разных философов, как Ясперс и Фуко.

«Человек не может быть завершённым, для того чтобы быть, он должен меняться во времени. Каждый из его образов с самого начала несет в себе зародыш разрушения», – утверждает К. Ясперс.

«Классическая дискуссия, в которой находили свое общее место бытие и представление, исчезает вовсе, тогда в глубине этого археологического изменения появляется человек в его двусмысленном положении познаваемого объекта и познающего субъекта одновременно как властитель, подданный, наблюдатель и наблюдаемый...», – такова позиция М. Фуко.

В неклассической философии идентичность уже не является самоочевидным фактом, а метафизическая традиция осмысления тождества бытия и мышления переосмысливается, подвергается критике.

В постнеклассической философии тождество не только критикуется, оно отрицается, основываясь на положении о том, что не имеет достаточных оснований быть. Немецкий философ Т. Адорно в книге «Негативная диалектика» подвергает критике «мышление тождества», видя своей задачей избавление диалектики от «аффирмативного характера», разрушение обмана «силами самого субъекта... конститутивной субъективности».

Французский философ Э. Левинас, следуя духу и принципам постмодернизма в своих работах обращается к критике тождественного, строя при этом свою концепцию как отрицание единства множественности. Бытие, по его мнению «предстает перед философским мышлением как война», которая «осуществляется как чистый опыт чистого бытия», «вспышка молнии, сжигающая все покровы иллюзии, как онтологическое событие, вырывающееся в этой разреженной мгле, как движение существ, до тех пор, скрепленных своей идентичностью, как приведение в действие абсолютов: все это повинуетя объективному закону, которого нельзя избежать» (Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. М.; СПб., 2000. С. 66).

Для представителей Франкфуртской школы, к которой относятся такие мыслители как Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Ю. Хабермас характерна идея тождественности как эквивалентности бытия и его форм. В работе «Диалектика Просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера пишется: «Буржуазное общество управляется принципом эквивалентности. Оно делает разноименное сопоставимым тем, что редуцирует его к абстрактным величинам. То, что не поглощается числами, в конечном итоге единицей, становится для Просвещения видимостью, иллюзией; современным позитивизмом изгоняется в поэзию. Единство (тождество) остается главенствующим лозунгом от Парменида до Рассела».

Ж. Делез, в свою очередь утверждает о необоснованном господстве принципа тождества, в философии – ведь одинаковое и тождественное может интерпретироваться по-разному. «В сфере философии лежат единичности и множества, которые являются конфигурациями единичностей и тождества, предстают «симулированными», возникая как оптический «эффект» более глубокой игры – игры различия и повторения».

Впрочем, в рамках философии постмодернизма идентичность рассматривается с позиции деконструкции (как и прочие атрибуты бытия).

Так французский философ Ж. Деррида в работе «Насилие метафизики» пишет, что «согласно Левинасу, в «Я» не существует внутренней различности, фундаментальной инаковости, что позволяет подвергнуть осуждению как греческую философию, так и самые современные разновидности

сти философии, стремящиеся наиболее тщательно различать Я и тождественное, Другое и иное».

Далее развивая свою мысль, Ж. Деррида подвергает идентичность или тождество деконструкции. Для него это бинарная оппозиция наряду с существованием иного, а различие является неналичным в наличном, нетождественным в тождественном, противоположностью наличию как тождеству. А так же он вводит понятие *difference* – «не целое, не простое «начало»; это – структурированный и различающий источник различий».

Для постмодернизма обращение к внутреннему миру человека, поиска его идентичности и механизмов «расщепления» идентичности стало характерным наряду с субъектом повествования и функциями интертекстуальности. При этом в качестве маркера интертекстуальной адресованности выступает оценка рассказанного, а присвоение элементов чужой субъективности – как путь формирования особенностей идентичности. «Идентификации абсолютного транспонируются на человека» – пишет Т.В. Адорно в «Негативной диалектике».

В противовес рационализму философия жизни и экзистенциализм в качестве первичной реальности выдвигают жизнь, обращаясь к существованию человека из плоти и крови. Новый образ реальности в представлении этих философских течений связан с понятием интерсубъективности, то есть в истоках взаимодействия «Я» и «Другого». В этом контексте появляется «тема Другого как линия между классической и современной философией». Иначе говоря тождественность в рамках философии жизни и экзистенциализма имеет свое значение. А понятие интерсубъективности здесь вводится как базовое основание, благодаря которому обосновывается знание о мире, как основы общности и коммуникации субъектов. Идентичность, таким образом, предстает фундаментом строительства целостной картины мира посредством (на основе) интерсубъективной коммуникации людей.

В общем, разделяя эти идеи, Бахтин пишет: «К человеку невозможно применить формулу тождества, потому что именно в точке несовпадения с собой и творится идентичность, создается подлинное Я».

М.М. Бахтин считал, что в процессе идентификации личности играют роль «другие» (иные виды, индивиды), что этот «другой» участвует в самосознании человека. «Взглянув на себя глазами другого, мы в жизни сно-

ва всегда возвращаемся в себя самих», – пишет он. Отход философии от классических принципов и образцов произошел на рубеже XIX–XX веков – в этот период рефлексивно осмысливаются, пересматриваются представления об идеалах рациональности и «философии тождества». В итоге понимание идентичности в контексте неклассической парадигмы философствования сводится к разорванному, фрагментированному пространству, а мир не предстает целостной и закономерной системой, являясь разрозненным хаосом.

Итак, идея идентичности является одной из важнейших в истории философии. В эпоху Античности и Средневековья «проблема идентичности имела простое положительное решение, поскольку идентичность человека трактовалась на той же философской основе, что идентичность вещи: именно на основе субстанциальности. Субстанция – автономное бытие, пребывающее, самодовлеющее, самотождественное; и из всех философских начал она тесней всего связана с самоидентичностью, имея своим определяющим свойством, фундаментальным предикатом».

В классической философии, особенно в философии Гегеля идея идентичности (тождества) становится ключевой, получая наиболее яркое воплощение в принципе тождества (идентичности) бытия и мышления.

В постнеклассической философии понимание идентичности обретает противоречивый характер – она не отрицается как атрибут и мера бытия, но трактуется как множество фрагментов (паттернов).

Таким образом, в длительной истории развития смысловых граней идеи «идентичность» явно проходит ряд этапов. На первом этапе, так или иначе, доминирует идея идентичности субстанциональных основ бытия («чистых идей», Бога) или же идентичности бытия и мышления берущее начало от Парменида.

И только Хайдеггер, начинает идентичность трактовать как способ и форму «совместимости» мышления и бытия, когда «бытие и мышление взаимно принадлежат друг другу...». Новый этап в развитии смыслового пространства идентичности берет начало от Левинаса.

По словам Э. Левинаса он еще «не разрушает целое течение западной философии, но подводит ему итог». Проблема тождества у Левинаса преломляется через существование человека, ведь единственной действитель-

ностью в экзистенциализме признается бытие человека, «как начало и конец знания».

Представитель экзистенциализма Ж.П. Сартр в работе «Бытие и ничто» исходит из того, что мир является феноменом, есть сложное образование, структурированное экзистенцией на дорефлексивном уровне.

В этом контексте Ж.П. Сартр пишет: «Бытие есть. Бытие есть в себе. Бытие есть то, что оно есть. Вот три признака, по которым предварительное рассмотрение феномена бытия позволят присвоить бытию статус множества феноменов». Таким образом, принцип тождества является «отрицанием всякого рода отношений внутри бытия – в себе». Здесь, по сути, заложена идея открытой идентичности.

Концепция идентичности Ж. Лакана обращается к психоаналитическому ракурсу, преломляя тождество бытия и мышления через человеческое существование, как триады «Реальное-Воображаемое-Символическое». В этом ракурсе Индивид предстает расщепленным, ведь его существование строится на разрыве, травме, некоторого рода «трещине», находясь в непосредственной зависимости от матери. Он как «фрагментированное тело», ведь познание себя и своего тела дается ему в частях. На «стадии зеркала» ребенок находится в измерении воображаемого, видя идеально целостного двойника, он сам становится двойником своего образа. «Человеческое существо видит свою форму материализованной, целостной, видит свой собственный мираж, себя вне своих собственных пределов».

Очередной поворот в смысловом наполнении дефиниции «идентичность» связан с философией Рикера.

П. Рикер ввел понятие «повествовательной идентичности», под которым понимал необходимый аспект «форму идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности».

Как он полагает, благодаря повествовательной идентичности можно рассматривать нации, народы, классы, сообщества. Он считает, так же что основная проблема тождества заключается в непрочности идентичности, которая раскрывается через историю, являясь способом воспроизведения принадлежности той или иной социальной общности. Поиск истины «ведется между двумя полюсами: с одной стороны находится личная судьба, с

другой – нацеленность на бытие», ведь в истории всегда присутствует нечто не существующее.

Как известно, идеология классической философии и модернизма сводилась к метанаррации или метарассказу, как феномену существования концепций, доминированию в культуре определенного стиля мышления, принципа идентичности, равноправия множества сосуществующих картин мира. Идею «заката метанарраций» и отрицание идентичности провозгласил французский философ Ж.-Ф. Лиотар, который в качестве предмета своего исследования видел «состояния знания в современных наиболее развитых обществах».

В дальнейшем отрицание самого принципа идентичности и отказ от метафизического мышления приводит ход мысли постмодернизма к тому, что «сегодня сама реальность гиперреалистична». Так, по мнению Ж. Бодрийера, современное положение вещей напоминает человека, потерявшего свою тень. Его прозрачность от света, проходящего через его тело и делает его (человека) абстрактным, а идентичность стирается в гиперидентичности. Человек уже не является «ни субъектом, ни объектом, ни свободным, ни отчужденным, ни тем, ни другим: вы все тот же, пребывающий в состоянии восхищения от коммуникаций». Так современному постмодернизму представляется мир, бытие социума и человека – все сущее не более, чем нагромождение фрагментов, с которыми никакая идентичность не может быть соотнесена.

ТЕМА 3 ОСНОВНЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

- 1 *Мифология – колыбель философии*
- 2 *Умереть насовсем – значит родиться навсегда (индийская философия)*
- 3 *Преодоление желаний – избавление от зла (Буддизм)*
- 4 *Хаос или Порядок (Конфуцианство)*
- 5 *Философия естественной фатальности (Даосизм)*

1 Мифология – колыбель философии

Если существуют столь различные объяснения мира, рассмотренные нами в предыдущей лекции, то как же тогда возможна философия – форма духовной культуры, стремящаяся в наиболее общих чертах охватить и понять мир, познание, человека, если для кого-то мир – одно, а для кого-то – совершенно другое? Одни считают его реально существующей суммой всех материальных вещей, другие – всего лишь нереальной тенью божественного замысла, а третьи – не тем и не другим. Ведь, если допустим, некие ученые захотели изучить какой-то предмет, и один из них назвал его водой, другой – огнем, а третий – камнем, например, то могли бы они вообще изучать его? Трудно себе представить философию в качестве некой общей науки о мире – строгой и беспристрастной. Но ведь пять тысяч лет люди философствовали, и все, о чем они думали и говорили, называется историей философии. Поэтому философия вообще возможна прежде и, скорее всего, как история философии. Давайте посмотрим, что думали люди о мироздании давным-давно и совсем недавно, на какие вопросы пытались ответить и какие проблемы – решить. Тем более, что вопросы эти и проблемы, наверное, были одни и те же, так как человека всегда окружал – где бы он ни находился и когда бы ни жил – один и тот же мир. Древний египтянин и средневековый европеец, и житель Нового Света, и мы с вами, поднимая голову к небу, видим одно и то же солнце. И много тысячелетий назад, как и сейчас в северной части ночного небосвода неподвижно, безмолвно и величественно висел ковш Большой Медведицы. И раньше, как и

сегодня, лето сменялось осенью, а рождение – смертью, вечно увядала и расцветала природа, и по земле проходили поколения. И всегда и везде люди радовались и печалились, любили и ненавидели, стремились к счастью и отчаивались, и добро постоянно боролось со злом... Поэтому, если мы задумаемся об окружающем мире, мысль наша пойдет теми же путями, что и мысли наших далеких предшественников. Для нас философствовать – это значит вместе с древними мудрецами и когда-то жившими философами, и современными учеными размышлять о мироздании, его законах, смыслах и тайнах.

Для удобства изучения истории люди создают ее периодизацию, то есть делят всю историю человечества на большие периоды или этапы. Существуют различные варианты исторической периодизации, потому что разделить историю на периоды можно по-разному (по различным признакам). Наиболее распространенной и простой является периодизация, в соответствии с которой выделяются пять больших исторических эпох: Древний мир, Средние века, Возрождение, Новое время и XX-ое столетие. В каждую из них человек пытался познать и объяснить окружающий мир и самого себя.

Мы уже говорили о том, что живущий на земле человек, в силу самого факта своего существования не может не познавать окружающий мир, не философствовать о нем. Поэтому философия появилась, наверное, вместе с появлением человека. Человек же современного типа или человек разумный (*Homo Sapiens*) появился примерно 40 тысяч лет назад. Первые цивилизации возникли приблизительно 5 тысяч лет назад. Значит, большая часть человеческой истории приходится на первобытные времена. Мы знаем, что пещерные жители охотились и собирали дары природы, хранили огонь и боролись за жизнь. Они не писали книг, не совершали кругосветных путешествий и не делали научно-технических открытий. Науки и искусства появились в полном смысле только в эпоху цивилизации. Но видя перед собой окружающий мир, древнейший человек не мог не задумываться о нем, если был существом разумным, не мог не пытаться объяснить его себе, хотя бы в самых общих чертах. Поэтому и у первобытных была философия. Каким же образом философствовали наши далекие предшественники?

Первобытный человек объяснял себе окружающее с помощью мифов, совокупность которых – мифологию можно условно назвать философией первобытности. (Появившись в первобытный период человеческой истории, мифология не исчезла, а продолжала существовать наряду с другими – религиозными и философскими представлениями). Человек видел движение светил по небосводу, смену дня и ночи, разливы рек, вечное обновление природы. Ему было необходимо объяснить себе все это, понять происходящее вокруг. Но у него не было опыта, накопленного предыдущими поколениями, так как он первым шел по земле, у него не было книг и учебников, в которых он нашел бы ответы на волнующие его вопросы, не было научных приборов и технических приспособлений, с помощью которых он мог бы исследовать внешний мир и правильно понять его.

Мысленно поставим себя на место первобытных людей: мы ничего не знаем, но хотим узнать, а средств для этого у нас никаких нет, кроме собственных глаз, рук и ног. Мы стоим, допустим, посередине Балканского полуострова, идем в одну сторону и видим, что земля кончается, и перед нами расстилается бескрайний морской простор до самого горизонта, где небо сходится с водой; идем в противоположную сторону и находим такую же картину. Также мы видим, что Солнце выплывает из океана на Востоке, медленно путешествует по небу, все, освещая, и исчезает в воде на Западе, все, погружая во тьму, а вместо него над головой – ночное небо, усыпанное мириадами других светил. Что мы скажем по поводу всего этого? Наверное, что земля – это плоский диск, покоящийся на поверхности бескрайнего океана, который заключен в огромную вращающуюся сферу небесных светил, вечно движущихся в одном направлении – то в темных глубинах океана, то в светлом пространстве над ним. Теперь представим себя первобытными охотниками, всю свою жизнь проводящими в погоне за дикими животными, в убиении их и разделывании их туш. Мы видим на ночном небосводе то тоненький серп луны, то половину ее, то полную луну, иногда небо вообще безлунно, а днем в том же направлении, что и луна ночью, по небесному своду движется солнце. Наверное, мы скажем, что солнце охотится за луной, отрезая у нее куски мяса, но в какой-то момент луне удастся вырваться из рук солнца, спрятаться, и тогда она вновь обрастает мясом; солнце замечает это и опять начинает гоняться за ней. У

древних египтян, жизнь которых была тесно связана с Нилом, солнце – это бог Амон-Ра, который плывет по небесной реке в золотой лодке. В античном мире популярнейшим средством передвижения была колесница, и в греческой мифологии солнце – это бог Гелиос, который несется по небу в золотой колеснице, запряженной огненными лошадьми. А как не сравнить человеческую радость, смех, улыбки, счастье с расцветающей весной природой, ласковым солнцем, голубым небом и пением птиц, и, наоборот, – печаль, грусть, тоску и слезы – с природой увядающей, с пустеющими полями, опадающими листьями, серым небом и морозящим осенним дождем? Древние греки считали, что когда-то властитель подземного царства Аид похитил у богини плодородия Деметры прекрасную дочь Персефону, и верховный бог Зевс, дабы никому не было обидно, постановил, чтобы Персефона одну часть года проводила с мужем Аидом под землей, а другую часть – с матерью Деметрой на земле. Когда Персефона уходит к Аиду, Деметра печалится, и природа увядает, когда же дочь возвращается, она радуется, и все вокруг расцветает.

Как видим, первобытному человеку ничего не оставалось, как объяснить окружающий мир через самого себя, через свои занятия, образ жизни и чувства, сказать себе, что все вокруг такое же, как и он. Человек распространил (**экстраполировал**) свои черты на внешний мир, наделил его своими свойствами и качествами. Все вокруг, по его представлениям так же, как и он живет, то же самое чувствует и тем же самым занимается. На уровне мифологического сознания человек не только не отделяет себя от мира и не противопоставляет себя ему, он, напротив, отождествляет себя с миром, а мир – с собой. Он равен миру, и мир равен ему. Человек и мир – одно и то же, а значит, в мифологии нет разделения на объект и субъект, они равны друг другу, слиты воедино. Но где нет объекта и субъекта, там нет и познания. Если человек един с миром, то надо ли его познавать, если он и мир – одно, значит, человек уже все знает о мире. Но осознает ли он это знание? Не осознает. Получается парадокс: человек все знает о мире, но не ведает об этом. Это незнание знания и есть главная особенность мифологического состояния.

Было бы неправильно полагать, что мифологическое сознание – явление давно ушедшей эпохи. В сегодняшней жизни мы вполне можем

наблюдать его. Ребенок от рождения примерно до трех лет находится полностью в мифологическом пространстве. Присмотритесь к нему внимательно: он не выделяет себя из мира, а все окружающее для него – такое же, как он сам. Если младенец ударился, например, о стол, он стучит по нему, наказывая предмет, причинивший ему боль, пусть столу тоже будет больно, чтобы он больше никогда не обижал маленького. Посмотрите на детские рисунки: неодушевленные предметы – шкафы, тарелки, пылесосы – изображены с глазами, ушами, улыбками. Все вокруг ребенка живет и чувствует, все одушевлено, так же как для первобытного человека одушевлен окружающий мир. Это перенесение человеком своих качеств на все окружающее называется **антропоморфизмом** (от греч. антропос – человек и морфос – вид, форма), то есть приданием внешнему миру человеческих черт. Нам кажется, что ребенок наивен и ничего не понимает, но возможно, что, находясь в единстве с миром, он знает о нем все, только на своем особом первобытном, мифологическом уровне. Какие истины мироздания и какие глубины сущего были открыты древнейшим людям и доступны младенцам? Наше сравнение тех и других не просто аналогия. Вспомним, что онтогенез повторяет филогенез, то есть, что человеческий эмбрион за девять внутриутробных месяцев проходит в сокращенном виде несколько миллиардов лет эволюции всего живого на земле. Почему бы не предположить, что в первые три года своей жизни человек кратко повторяет несколько тысячелетий первобытности.

Трехлетний возраст считается в психологии кризисным. Его часто называют вторым рождением. Ребенок начинает понимать, что мир вокруг него совсем не такой, как он, но неодушевленный и чужой. В этом возрасте он впервые начинает употреблять слово «я», то есть выделяет себя из мира, выпадает из него, утрачивает свое первоначальное с ним единство, выходит из мифологического сознания и постепенно становится похожим на нас взрослых.

Так же и первобытный человек по мере своего исторического взросления начал понимать, что он – единственное разумное существо посреди неразумного мира. Он не только выделил себя из него, но и противопоставил себя всему окружающему. Когда человек выпал из мира, он превратился в субъект, все вне его стало объектом, и появилось познание как

стремление человека вернуться назад – к объекту, к единству с миром. Но, единожды отпав от него, он уже не может вернуться к утраченной целостности. Теперь, тщетно пытаясь постичь внешний мир, человек признается себе, что ничего о нем не знает. И он прекрасно понимает это. Получается новый парадокс: знание незнания. Мифологическая стадия существования заканчивается.

Итак, в первобытности человек един с миром и поэтому все (на своем уровне) о нем знает, но не осознает этого (незнание знания), в эпоху же цивилизации человек существует как бы вне мира, по ту его сторону, являясь познающим субъектом и поэтому ничего о нем не знает, но осознает этот факт (знание незнания). Перед нами вечный сюжет: «когда мы там, не знаем; когда же знаем, то уже не там», который наблюдается на самых различных уровнях и в самых разнообразных сферах. Например, в любой человеческой жизни есть досадные эпизоды, о которых по прошествии времени мы думаем примерно так: «Вот теперь я знаю, что мне надо было тогда сделать или сказать, меня бы нынешнего – в ту давнюю ситуацию, я бы теперь не сплеховал». Но дело в том, что назад вернуться невозможно. Когда мы были в прошлом, не знали, что следует предпринять, когда же узнали, то прошлое далеко позади, а мы в настоящем совершаем новые обидные промахи и ошибки...

2 Умереть насовсем – значит родиться навсегда (индийская философия)

Первые цивилизации появились приблизительно 5 тысяч лет назад на Древнем Востоке, под которым понимается огромный регион Земли от Египта до Индии. Мировоззрением этих цивилизаций был сплав религии и философии, последняя еще не выделилась в совершенно самостоятельную форму человеческого сознания, и поэтому древневосточные учения часто называют религиозно-философскими. Наиболее известные из них были созданы в Индии и в Китае.

Индийская философия выросла из ведической литературы. Веды, что в переводе с санскрита (древнеиндийского языка) означает «ведение» или «знание» – это священные книги древних индийцев, в которых содержится

их религиозное понимание мира. Ведическая литература складывалась длительное время, самые древние и основные ее памятники датируются приблизительно серединой второго тысячелетия до нашей эры. Впоследствии появились многочисленные комментарии к главным книгам (ведам). Наиболее важным из этих комментариев являются «Упанишады», в которых впервые делается попытка философского осмысления религиозного содержания вед. В «Упанишадах» мы находим сюжет, на котором впоследствии строилась вся индийская философия. Он состоит в следующем.

Все мироздание – это Брахман, то есть идеальное, духовное или разумное мировое начало. По смыслу – это Бог. Но представления о Боге у разных народов и в разные эпохи сильно отличаются друг от друга. Если считается, что Бог – это идеальное существо в виде какой-либо личности, которое стоит вне мира или над миром и мир сотворило, то такое воззрение называется **теизмом** (от греческого «теос» – Бог). В теизме Бог – это личное начало (потому что существует в виде личности) и поэтому часто называется личным Богом. Но теизм появился только на рубеже античности и средневековья, а в древности представление о Боге было иным. Считалось, что все окружающее нас – это и есть Бог или, что мир равен Богу, а Бог – миру, что они тождественны. Бог растворен во всем мироздании, он везде и поэтому нигде конкретно, он не вне мира, но внутри него, так как он и есть мир. Такой Бог называется безличным, потому что он в данном случае не в виде личности и вообще не может быть ни в каком определенном виде, ибо он и Вселенная – одно и то же. Понятно, что в этом случае не было творения, а мир, который является бесконечным божеством, существует вечно, ниоткуда не взялся и никуда не может деться. Это воззрение называется **пантеизмом** (от греческого «пан» – всё и «теос» – Бог, то есть всебожие). Через стадию пантеизма прошли многие древние народы. И теизм и пантеизм являются вариантами **монотеизма** (от греч. монос – один и теос – Бог) – представления, по которому существует только один Бог (личный или безличный, соответственно). Однако монотеизму исторически предшествовал **политеизм** (от греч. полнос – многий и теос – Бог) – представление, по которому существует много богов. Причем они могут мыслиться в облике животных, то есть быть зооморфными (от греч. зоос – жизнь и морфос – вид, форма) или антропоморфными (от греч. антропос –

человек и морфос – вид, форма). Монотеизм является более развитой формой религиозных представлений и соответствует более высокой ступени исторического развития. Кроме того монотеистические воззрения более близки философии, чем политеистические, а вернее в монотеизме содержится больше философских элементов, чем в политеизме. Поэтому для философии больший интерес представляет монотеизм, существующий в виде теизма и пантеизма.

Так вот индийский Брахман и есть то самое безличное начало, пантеистическое божество. Брахман – это весь мир. Индивидуальная человеческая душа – это атман, который является частицей Брахмана и поэтому должен находиться с ним в единстве. Но душа не находится в единстве с Брахманом, потому что постоянно отпадает от него и существует в каком-нибудь теле в физическом, материальном мире. Вернее, атман единожды отпадает от Брахмана, то есть частица целого отпадает от него и становится чем-то конкретным, индивидуальным, становится атманом и в то же самое время появляется в виде какого-либо материального предмета: растения или животного, или человека. Пока живет это физическое тело, живет в нем и душа – атман, когда тело умирает, атману следовало бы вернуться к Брахману и раствориться в нем, стать им и перестать быть атманом, но этого не происходит, и душа (атман) вселяется в другое тело, когда погибает и оно, атман начинает жить в новом и так постоянно. Это вечное рождение вновь называется сансарой (колесом перерождений). В каком теле родиться очередной раз решается законом кармы (воздаяния): если одна жизнь была плохой, следующая будет лучше и наоборот, хотя любая физическая, телесная жизнь плоха. Тело ведь рождается и умирает, а при жизни подвержено разным страданиям, будь это тело растения, животного или человека. Поэтому лучше всего после очередной смерти соединиться с Брахманом и больше не рождаться вновь, в физическом мире, не появляться на земле, не претерпевать отныне ни рождения, ни смерти, ни телесных страданий. Если атман соединится с Брахманом, он перестанет быть индивидуальной частицей, но станет Брахманом, то есть всем, потому что растворится в нем. Здесь можно привести грубый, но яркий пример: если крупицу сахара растворить в стакане с водой, крупица исчезнет, но она, соединившись со всей этой водой, станет всей этой массой воды, то есть ис-

чезнув, превратится в нечто гораздо большее, чем была сначала. Так же и атман, утратив свою индивидуальность, станет неизмеримо большим, будет равен Брахману, умерев насовсем и перестав рождаться на земле, соединившись с Брахманом, атман, тем самым, родится навсегда и будет жить вечно, ибо вечен Брахман. Но наша душа прочно привязана к колесу сансары и после очередной смерти мы вновь рождаемся для того, чтобы потом вновь умереть. Заветная мечта – это не родиться больше, умереть окончательно для того, чтобы родиться навечно, и перестав быть собой, стать всем. Это возвращение к Брахману называется нирваной. Но как достичь ее?

Мы рождаемся вновь потому, что сами воспринимаем себя в качестве некой конкретной единицы, некой индивидуальности, определенного «я». Мы сами себя обособливаем, индивидуализируем, а потому и живем постоянно в каком-нибудь конкретном, индивидуальном теле; воспринимая себя как «я», мы и являемся каким-либо определенным «я». Надо отказаться от этой индивидуальности, конкретности и осознать, понять, почувствовать себя не обособленной единицей, а частицей целого – Брахмана, то есть всего мира, надо воспринять себя, не как «я», а как элемент целого, или, иначе, следует понять, что меня, как такового нет, а есть только все мироздание, а я – растворенная в нем его крупица. И как только вполне искренне и совершенно мы это поймем и осознаем, так оторвемся от колеса сансары, освободимся от пут кармы и погрузимся в нирвану, то есть, умерев очередной раз, больше не родимся на земле, но теперь появимся в виде всего необъятного и вечного мира. Трудно отказаться от индивидуального сознания, трудно перестать быть собой, почти невозможно вполне уверовать в то, что меня на самом деле нет, что нет никакого моего «я», но только таким образом можно победить злую участь постоянных перерождений и обрести жизнь бесконечную и совершенную, не подверженную превращениям рождений, смертей и страданий.

3 Преодоление желаний – избавление от зла (Буддизм)

Одним из наиболее известных и значительных направлений в индийской философии является буддизм. Создание этого учения связано с легендой о принце по имени Сиддхартха Гаутама, который жил в Индии приблизительно в VI веке до нашей эры. Он был сыном одного знатного правителя, жил в роскошном дворце, окруженном великолепным садом, в котором росли необыкновенно красивые цветы и деревья, гуляли экзотические животные, раздавалось чарующее пение птиц, текли прозрачные ручьи с диковинными рыбами и били, сияя в солнечных лучах, прекрасные фонтаны. Гаутама был молод, здоров и богат. Он проводил дни свои безмятежно и счастливо, гуляя в своем райском саду и любуясь цветущей природой. Его дворец и сад были совершенно изолированы от всего остального мира, он его никогда не видел и потому не знал, что творится в нем. Ему казалось, что его молодость, здоровье и богатство вечны и неизменны, а счастье его бесконечно и постоянно.

Но однажды, гуляя по саду, принц подошел к самой его окраине, преодолел высокое ограждение и, влекомый любопытством, пошел посмотреть, что существует за пределами его прекрасного мира. По дороге он встретил старца с головой, белой как снег, и с изрезанным глубокими морщинами лицом и понял, что молодость его не вечна, и он сам когда-нибудь станет таким же старцем – слабым и беспомощным. Потом он повстречал человека, мучимого тяжелой болезнью, все тело которого было покрыто ужасными язвами и понял, что здоровье его не вечно и что неизвестно, где и когда его тоже может настичь болезнь и принести несчастья. Потом он увидел нищего в грязном рубище, который протягивал к нему костлявую руку за подаянием и понял, что сам он тоже мог бы быть нищим, и влачить жалкое существование, прося милостыню. Ведь богатство его не вечно – сегодня оно есть, но нет никакой гарантии, что и завтра он будет так же богат, а кроме того, ему просто повезло – он родился у богатых родителей, он ведь мог бы вполне быть и сыном бедняка. Гаутама понял, что, живя безмятежно в своем саду и считая жизнь прекрасной, глубоко заблуждался, потому что не видел, какой несчастной и печальной она

может быть. Только в его маленьком уголке она хороша, но в огромном мире – совсем иначе. Ведь он только сейчас и причем случайно, и не по своей заслуге молод, здоров и богат, но мог бы вполне быть стар, болен и нищ. Печали в жизни случаются гораздо чаще, чем радости, а счастье, словно черный лебедь – редкая птица на земле. Жизнь человеческая, понял он, по преимуществу наполнена страданиями и несчастьями, и потому тяжело ее бремя.

Он обдумал все это и открыл одну истину, которая озарила его, и он стал «просветленным» или по древнеиндийски – Буддой, положив эту истину в основу своего учения, которое в скором времени стало знаменитым и нашло многих приверженцев. Ядро буддизма – это «четыре благородных канона», то есть четыре основных положения, которые состоят в следующем.

Во-первых, жизнь это страдание и потому зло. Какой человек скажет, что жизнь его счастлива и что у него все точно так, как ему хотелось бы, а не наоборот? Трудно найти счастливец, зато каждый из нас чем-то недоволен, расстроен, обижен, претерпевает скорее страдания, чем радости, а если последние и случаются, то печалей, неустроенности, неудовлетворенности все равно больше.

Во-вторых, надо ответить на вопрос, в чем причина человеческого страдания и несчастной жизни. Причина эта заключается в постоянном стремлении человека к чему-либо, которое понимается весьма широко и называется в буддизме жадной. Человек всегда стремится к чему-то, чего-то хочет, имеет определенные желания и жаждет их реализовать. Начертите мысленно круг ваших желаний, а потом круг ваших возможностей. Второй окажется меньше первого и будет располагаться внутри него. Неудивительно, что мы хотим всегда большего и лучшего. Поскольку возможности не совпадают с желаниями, мы увеличиваем свои возможности, совершенствуем себя, чтобы достичь желаемого, мы ставим перед собой цели и стремимся к ним, и потому вся наша жизнь – борьба и напряжение. Но как только мы достигаем, чего хотели, как только круг возможностей совпал с кругом желаний, последний тут же увеличивается, у нас появляются новые цели, и мы опять стремимся и напрягаемся и, главное, вновь страдаем от того, что желаемое не совпадает с действительным. Получается, что наши желания – это стремительно убегающий вдаль горизонт, а

наша жизнь – постоянная погоня за неосуществимым и невозможным – оттого и является страданием, что мы изо всех сил хотим получить то, что получить не можем. Этот сюжет знаком каждому с детства по прекрасной пушкинской сказке о рыбаке и рыбке: как только очередное желание старухи исполнялось, она немедленно хотела большего, а в результате оказалась у разбитого корыта. К такому же печальному концу приходит и наша погоня за эфемерным горизонтом желаний. Каждый день мы живем, готовясь к некому «завтра», в котором наконец-то реализуются наши цели, и наступит желаемое, начнется «настоящая» жизнь. Но приходит «завтра», а мы тратим его на подготовку уже к другому «завтра», полагая, что там-то наверняка откроется наше счастье. Так проживаем мы жизнь свою – как бы на черновиках, все к чему-то готовясь и чего-то ожидая, а в результате оказывается, что беловика-то жизни не будет, что «завтра» не наступит и для будущего уже прошло время. Французский писатель Анатоль Франс в сочинении «Сад Эпикура» пишет: «Мне еще не было десяти, я учился в девятом классе (имеется ввиду обратный счет – авт.), когда наш преподаватель г-н Грешинэ прочел нам на уроке басню «Человек и гений». Но я помню ее, как если б это было вчера. Гений дает ребенку клубок ниток и говорит ему: «Это нить твоей жизни. Возьми ее. Когда захочешь, чтобы время шло скорей, дерни нитку: дни твои потекут быстрее или медленнее, смотря по тому, с какой скоростью ты будешь разматывать клубок. А пока не будешь до него дотрагиваться, жизнь твоя будет стоять на месте». Ребенок взял клубок; он стал дёргать нить – сперва для того, чтобы стать взрослым, потом – чтобы жениться на девушке, которую полюбил, потом – чтобы увидеть, как выросли дети, чтобы скорее добиться удачи, денег, почестей, чтобы сбросить бремя забот, чтобы избежать огорчений, связанных с возрастом недугов, наконец – увы! – чтобы покончить с докучной старостью. После прихода Гения он прожил на свете четыре месяца и шесть дней.»

Третьим пунктом учения является положение о том, что преодолеть страдание возможно через устранение жажды, то есть – постоянного человеческого стремления к чему-либо. Если бесполезно гнаться за расширяющимся кругом желаний, увеличивая при этом круг возможностей, то не лучше ли сузить круг желаний до круга возможностей. Ведь возможности меньше не станут, а желания, ограниченные до них и с ними совпавшие,

есть долгожданная гармония человека с самим собой, прекращение борьбы и напряжения, прекращение страданий. Кроме того, наше вечное стремление к большему и к лучшему, погоня за желаниями приковывает нас к колесу сансары и заставляет рождаться вновь – для новой жизни, новых стремлений и страданий. Отказываясь от своих желаний, мы тем самым отказываемся от самих себя, теряем индивидуальное «я» и погружаемся в нирвану, то есть умираем насовсем для того, чтобы жить вечно. Ограничение и уничтожение желаний, стало быть, единственный способ преодолеть зло земной страдальческой жизни и обрести вечность и счастье. Устранение собственных желаний называется **аскетизмом** и является путем правильной жизни в буддистском учении.

Четвертый его пункт раскрывает этот путь или поясняет его. Правильный жизненный путь, ведущий к нирване – это правильное суждение (т.е. понимание жизни как страдания), правильное решение (решимость проявлять сочувствие ко всем живым существам), правильная речь (бесхитростная, правдивая, дружественная), правильная жизнь (не вредить живым существам, не брать чужого, не прелюбодействовать, не вести праздных лживых речей, не пользоваться опьяняющими напитками). Аскетизм, таким образом, это преодоление различного рода желаний и специфический стиль или способ жизни – и практической, и эмоциональной, и интеллектуальной. Как ни удивительно, но для того, чтобы достичь счастья, надо отказаться от постоянных стремлений к нему. Мы оттого и несчастны, что гонимся за ним, полагая, что оно – в реализации наших желаний. Налицо парадокс: отказаться, чтобы получить, пренебречь, чтобы приобрести, остановиться, чтобы достичь.

4 Хаос или Порядок (Конфуцианство)

Одной из основных систем китайской философии было конфуцианство. Его создатель – философ Кун Цю по прозвищу Кун Фу-цзы (учитель Кун, в латинской версии – Конфуций) жил примерно в VI–V вв. до н.э. и излагал свое учение устно. Оно было впоследствии записано его учениками в книге «Беседы и суждения» (Лунь юй).

Тема земного зла волновала всех без исключения философов. Но если в буддизме речь идет о страданиях отдельного человека и способе их преодоления, то в конфуцианстве говорится о социальном зле или о несчастьях, которые претерпевает общество. Ведь если оно бедствует, значит, страдает и каждый отдельный его представитель и, напротив, если общество процветает, то благополучен и каждый человек, входящий в него. Каковы же причины социальных несчастий? Почему государи обижают свои народы, а народы поднимаются против своих государей? Почему родители не заботятся подчас о детях, а дети не уважают родителей, что порождает вечный конфликт поколений? Почему в мире процветает жестокость, ложь и вражда? И, главное, как избавиться от этих напастей и сделать человеческое общежитие гармоничным и счастливым?

Зло не имеет самостоятельной причины в мироздании, говорит Конфуций. Наш мир сам по себе не зол и не может быть таковым, потому что он создан и контролируется абсолютно добрым и высшим, безличным, пантеистическим началом – Небом (Тянь), которое само, будучи добром, назначило и мирозданию быть добрым. Небо установило порядок (Ли), наполненный добродетелью, то есть имеющий своим смыслом добро. Оно, таким образом, изначально заложено в программу мироздания. Зло не было создано добрым Небом в качестве самостоятельного элемента мира. Откуда же оно берется? Оно проистекает от нарушения порядка, который был создан добрым, то есть от нарушения добра. И это нарушение производим мы – люди, оттого, что не понимаем вполне этот небесный порядок, не видим его, не можем или не хотим ему следовать, выполнять его. Мы вносим в мир беспорядочность, разрушая изначально гармонию, мы создаем в нем хаос, тем самым нарушая и уничтожая первоначальный порядок. Так появляются несчастья и беды, так появляется зло. Таким образом, оно есть результат нарушения мирового баланса или упорядоченности. Зло – это разбалансированность мироздания. Представим себе механизм, прекрасно работающий, все части которого правильно соединены друг с другом и потому нормально функционируют. Теперь представим себе, что этот механизм разобрали и соединили его части не в той последовательности, неправильно. Будет ли этот разбалансированный механизм, как и раньше, работать? Скорее всего он вообще не сможет действовать. Так же

и в нашем мире, изначально гармоничном и упорядоченном, искажение гармонии, нарушение порядка превращают его в дисбаланс и хаос, в котором все не так, как должно быть: людям следует помогать друг другу, а они враждуют, им следует соблюдать справедливость, а они творят всяческие бесчинства, им надлежит поступать добродетельно, они же совершают злодейства.

Для того, чтобы этого не происходило, чтобы упорядочить и гармонизировать человеческую жизнь, сделать ее благополучной, нам следует понять небесную волю и тот добрый порядок вещей, который оно установило. Мы должны увидеть этот порядок, осознать его до конца, а далее – следовать ему постоянно, выполнять его неукоснительно. Нам не следует искать общественное счастье где-либо, так как оно всегда рядом с нами, им нужно только воспользоваться. От нас требуется всего лишь соблюдать добрый порядок, назначенный нам Небом, жить по нему, в соответствии с ним, выполнять все его принципы и правила, никогда не нарушать их, и тогда наша жизнь, построенная на исполнении этого порядка и руководимая им, будет безупречно правильной и оттого счастливой. Основными ее принципами или главными добродетелями, установленными Небом, являются великодушие (куань), уважение к старшим (ди), сыновняя почтительность (сяо), верность долгу (и), преданность государю (чжун) и другие. Понятно, что жизнь отдельного человека и всего общества, покоящаяся на соблюдении этих правил будет отличаться необычайной стабильностью. Если люди будут поступать не в силу субъективного произвола каждого, не по своим личным желаниям и устремлениям, которые разнообразны, противоречат друг другу и потому раскалывают общество, а в силу от века установленного порядка, единого для всех, тогда человеческое общежитие тоже будет одним целым, спаянным нерушимым единством общественным организмом, незыблемым и постоянным.

Стабильное общество, живущее по своему неизменному установлению, веками не будет меняться, а течение людской жизни будет столь же размеренным, как вечное движение Солнца по далекому лазурному небосводу. Внутренние изменения неведомы такому обществу, а от влияний и потрясений извне оно гарантировано, ибо, живя исключительно своими автономными законами, является совершенно изолированным от всего

остального мира. Пусть вокруг кипят страсти, и действительность стремительно меняется, пусть в одночасье создаются и погибают целые государства, нам нет до этого никакого дела, потому что у нас свое назначение, свой путь и свое разумение.

Конфуцианское учение как нельзя лучше соответствовало историческим процессам экономической, политической и культурной консервации и изоляции Китая и на долгое время стало официальной доктриной, способствуя внутренней целостности, неизменности и национальной самобытности китайской цивилизации, которая для европейцев всегда была непостижимой и загадочной. Они не понимали ее, удивлялись ей, а подчас и восхищались ее мудрой независимостью. Вспомним знаменитый монолог Чацкого у Грибоедова, в котором тот рассказывает, как один француз собирался «в Россию, к варварам, со страхом и слезами». Он думал, что придет к дикарям, а попал будто бы в родную страну: вокруг французская речь, французские платья и манеры. Чацкий досадует на то, что мы так подвержены заграничному влиянию и столь бездумно все перенимаем, как будто у нас нет ничего своего великого и прекрасного. Он в отчаянии восклицает: «Ах, если рождены мы все перенимать, хоть у китайцев бы нам несколько занять премудрого у них незнания иноземцев».

5 Философия естественной фатальности (Даосизм)

Другой великой системой китайской философии был даосизм. Его основатель, современник Конфуция, философ Лао-цзы (старый учитель) написал сочинение «Дао дэ цзин» (Книга о пути и добродетели). Одной из проблем философии всегда был и остается по сей день вопрос о свободе человеческой воли. Что определяет жизнь каждого из нас, а вернее, что главным образом на нее влияет: мы сами или же что-то вне нас? То ли все в наших руках и мы сами творим свою жизнь, то ли она подчиняется неким иным силам, которые от нас не зависят. Два всем известных положения прекрасно иллюстрируют существование проблемы. Первое о том, что «каждый – кузнец своего счастья», второе же говорит – «от судьбы не уйдешь». Воззрение, по которому мы сами формируем свой жизненный путь, может быть названо **волюнтаризмом** (все зависит от нашей собственной

воли), противоположный ему взгляд – это **фатализм** (от латинского слова «фатум» – судьба или рок, господствующий над людьми). В первом случае говорится о наличии свободы или свободной человеческой воли (что хочу, то и делаю, и все зависит только от меня), во втором же – об отсутствии оной и о наличии зависимости (что ни делай, все равно все будет так, как предрешено). Стало быть, если есть какая-то сила или сущность, или начало, которая выше нас и намного сильнее, в подчинении у которой мы находимся, тогда нет смысла надеяться и рассчитывать на себя, ибо этой высшей силой за нас все продумано и просчитано, и жизнь наша сложится так, как угодно чьей-то безграничной воле, ведущей нас в неведомом направлении. Если же эта сила не существует, а есть только мы со своими замыслами и расчетами, то все будет так, как мы хотим и предполагаем, ведь нет ничего над нами, стало быть, мы сами ведем себя в избранную нами же сторону. Получается, что фатализм обязательно предполагает тяготеющий над нами рок, отсутствие которого неизбежно ведет к волюнтаризму. Даосизм говорит о том, что человеческая воля в любом случае не свободна и что возможна только фаталистическая модель мироздания. Если рок существует, то фатализм сверхъестественный (так как этот рок – сила высшая и непостижимая), а если его нет, то получается не волюнтаризм, а тоже фатализм, но только естественный. Даосизм и представляет собой учение естественного фатализма. Сущность его в следующем.

Сам факт нашего появления на Земле уже есть акт нашей несвободы, потому что перед рождением нас никто не спрашивал: хотим мы того или нет. Нам не предоставляли выбрать – родиться или не родиться. А если кто-то, допустим, не хотел родиться. Так, например, для буддиста земная жизнь – это зло, и он предпочел бы не родиться вовсе. Мы появились на свет и, хотим того или нет, должны считаться с фактом нашего существования и подчиняться ему. Далее, выбирали ли мы наш пол, наследственность, родителей, социальную среду и историческую эпоху, в которую родились? Совершенно не выбирали. Все это было нам дано, безусловно, и авторитарно и, стало быть, опять ни о какой нашей свободе говорить не приходится. А воспитание, которое мы получили с колыбели и которое сформировало нас, сделав нас такими, каковыми мы сейчас являемся, разве выбирали мы его? Нет, оно тоже предложено нам помимо всяких наших

желаний. А если мы его не выбирали, а оно и сделало нас тем, что мы теперь есть, значит мы и себя самих не выбирали, и то, что мы сейчас из себя представляем есть результат совершенно от нас не зависящий. И, наконец, влияет ли все перечисленное на жизнь, то есть влияет ли пол, наследственность, среда, эпоха, воспитание и все прочее на человеческий путь? Конечно же, влияет, и даже определяет его, направляет, формирует. Можно привести еще множество иных факторов, так же влияющих на нас. А сумма всех этих факторов и будет той силой, которая ведет нас в определенном направлении и делает нашу жизнь той или иной. Вот и получается, что ни самого себя, ни свой жизненный путь никто не выбирает и не может выбрать, ибо и он сам и его жизнь предложены ему, как бы заданы ему, и с этой данностью идет каждый по земле, будучи не в силах что-либо изменить. Здесь можно возразить, что человек меняет все же свою жизнь и примеров тому – тьма. Но предположим, кто-то принял решение что-либо изменить. Почему он его принял? В силу каких-то причин и мотивов, то есть в силу чего-то. Но это что-то, значит, было в нем, присутствовало. А откуда оно? Черта характера? Особенность натуры? Склад ума? Но ведь мы только что видели, что и характер, и ум есть заданность, и что человек не выбирает их. Значит, если даже он и принял решение что-то изменить, он сделал это в силу своих внутренних особенностей, а они не от него зависят, ибо заданы изначально, стало быть, это решение он принял вовсе не свободно, и оно тоже было предопределено, так как вытекает все из той же совокупности факторов, которая влечет человеческую жизнь. Нам кажется, что мы поступаем свободно, что выбираем нечто и можем что-то изменить, но это иллюзия и самообольщение. Человек и его существование – грандиозная сумма огромного количества обстоятельств, параметров или факторов, которая обуславливает, формирует, задает то русло или колею, в которой движется наша жизнь в строго определенном направлении. Такое воззрение является фатализмом, но только здесь не сверхъестественная сила влияет на человеческий путь, а сложение всех естественных сил и обстоятельств ведет жизнь человека в какую-либо сторону. Поэтому такой фатализм мы называем естественным.

Человек, говорят даосские философы – это полет стрелы: она движется туда, куда послала ее рука стрелка и зависит ее движение от степени

натяжения тетивы, от сопротивления воздуха, от препятствий на ее пути. Понятно, что направление ее полета может измениться: подул сильный ветер, пошел дождь, или она во что-нибудь врезалась, но весь вопрос в том, может ли стрела **сама** изменить направление своего движения, самостоятельно отклониться в ту или иную сторону, полететь назад или же не лететь вовсе? Так и человеческая жизнь летит в том направлении, которое задают ей факторы и условия, ее формирующие, внешние параметры и обстоятельства, ее определяющие, и не может произвольно изменить это направление. Путь жизни, заданный всей суммой внешних сил, называется дао. Этот путь есть у любой вещи, потому что каждый предмет мира и его существование, как и человек, тоже результат всех возможных факторов. И у всего мироздания есть свое дао. Если сложить абсолютно все вещи нашего мира, все силы в нем действующие, все причины и следствия во всем их грандиозном и необъятном взаимодействии и целостности, то получится единый путь – дао нашего мироздания.

Если жизнь человеческая есть заданность, значит она известна вся – от начала и до конца: надо всего лишь просчитать все факторы и параметры, из которых она складывается. Мы просто не можем все совершенно учесть, а тем более просчитать, так как никто не может объять необъятное. Оттого нам и кажется, что результат нашей жизни, ее исход неопределен, во многом случаен и только будущее окончательно все осветит. На самом же деле все, что будет, вполне известно уже сейчас, но только не нам, подобно тому, как ответ задачи помещен в конце учебника, он уже есть, готов, он следует из ее условия, но ученику предстоит решать эту задачу, проходить последовательно все ее пункты, чтобы добраться до него. Ответ всего нашего существования тоже готов, так как вытекает из заданной совокупности исходных и текущих параметров, он помещен в конце книги под названием «Наша жизнь», только неведом нам, вследствие нашей неспособности охватить аналитически всю эту совокупность, отчего мы и думаем, что ответа пока вообще нет и самообольщаемся, будто бы он зависит от наших действий, планов и замыслов. Подкинем монету: может выпасть орел или решка. Нам кажется, что выпадение того или иного совершенно случайно и потому непредсказуемо. Но если бы нам было известно первоначальное положение монеты, сила толчка, сообщенного ей, количе-

ство ее переворачиваний в полете, сопротивление воздуха, сила земного тяготения и все прочие условия ее движения, если бы мы могли их учесть и просчитать, то тогда выпадение, допустим, решки было бы событием не случайным, а совершенно закономерным и не внезапным, а вполне ожидаемым и предопределенным.

Естественный фатализм говорит нам о парадоксальных вещах: получается, что жизнь наша нам совсем не принадлежит, так как она, да и мы сами – это всего лишь сумма от нас не зависящих факторов и условий. Выходит, что жизнь происходит с нами, для нас и делается нашими вроде бы руками, но в то же время совершенно помимо нас, вне нас и от нас не зависит. Наша собственная жизнь – это театральное представление, на которое мы смотрим, как зрители из зала, она происходит с нами, но вместе с тем она – феерия, на которую мы взираем совершенно со стороны. И даже если мы сами являемся действующими лицами в этом представлении, то играем не нами составленный сценарий и не нами избранные роли. Что остается нам? Спокойно смотреть на происходящее и безучастно дожидаться, чем оно закончится, видеть течение собственной жизни, нисколько не подчиняющиеся нам и не делать бессмысленных попыток что-либо в нем менять. Что же хорошего в таком понимании мира? Чем положителен естественный фатализм? Кажется – ничем. На самом деле наоборот: ведь если от меня ничего не зависит и я сам – некий заданный набор параметров, сам по себе развивающийся, тогда я нисколько не виноват в своих неудачах, и нет никакой моей заслуги в моих успехах. Чтобы не случилось в жизни – хорошее или дурное – я ни при чем, ведь так получилось, так сложилось, само собой сделалось, вне меня и помимо моей воли, ибо жизнь моя мне не принадлежит и сам я в ней ничего не значу и не могу. Также я ни к чему не стремлюсь и ничего не избегаю, потому что и то и другое бесполезно, я никому ничего не должен и, самое главное, я не должен ничего самому себе. Свобода от долженствования, от напряжения, от борьбы и погони за чем-то, которые наполняют жизнь страданиями, а, стало быть, свобода от страданий – вот результат естественного фатализма. Свобода от желаний и стремлений, надежд и отчаяний, проистекающая из недеяния есть величайшее благо, умиротворяющее человеческую жизнь. Я – результат внешних сил, заданная сущность, порождение всей совокупности условий – сам себе не принадле-

жу и сам себя не формирую. Напротив, все вышеуказанное делает меня и мою жизнь. Я такой, какой я есть и другим быть не могу. Такой, какой получился, сложился, оказался. Могу ли я в этом случае кому-нибудь позавидовать – у него лучше, чем у меня? Не могу, потому что он – другой, не такой, как я, и у него иная жизнь. Могу ли я над кем-то посмеяться или презреть кого – он хуже меня? Не могу, потому что он другой, и у него не такой, как у меня жизненный путь. Каждый человек задан самому себе мирозданием, каждый идет своей дорогой, играет свою роль, исполняет свое дао, у каждого своя миссия и смысл во Вселенной – и у блистательного могучего монарха, и у жалкого нищего раба. Бесполезно пытаться быть не собой – другим и занять чужое место и сыграть не свою роль. При таком взгляде и зависть, и гордость совершенно исчезают, и никого нельзя оценить с точки зрения «лучше-хуже». Не «лучше», а другой, не «хуже», но только иной. Невозможно сравнить двух людей, как невозможно сравнить, скажем, сосну и березу. Что лучше – сосна или береза? Какая краска хуже – красная или синяя? Какая человеческая жизнь удачливее, а какая достойна презрения? Никакая! О каждой можно сказать только то, что она есть и зачем-то нужна мирозданию. Сосна не сможет стать березой, сколь не убеждайте ее, что березой быть гораздо лучше, чем сосной. Один человек никогда не станет другим человеком, только потому, что они – разные сущности мира. Невозможно ругать одного за то, что он – такой, и невозможно хвалить другого за то, что он не такой как первый, как невозможно ругать негра за то, что он не китаец, лес – за то, что он не фруктовый сад, пустынную колючку – за то, что она не прекрасный цветок.

Жизнь, исполненная такого взгляда, ни к чему не стремящаяся, тихая и спокойная, погружена в созерцание своего дао и в безмятежное следование ему. Невозмутимо и мирно течет она неспешным потоком в обозначенном ей русле, не подверженная страстям, беспокойству и напряжению. Просто и умиротворенно внемлет она окружающему миру, как вечно внемлет небу цветущая и увядающая, всегда прекрасная и безмолвная природа. Истина даосизма – это жизнь, не противостоящая мирозданию, но спокойно в нем растворяющаяся, и тем самым достигающая мудрого счастья.

ТЕМА 4 ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

- 1 *«Золотой век» человечества*
- 2 *Поиск первоначала (милетцы и Пифагор)*
- 3 *Спор о природе Бытия (элеаты и Гераклит)*
- 4 *«Только атомы и пустота...» (Демокрит)*
- 5 *Сколько существует истин? (софисты и Сократ)*
- 6 *Вещество без Идеи – ничто (Платон и Аристотель)*
- 7 *Как быть счастливым? (эпикурейцы, стоики, скептики, киники)*

1 «Золотой век» человечества

Философия в чистом виде появилась у древних греков. Само слово «философия», как мы уже видели, греческого происхождения. Поэтому можно утверждать, что философию, как таковую, придумали греки. Они прочертили весь круг философских проблем и вопросов и наметили пути их решения. Последующие народы и эпохи развивали дальше, обогащали и продолжали те первоначальные положения и идеи, которые были сформулированы греками. Немецкий ученый Ф. Энгельс в книге «Диалектика природы» говорит, что «... в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений». Кроме того, философия древних греков дошла до нас в необыкновенно ярких и выразительных формах. Она представляет собой нечто среднее между наукой и искусством, и поэтому ее можно было бы назвать научной художественностью или художественной научностью. Греки имели особый дар, наверное, навсегда утраченный в человечестве, говорить о сложнейших вопросах мироздания необычайно просто, но в то же время точно, ясно и выразительно. Философия для них, как правило, не была родом деятельности, или профессиональным занятием, она была, скорее, образом их мышления или стилем жизни: они, философствуя, жили или, живя, философствовали. Жизнь и любовь к мудрости нераздельны в эллинском понимании (эллины – греки, Эллада – Греция в переводе с греческого).

Именно поэтому результаты греческой философии были огромными, наследие ее – колоссальным, а идейный резонанс – нескончаемым. Она по праву и всеми считается сейчас философией классической, то есть образцом, эталоном, совершенным вариантом любого философствования вообще. Поэтому изучающим философию следует начинать с эллинской мысли и глубоко с ней знакомиться, потому что именно греческая любовь к мудрости позволяет увидеть и почувствовать сам дух философии, ее специфику, непередаваемую внутреннюю сущность, вполне понять, что она такое.

Греческую философию часто называют античной. Но античность – это история и культура Древней Греции и Древнего Рима, поэтому можно полагать, что античная философия суть греко-римская. Но это не совсем так. Рим – величайшее государство Древнего мира – за свою тысячелетнюю историю превратился из маленького города на семи холмах в огромнейшую империю, которая охватила собой все Средиземноморье. Представим себе этот размах: вся Европа и половина британских островов, Малая и Передняя Азия, Ближний Восток, вся Северная Африка – поистине мировая держава. Все силы римского народа ушли в завоевательные войны, в создание необъятного государства, равного которому не было в человеческой истории. Понятно, что римлянам было не до философии и поэтому их любовь к мудрости была заимствованием и приспособлением к своим практическим нуждам оригинальных греческих идей. Рим оставил человечеству свою необыкновенную политическую историю, юриспруденцию и риторику, но философское наследие мир получил от греческой цивилизации. Поэтому под античной философией, как правило, понимается философия греков.

Древняя Греция, история которой охватывает период приблизительно с XXII по II вв. до н.э., очень часто воспринимается человеческим сознанием как нечто прекрасное, единожды появившееся на земле и с тех пор более недостижимое. В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» один из персонажей – Версиков – произносит такие замечательные слова: «Мне приснился совершенно неожиданный для меня сон, потому что я никогда не видал таких. В Дрездене, в галерее, есть картина Клода Лоррена, по каталогу – «Асис и Галатей»; я же называл ее всегда «Золотым веком», сам не знаю почему. Я уж и прежде ее видел, а теперь, три дня назад, еще раз мимоходом заметил. Эта-то картина мне и приснилась, но не как картина, а

как будто какая-то быль. Я, впрочем, не знаю, что мне именно снилось: точно так, как в картине, – уголок Греческого архипелага, причем и время как бы перешло за три тысячи лет назад; голубые, ласковые волны, острова и скалы, цветущее побережье, волшебная панорама вдали, заходящее золотое солнце – словами не передашь. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, и мысль о том как бы наполнила и мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть! И все это ощущение я как будто прожил в этом сне; скалы, и море, и косые лучи заходящего солнца – все это я как будто еще видел, когда проснулся и раскрыл глаза, буквально омоченные слезами...». Греческая философия была одной из сторон этого «земного рая человечества» и прошла в своем развитии три этапа. Первый – архаический, то есть древнейший, охватывает время примерно с VII по V вв. до н.э. Второй – классический, датируется V–IV вв. до н.э. и последний – эллинистический, начавшийся с похода эллинов на Восток, то есть с завоевания (эллинизации) Востока охватывает период с III по II вв. до н.э. Первый период чаще называется досократическим, то есть бывшим до появления в греческой философии Сократа, а архаических философов часто называют досократиками. В составе имени любого греческого философа два слова: первое – его собственное имя, а второе происходит от названия города, в котором он родился. Например, имя Фалес Милетский означает, что этот мыслитель был из города Милет. Под словом «школа» в истории греческой философии понимается не учебное заведение, а группа мыслителей, объединенная сходными идеями или мыслями, образующими в философии определенное течение или направление. После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению воззрений и учений эллинских философов.

2 Поиск первоначала (милетцы и Пифагор)

Первой школой в греческой философии была милетская, основанная в городе Милет (греческая колония на побережье Малой Азии) Фалесом. Его учениками и продолжателями были Анаксимандр и Анаксимен. Задумываясь об устройстве мироздания, милетские философы говорили следующее: нас окружают совершенно различные вещи, причем многообразие их бесконечно. Ни одна из них не похожа на любую другую: растение это не камень, животное – не растение, океан – не планета, воздух – не огонь и так далее до бесконечности. Но ведь, несмотря на это разнообразие вещей, мы называем всё существующее окружающим миром или мирозданием, или Вселенной, тем самым предполагая единство всего сущего. Несмотря на разницу между вещами мира, он является все же единым и цельным, значит у мирового многообразия есть некая общая основа, одна и та же для всех различных предметов. За видимым разнообразием вещей кроется невидимое их единство. Подобно тому, как в алфавите всего три десятка букв, которые порождают путем всяческих комбинаций миллионы слов. В музыке всего семь нот, но различные их сочетания создают необъятный мир звуковой гармонии. Наконец, нам известно, что существует сравнительно небольшой набор элементарных частиц, а различные их комбинации приводят к бесконечному разнообразию вещей и предметов. Это примеры из современной жизни и их можно было бы продолжать; то, что разное имеет одну и ту же основу – очевидно. Милетские философы верно уловили данную закономерность мироздания и пытались найти эту основу или единство, к которому сводятся все мировые различия и которое разворачивается в бесконечное мировое многообразие. Они стремились вычислить основной принцип мира, все упорядочивающий и объясняющий и назвали его Архэ (первоначало).

Фалес считал основой всего сущего воду: есть только она, а всё остальное – ее порождения и модификации. Понятно, что его вода не совсем похожа на то, что мы сегодня разумеем под этим словом. У него она – некое мировое вещество, из которого все рождается и образуется. Анаксимен первоначалом полагал воздух: все вещи происходят из него путем сгущения или разрежения. Самый разреженный воздух – это огонь, более

густой – атмосферный, еще гуще – вода, далее – земля и, наконец, – камни. Анаксимандр решил не называть первооснову мира именем какой-либо стихии (воды, воздуха, огня или земли) и считал единственным свойством первоначального мирового вещества, все образующего, его бесконечность, всеобъемность и несводимость к какой-либо конкретной стихии, а потому – неопределенность. Оно стоит по ту сторону всех стихий, все их в себя включает и называется Апейроном (Беспредельным).

Милетским философам, полагавшим первоначалом нечто вещественное или материальное противостоит Пифагор Самосский (с острова Самос), который, как и милетцы, говорил, что нас окружают совершенно различные предметы, но должна быть у этого многообразия единая мировая основа. В чем же она? Все вещи можно посчитать. Понятно, что птица – это не рыба, дерево – не камень и так далее. Но мы всегда можем сказать: две птицы, десять рыб, двадцать деревьев. Числом можно все выразить или описать. Число есть то, что всегда и неизменно присутствует в совершенно различных вещах, является их связующей нитью, единой объединяющей основой, поэтому его можно назвать первоначалом мира. Но число – нематериальная сущность, оно идеально и в этом принципиальное отличие пифагорейского воззрения от милетского. Из всех чисел главным является единица, так как любое другое число есть всего лишь та или иная комбинация единиц. Каким же образом первоначало мира – число порождает все видимое нами многообразие? Единице, говорит Пифагор, соответствует точка, а двойке – две точки, но через две точки можно провести прямую, таким образом, числу два соответствует прямая; тройке соответствует плоскость, потому что ее можно построить только через три точки, а через четыре строится пространство, которое, следовательно, соответствует четверке. Оно делится на четыре стихии: землю, воду, огонь и воздух, а каждая из них, в свою очередь, – на различные предметы, взаимодействие которых и приводит к бесконечному мировому разнообразию вещей. Это многообразие, таким образом, сводится к четырем стихиям, они – к пространству, пространство – к плоскости, плоскость – к прямой, а прямая к точке, которая является единицей. Получается, что весь мир представляет собой последовательное разворачивание идеальной сущности – Числа; оно же является не чем иным, как свернутым в единство мирозданием.

Как видим, первоначало всего можно было с одинаковым успехом усмотреть как в чем-то материально-вещественном, так и в чем-то идеально-бестелесном, что и сделали первые греческие философы – милетцы и Пифагор, развернув и обосновав два противоположных взгляда на происхождение и устройство мира.

3 Спор о природе Бытия (элеаты и Гераклит)

Следующей школой в греческой философии была элейская, основанная в городе Элея (греческая колония в Южной Италии) странствующим философом Ксенофаном Колофонским, который прославился своей критикой народной греческой религии и мифологии. Во-первых, говорит Ксенофан, греки считают, что богов много, во-вторых, что они подобны по своему устройству людям: у них те же руки, ноги, тело и голова, в третьих, олимпийские боги и в поведении своем мало чем отличаются от людей: они так же радуются и печалются, любят и ненавидят, обманывают и враждуют. Все их отличие от людей только в том, что они бессмертны и могущественны. А в остальном – это такие же люди. Разве возможно, спрашивает Ксенофан, чтобы богов было много, чтобы были они в человеческом облике и вели себя, как люди? Ведь такие боги вовсе не являются богами и остается только предположить, что их выдумали люди и наделили, естественно, своими собственными чертами. «Если бы коровы и лошади, – говорит Ксенофан, – придумывали себе богов, то их боги были бы коровами и лошадьми.». Это высказывание кажется атеистическим, но его автор далек от атеизма. Он выступает не против религии вообще, но только против конкретной ее формы. Олимпийским антропоморфным богам он противопоставил свое понимание божества. Бог – это высшее и непостижимое начало и поэтому, во-первых, он один, во-вторых, он бесформен, потому что приписать ему какую-либо известную нам форму (человека, животного, растения, природной стихии) невозможно, в-третьих, он неведом нам и невыразим, то есть мы совершенно не можем сказать, что он делает и как себя ведет. Такое божество Ксенофан называет термином Единое и говорит, что весь мир из него происходит и в него обращается. Единое – это и

есть все мироздание. Воззрение Ксенофана пантеистическое: мир и божество – это одно и то же начало – вечное, безграничное и постоянное.

Продолжатель его учения философ Парменид Элейский вместо термина Единое, предполагающего все существующее, употребляет понятие Бытие и предлагает его рассмотреть. Оно происходит от глагола «быть», который в личной форме звучит как «есть». Бытие, значит, – это все, что существует, все, что есть. Но если что-то сейчас есть, то возможно ли, что его не было в прошлом? Если возможно, тогда получается, что нечто, которое есть сейчас, и которого не было раньше, произошло из ничего. Но из ничего не может произойти нечто. Таким образом, если что-то сейчас есть, то это автоматически означает, что оно и было. Другое дело, что оно могло быть в прошлом в иной форме, но его не могло не быть вовсе. Далее, если что-то сейчас есть, то возможно ли, что его не будет в будущем? Если возможно, тогда получается, что нечто, которое есть сейчас и которого не будет в будущем, обратится в ничто. Но нечто не может обратиться в ничто. То есть, если что-то сейчас есть, это обязательно означает, что оно будет и в дальнейшем. Правда, оно может перейти в иную форму существования, но не может исчезнуть вообще. Итак, получается, что если что-то сейчас есть, то это непременно означает, что оно и было и будет, то есть, что оно из ниоткуда не взялось и не может в ничто превратиться или существует вечно. Из самого понятия Бытие, как видим, следует его вечность. То, что существует, обязательно вечно. Если же чего-то нет сейчас, то это значит, что его не было и не будет, ибо в противном случае пришлось бы предположить, что нечто обращается в ничто, из которого потом опять возникает нечто. Парменид произнес знаменитое высказывание, которое кажется, на первый взгляд, бессмысленным: «Бытие есть, небытия же нет». На самом деле в этой фразе подытожено всё, что было нами сказано выше: если что-то есть, то оно есть всегда, а если чего-то нет, то его нет никогда. Вечность, как мы уже отметили, вытекает из самого понятия Бытия и является его первым и наиболее существенным признаком.

Но то, что вечно, обязательно должно быть неделимым. Если что-то делится, значит, оно состоит из частей, и если части разъединятся, то этого предмета не будет. Следовательно, делимое то есть, то – нет. А Бытие есть всегда и потому оно неделимо. Но если это так, то оно нечто сплошное, не

состоящее из частей; и тогда возможно ли в нем какое-либо движение? Ведь если есть части и границы, то перемещение вполне допустимо. Но если что-то является абсолютно цельным и сплошным, то в нем ничего не может двигаться. Значит, Бытие неподвижно. Но любое движение это всегда какое-нибудь изменение. Стало быть, Бытие еще и неизменно. Итак, в результате чисто логического, умственного рассмотрения Бытия у нас получилось, что оно обязательно вечно, неделимо, неподвижно и неизменно. Такую картину Бытия нарисовал нам разум. Наши чувства же (зрение, осязание и другие) рисуют нам совершенно другую его картину: мы видим, что все не вечно (то есть возникает и уничтожается), делимо (состоит из частей), движется и меняется. Какая же из двух картин является истинной: та, которую нам рисуют несовершенные и грубые чувства, коими наделены все вообще живые существа, или же та, которую нам рисует, несомненно, более тонкий и совершенный по сравнению с чувствами разум, имеющийся только у человека? Картина, представляемая нам разумом является правильной. Чувства же нас обманывают. Мы видим мир делимым, подвижным и изменчивым, на самом же деле он неделим, неподвижен и неизменен, только мы этого не видим, но понимаем это разумом. Значит, действительно или подлинно существует не то, что мы чувствуем (воспринимаем органами чувств), а то, что мы мыслим. Мыслимое существует, а неммыслимое не существует.

Чувства, например, говорят нам о том, что все возникает и уничтожается. Понятно, что мы видим постоянно возникновение. Но давайте попробуем его помыслить, то есть представить себе возникновение не чувствами, а разумом. Допустим, что-то возникло. Обозначим его условно буквой А. Из ниоткуда оно возникнуть не могло. Значит появилось откуда-то, из чего-то другого. Из чего? Обозначим это другое буквой В. Из некоего В возникло некое А. Но это значит, что А уже содержалось в В, то есть, что в В было какое-то не-В, следовательно, В было самим собой и одновременно не было самим собой, что невероятно. Пытаясь помыслить возникновение, мы натолкнулись на противоречие, стало быть возникновение неммыслимо и потому невозможно.

Далее – мы видим, что все вокруг нас делится на части. Но попробуем помыслить деление. Всё состоит из частей, но каждая часть тоже, в свою

очередь, делится на более мелкие части. Значит, любая вещь является целым по отношению к частям, из которых она состоит, и в то же самое время она является частью по отношению к более крупному целому, в которое она входит. То есть вещь является целым и частью, что невозможно. Следовательно, деление немислимо и потому оно не существует.

И, наконец, мы видим, что всё движется. Но давайте попробуем помыслить движение. Это предлагает сделать последователь Парменида – Зенон Элейский, который выдвинул **апории** (парадоксы), доказывающие, что движение немислимо и поэтому невозможно. Рассмотрим две его апории. Первая называется «Дихотомия (деление пополам)». Допустим, телу надо пройти из точки А в точку В. Перед тем, как оно пройдет свой путь, ему сначала надо пройти половину этого пути, а еще раньше – четверть его, а еще раньше – $\frac{1}{8}$ этого пути, а перед тем – $\frac{1}{16}$, а еще раньше – $\frac{1}{32}$ и так сколь угодно долго. Получается, что телу надо пройти бесконечное количество отрезков. А можно ли пройти бесконечность? Тело, таким образом, никогда не сможет пройти из точки А в точку В. Вторая апория называется «Ахиллес и черепаха». Ахиллес идет на неком расстоянии вслед за черепахой, причем в 10 раз быстрее ее и никогда ее не догонит. Понятно, что зрительно (то есть, если мы представим себе такую картину) он ее догонит и перегонит. Но наша задача – не представлять себе движение чувственно, а попытаться помыслить его, разобрать или проанализировать логически, с помощью разума. Когда Ахиллес пройдет расстояние, разделяющее его и черепаху, она за это же время пройдет впереди него $\frac{1}{10}$ этого расстояния (ведь она идет в 10 раз медленнее) и будет на $\frac{1}{10}$ пути впереди него; когда Ахиллес пройдет $\frac{1}{10}$, черепаха за это же время пройдет $\frac{1}{100}$ и будет на $\frac{1}{100}$ впереди него; когда он пройдет эту $\frac{1}{100}$, она пройдет $\frac{1}{1000}$ и так до бесконечности. То, что мы видим вещи движущимися, говорят философы элейской школы, вовсе не значит, что движение действительно существует. Так, например, мы видим, что Солнце движется над нами с Востока на Запад, на самом же деле оно неподвижно. Почему бы не предположить, что и другие вещи, которые нам представляются движущимися, на самом деле неподвижны, только мы этого не видим, не ощущаем и потому не понимаем.

Элейским философам противостоит мыслитель Гераклит Эфесский, ключевой формулой учения которого были знаменитые слова: «Всё течет и

ничто не становится». Это высказывание говорит о том, что всё в мире вечно движется и меняется, ничто не пребывает в неизменном состоянии. А если мы что-либо и видим неизменным, то только потому, что не замечаем произошедших изменений. Так, например, дважды нельзя войти в одну и ту же комнату. Почему? Ведь сколько не заходи в нее – всегда одни и те же стены и окна, пол и потолок, столы и стулья. Но это только на первый взгляд. Когда мы заходим в комнату второй раз, там уже совсем другая комбинация молекул воздуха, уже произошли невидимые микропроцессы в веществе, из которого сделаны стены и потолок. Значит, это уже не абсолютно та же самая комната, какая была совсем недавно. Точно так же меняется и все остальное. Да и в нашем собственном организме происходят тысячи неоощаемых нами химических и физических реакций в секунду, и мы сами в каждый момент времени уже не те, что были мгновение назад.

Ничто не стабильно, все движется и меняется и никогда ни на чем не останавливается. Мир, в котором нет ничего устойчивого и постоянного является беспорядочным и хаотичным. Но только таким он и может быть. Вообще изменение и движение – это единственно возможный способ существования мироздания. Хаос мира – это главный его принцип или закон, по-гречески – **Логос**. Говоря иначе, высший закон всего заключается в том, чтобы оно было хаотичным. Но закон это нечто стабильное и упорядоченное. Получается парадокс: высшая упорядоченность мира заключается во всеобщей беспорядочности или хаотичности. Два противоположные начала – Хаос и Логос, оказывается, тесно друг с другом связаны и являются, как ни странно, тождественными.

Точно так же, говорит Гераклит, и все вещи состоят из противоположностей: мокрое и сухое, теплое и холодное, темное и светлое, день и ночь, расцвет и упадок и т.д. Противоположности борются друг с другом: день, например, это преодоление ночи, весна – победа над зимой, радость – отрицание печали. Борьба противоположных начал и является источником вечного движения и изменения. Если бы противоположностей не было, то ничто не менялось бы, так как любой вещи не на что было бы меняться. Но противоположности не только борются между собой, но еще образуют и единство. Так, например, мокрое – это противоположность сухого. Но почему оно мокрое? Только потому, что когда-то было сухим, намокло и пре-

вратилось в мокрое. Получается, что если бы оно не было сухим, то никак не могло бы стать мокрым и наоборот. Или, допустим, существовал бы только день, а ночи не было бы вовсе. Знали бы мы тогда, что такое день? Нет. Мы только потому и знаем, что он такое, потому что есть его противоположность – ночь. Выходит, что противоположности друг без друга не существуют, друг друга дополняют, друг из друга вытекают и друг друга предполагают. Они находятся не только в состоянии вечной борьбы, но еще и пребывают в неизбывном единстве. Эта фундаментальная закономерность мироздания, о которой говорит Гераклит, является главным принципом **диалектики** – учения о всеобщей связи и вечном изменении вещей.

Итак, элейские философы и Гераклит сформулировали два совершенно противоположные понимания мира. Первые говорят о том, что он неизменен, неделим и неподвижен, представляет собой вечную стабильность и абсолютную устойчивость; эфесский же мыслитель, наоборот, утверждает, что мир есть совершенное непостоянство, непреходящее движение, всеобщее изменение и полное отсутствие чего-либо устойчивого.

4 «Только атомы и пустота...» (Демокрит)

Примирил элейскую и гераклитовскую точки зрения философ Демокрит Абдерский. Он осуществил синтез этих двух воззрений. Так же, как и Гераклит, он считал, что все в мире находится в движении, изменяется и делится на части, но, вслед за элеатами, полагал также, что Бытием может быть только неделимое и неизменное. Ведь Бытие вечно, что следует из самого этого понятия, а вечное не может быть делимым, так как то, что состоит из частей, существует не всегда (если части вместе, оно существует, если же они разъединятся, то его не будет). Каждая вещь состоит из частей, считал Демокрит, но и каждая ее часть, в свою очередь, тоже состоит из частей, и так все делится сколь угодно долго. Но если деление возможно до бесконечности, если все вообще состоит из частей и все делимо, то тогда что же можно назвать Бытием? Делимое не вечно, а всё является делимым, значит всё не вечно, но Бытие может быть только вечным, следовательно, его вообще нет. Но Бытия не может не быть, что следует из самого понятия. Поэтому необходимо предположить, что всё делится не до беско-

нечности, а до некоего определенного предела, за которым деление невозможно. То есть, что существует некая частица, пусть очень маленькая, но неделимая дальше. Будучи неделимой, она не может уничтожиться, потому что не состоит из частей, на которые может распаться. Она существует вечно, а значит и является действительной основой Бытия, его носителем, представляет собой само Бытие. Делимое по-гречески звучит как «томос». Отрицательная частица в греческом – «а». Поэтому неделимое – это «атомос» или «атом». Это слово, как видим, впервые употребил Демокрит, и вот уже две тысячи лет оно существует во всех западных языках. Понятно, что атом в современном смысле – совсем не то же самое, что у Демокрита. Сегодня этим термином обозначается очень маленький элемент вещества, но отнюдь не неделимый: мы знаем, что атом состоит из элементарных частиц и имеет сложную структуру. У Демокрита же атом – это обязательно неделимое и потому вечное, то, что можно считать подлинным Бытием. Ведь единственное свойство атома – это всегда быть. Даже если бы он захотел не быть, он не смог бы это сделать. Атом (неделимое) обречен на неизменное существование, на Бытие. Демокрит в своем учении о постоянной основе всего сущего – атоме – частице мироздания вечной, неделимой и неизменной – разделяет воззрение элейских философов.

Но вслед за Гераклитом, он полагал мир вечно меняющимся. Дело в том, что по Демокриту, атомов бесконечно много, они движутся в пустоте и, сталкиваясь, соединяются, существуют какое-то время вместе, потом, под воздействием новых столкновений, разъединяются и вновь движутся, взаимодействуя друг с другом. Соединение атомов приводит к рождению вещей, разъединение – к гибели их. Все предметы, таким образом, возникают и уничтожаются, а мир представляет собой вечное движение и изменение. Все вещи совершенно различны, но, вместе с тем они, по крупному счету, одно и то же, потому что состоят из одних и тех же атомов. Мировое многообразие сводится к одной основе – атомам, движущимся в пустоте. Как за разнообразием мироздания у Фалеса стоит единое начало – вода, а у Анаксимена – воздух, у Пифагора – число, так у Демокрита – атомы. Почему вещи отличаются друг от друга, если сделаны из одного материала? Потому что атомы, из которых они образованы, соединены в каждой вещи по-разному и в различных пропорциях.

Любой предмет – всего лишь временная комбинация неделимых частиц и существует только до тех пор, пока они вместе. Вещи, то есть, то нет, и поэтому не являются действительным Бытием, говоря иначе, их вообще, по крупному счету, нет, а есть только то, из чего они состоят – набор неизменных атомов. Точно так же и свойства вещей существуют временно: нет вещи, нет и ее свойств. Они, таким образом, тоже, по крупному счету, не существуют, так как являются лишь порождениями атомных комбинаций. Всё, что мы видим вокруг себя, говорит Демокрит, на самом деле не является настоящей реальностью. За тем неподлинным миром, который нас окружает, стоит действительный, но невидимый нами мир атомов и пустоты. Он и есть истинно существующее, а всё, что мы воспринимаем чувственно – всего лишь его порождение и потому эфемерность, фантом, мираж, иллюзия. Нет ни гор, ни небесных тел, ни воды, ни земли, ни воздуха, нет растений и животных, говорит абдерский мыслитель, нет ни холодного, ни теплого, ни сладкого, ни соленого, ни белого, ни зеленого, нет вообще ничего, а нам только кажется, что всё это есть. А вот единственно и действительно существуют только атомы и пустота.

Для иллюстрации атомистической картины мира Демокрита приведем аналогию. Всем хорошо известен такой вид изобразительного искусства, как мозаика: есть набор цветных стеклышек или фишек, из которых можно составить один узор или орнамент или другой, ту или иную комбинацию. Сделаем из них какую-нибудь картинку, потом сломаем ее и построим другую и так далее. Существуют ли реально все эти рисунки? Нет, не существуют, они – только возможность. А что же существует реально? Только этот набор мозаичных стеклышек и больше ничего! Так и мироздание по Демокриту представляет собой не вещи и их свойства, но только сумму атомов, которая и есть единственная реальность.

5 Сколько существует истин? (софисты и Сократ)

В V в. до н.э. во многих городах Греции установилась демократическая форма политической жизни. Это значит, что на различные государственные должности людей не назначали, а выбирали путем народного голосования. Стало быть, человек, который вызывал симпатии избирателей,

удачно выступив перед ними в народном собрании, мог занять какой-нибудь ответственный пост. Ведь для того, чтобы за кого-то проголосовали, он обязательно должен был понравиться массе народа, которая коллективно и решала политическую судьбу тех или иных претендентов. Понятно, что в это время сильно поднялось в цене ораторское искусство и вообще образование, так как выступить перед народом с успехом мог только образованный, владеющий политическим красноречием человек. Но обширными познаниями в различных областях располагали тогда философы (отдельных наук и искусств, в полном смысле слова, в древности не было, и все их заменяла философия, а философы были почти единственными в то время учеными), к которым люди и стали обращаться с просьбами научить их различным премудростям, но прежде всего – умению спорить и доказывать, опровергать и убеждать.

Некоторые философы стали брать деньги за обучение и получили название софистов, то есть платных учителей мудрости. Они учили, прежде всего, риторике – различным приемам доказательства и опровержения, искусству вести спор и побеждать в нем, уметь при любых обстоятельствах воздействовать на слушателя и добиваться желаемого эффекта. Но для того, чтобы во всех интеллектуальных ситуациях выходить победителем, надо иметь способность и доказывать, и опровергать все, что угодно. Платные учителя мудрости изобрели разнообразные софизмы – внешне правильные доказательства заведомо ложных положений. Например, софизм «Рогатый» звучит так: «У тебя есть то, что ты не терял; ты не терял рога, значит ты рогат». Или софизм «Покрытый»: человека спрашивают: «Знаешь ли ты, кто стоит под этим покрывалом?», «Не знаю», – отвечает он. «Это же твой отец, – говорят ему, – выходит ты не знаешь своего отца». Или вы спрашиваете кого-нибудь: «Знаешь ли ты, что я хочу тебя спросить?» «Не знаю», – отвечает ваш собеседник. Тогда вы говорите ему: «Неужели ты не знаешь, что Солнце встает на Востоке?», «Знаю», – говорит он. «Ага, – торжествуя произносите вы, – выходит, ты знаешь, а сначала сказал, что не знаешь, получается – ты знаешь то, чего не знаешь». А вот более хитрый софизм: что лучше – вечное блаженство или бутерброд? Конечно же – вечное блаженство. А что может быть лучше вечного блаженства? Ничто! А бутерброд лучше, чем ничто, значит, он лучше, чем вечное блаженство.

Но одних софизмов недостаточно. Для того, чтобы побеждать в любом споре, человек должен быть всегда прав. Однако, если истина едина для всех, а спорящий не на ее стороне, тогда он никак не может быть прав. Значит, единственное, что остается софисту – это предположить существование не одной истины, а многих. Сколько людей, столько и мнений, каждый человек – сам себе истина. Знаменитый софист Протагор Абдерский предложил формулу такого воззрения: «Человек, – говорит он, – есть мера всех вещей». То есть как кому кажется, то для каждого и есть истина, которая, таким образом, совершенно субъективна (зависит от субъекта – человека). Ничего общего и обязательного для всех нет, никаких единых принципов или законов не существует. Каждый из нас сам себе устанавливает правила и ориентиры, по которым должна протекать его жизнь. Любое воззрение настолько же истинно, насколько ложно. Всё можно и доказать и опровергнуть, противоположные суждения совершенно равносильны. Обо всем можно сказать: «Это и так и не так одновременно». И все в данном случае зависит только от конкретного человека, который и устанавливает критерий правды и лжи. Такой взгляд называется **субъективизмом**. Но если нет ничего общепринятого, тогда никто не может быть ни абсолютно прав, ни абсолютно неправ, вернее, что кажется истинным одному, для другого – ложно, важное для кого-то оставляет иного совершенно равнодушным, смешное для одного кажется грустным другому, и если нечто представляется кому-то добром, другой вполне может расценить его, как зло. Получается, что ни о чем нельзя сказать определенно, и все в мире относительно. Таким образом, из субъективизма софистов вытекает **релятивизм** – положение об относительности всего сущего и мыслимого (*relativus* в переводе с латыни означает – относительный).

Познаваем ли мир, в котором нет ничего устойчивого и общеобязательного, но все субъективно и относительно? Скорее всего – не познаваем. Заслуга философской софистики в том, что она уделила значительное внимание гносеологической проблеме. Архаические философы от Фалеса до Демокрита не сомневались в познаваемости мира, поэтому их больше беспокоили вопросы о его устройстве (космологические) и происхождении (космогонические). Софисты же считали, что прежде чем рассуждать о мироздании, надо сначала выяснить – можем ли мы о нем вообще что-либо

узнать или же наш удел – оставаться в полном неведении и потому полагать истинным то, что кажется нам таковым. В ответе на этот вопрос они склонялись ко второму, и поэтому характерной чертой их учения является также **агностицизм** (гносис – знание, а – отрицательная частица в греческом) – утверждение о непознаваемости мира или же **скептицизм** (от греческого скептомай – сомневаюсь) – сомнение в возможности его познания. Так, например, софист Горгий Леонтийский, написавший сочинение «О несуществующем или о природе», сформулировал свои взгляды в виде трех положений: во-первых, ничего нет; во-вторых, если бы что-то и было, то оно было бы непознаваемым; в-третьих, если кто-то и смог бы что-либо познать, то не мог бы передать это знание другому.

Софистам противостоит знаменитый греческий философ Сократ Афинский. В отличие от них он считал, что истина, так же, как Солнце в небе, всё освещающее и всех согревающее, может быть только одна. Она едина для всех, общеобязательна и объективна, то есть существует вне нас и независимо от наших желаний. Не мы ее придумали и не нам ее отменять. Эта истина была до нас и будет всегда. Где бы ни жил и кем бы ни был человек, он не может не подчиняться ей, потому что она абсолютна. Как, например, всех людей, совершенно различных, объединяет то, что все они рождаются и умирают, радуются и печалются, дышат и ощущают биение своего сердца, так же все мы едины и нет меж нами различий перед лицом одной истины, разлитой во всем, все освещающей и пульсирующей в каждой человеческой душе. Если кто-то и вздумает утверждать, что он не подчиняется ей, не признает ее, что у него своя индивидуальная истина, это будет самообманом, попыткой отвернуться от неизбежного. Невозможно никому из нас, считал Сократ, отказаться от этой общей для всех нас истины, как нельзя отказаться от того, например, что ты – человек, как нельзя отказаться от собственных глаз, рук и ног, сердца и разума.

Что же это за истина? Где она? Чем является? Отвечая на эти вопросы, Сократ говорит, что было бы слишком самонадеянно кому-либо из смертных полагать, что он наверняка знает эту истину и точно может сказать, что она из себя представляет. Единственное, что мы можем утверждать, это то, что истина такая есть. Но говорить, что она есть нечто уже определенное, совсем известное, раз навсегда найденное и установленное, невоз-

можно, ведь речь идет об абсолютной истине, а человек как существо далеко несовершенное никогда не может достичь абсолюта. Скорее, даже наоборот, единственное, о чем мы знаем точно – это о собственном незнании, о трудностях, которые встают перед нами при попытках что-либо познать. Поэтому одним из известнейших изречений Сократа было: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Но наше неведение истины вовсе не означает, что ее нет. Мы просто не знаем какая она, и насущной задачей каждого человека как раз и является поиск этой реально существующей, единой для всех, но неизвестной вполне истины.

Причем искать ее любой из нас должен самостоятельно, потому что ни один авторитет, каким бы уважаемым он ни был, не может точно знать, какова истина и на этом основании вести за собой других. А самостоятельный поиск всегда чреват сомнениями, противоречиями и долгими размышлениями, но только таким способом – тернистым и многотрудным – человек может если не обрести истину, то хотя бы приблизиться к ней. Этот метод получил название **эвристического** (от греч. эвриско – я нахожу). Философ, говорит Сократ, должен содействовать ищущему в его начинаниях: не предлагая готовых ответов, он всего лишь помогает ему сориентироваться в необъятной стихии мыслей и идей, в которую вступает желающий найти что-либо истинное. Поэтому сократический метод также является **майевтикой** (от греч. майевтикос – повивальный): философ оказывает помощь рождению истины, но его участие в этом отнюдь не решающее, так как она все же должна рождаться сама в душе и разуме человека.

Однако, будут ли люди заниматься поиском какой-то неведомой и далекой истины, если повседневная жизнь прекрасно понятна им и для нее совсем не требуется никаких особых раздумий? Допустим, человек зарабатывает достаточно денег, чтобы безбедно существовать, имеет почет и уважение в обществе, у него привычные занятия и уверенность в завтрашнем дне. Он утром идет на работу и неплохо выполняет свое дело, получая от этого немало удовольствия, вечером возвращается к своему очагу, где ждет его кружка доброго вина и наслаждение отдыхом. Чего же более? Зачем размышлять о каком-то не вполне понятном бессмертии, смысле жизни, своем предназначении во Вселенной, о долге, добродетели и еще неизвестно о чем, если все и так достаточно хорошо? Все дело в том, что обыч-

ный круг жизни уводит человека от этих мыслей, заслоняет их собой, в то время как они, быть может, и являются главными, а все повседневное – суета и вздор, иллюзия жизни, неподлинность существования. Сократ считал необходимым постоянно напоминать людям, что помимо привычных дел есть заботы высшего порядка, иначе мы окончательно погрязнем в земной рутине и напрочь забудем о настоящем, истинном и нетленном, тем самым потеряв право называться именем человека – существа разумного, а потому не могущего не размышлять о глобальном и вечном. Он сравнивал себя с оводом, который больно жалит спокойно пасущуюся на лугу лошадь, не давая ей стоять на месте, медленно тучнеть, жиреть и пропадать зря. В своих беседах афинский мыслитель тонко подводил слушателей к пониманию того, что никто не может быть вполне доволен своей жизнью и самим собой, что нет пределов вопросам, сомнениям и стремлению к более совершенному. При этом он использовал приемы и методы, к которым часто прибегали софисты: ставил человека в интеллектуальное затруднение, озадачивал его противоречиями, заставлял усомниться в очевиднейшем и предположить невозможное. Только софистика ставила своей целью смутить человеческий ум, сбить его с толку, чтобы показать относительность и субъективность всего, Сократ же делал то же самое для того, чтобы через сомнения и мыслительные тупики подтолкнуть человека к поиску объективной и вечной истины.

Понятно, что такие его «приставания» далеко не всем были по душе. И как лошадь стремится прихлопнуть назойливого овода, так и афиняне решили избавиться от беспокойного философа, который своими вопросами «портит» людям беззаботную жизнь. Против Сократа организовали судебный процесс, обвинив его в нечестии – будто бы он не почитает государственных богов, не уважает традиций и развращает юношество. Понятно, что он не делал ни того, ни другого, ни третьего, однако его осудили слишком жестоко: Сократ выпил чашу с ядом. После казни философа его сограждане тут же раскаялись и воздали ему всяческие почести, как, впрочем, всегда бывает в таких случаях.

Сократ не оставил после себя никаких сочинений, узнаём же мы о нем из трудов его современников, а также по свидетельствам многочисленных учеников и последователей. Афинский мыслитель принципиально ничего

не писал, говоря, что книга – это ровно столько, сколько в ней есть, ее ни о чем не спросишь, с ней не поспоришь, и никакой текст никогда не заменит живого человеческого общения. Он излагал свои воззрения устно, но не только беседы, а и вся жизнь его была философией. Можно сказать, что Сократ не записывал собственное учение, потому что сам жизненный путь философа и был наиболее ярким воплощением его взглядов, в силу чего он стал своего рода символом философии, ее пафосом на века.

6 Вещество без Идеи – ничто (Платон и Аристотель)

Знаменитым учеником Сократа был философ Платон Афинский. Настоящее имя его – Аристокл, а Платон – это прозвище, которое переводится с греческого как «Широкий». Он получил его то ли за крепость телосложения, то ли за широкий лоб, то ли широту мысли. Если Сократ ничего не писал, то Платон оставил много сочинений, которые в современном издании занимают четыре больших тома. Его произведения написаны, в основном, в форме диалогов, главным действующим лицом которых является Сократ, беседующий с философами на различные темы.

Одной из основных мыслей Платона является известное утверждение о том, что видимое не есть реальное: если мы что-то видим, то это вовсе не значит, что оно существует именно так, как нами воспринимается. Эта мысль является одной из вечных в философии. Вспомним, элейские философы говорят – мы видим вокруг себя движение и изменение, но на самом деле ничто не движется и не меняется; Гераклит утверждал, что если нечто наблюдается нами неизменным, то это не означает, что оно действительно таково, просто никто не замечает всеобщее и непрекращающееся движение; вы думаете, говорит нам милетский философ Анаксимен, что вокруг нас – разные вещи, ничего подобного – все, кажущееся различным, есть одно и то же вещество – воздух, только в разных своих состояниях; мы видим горы и деревья, луга и озера, звезды и планеты, утверждает Демокрит, и совсем не понимаем, что нет ни того, ни другого, ни третьего, а есть только набор невидимых нами атомов, которые движутся в пустоте. Итак, вполне может быть, что видим мы одно, а на самом деле существует совсем другое.

Чтобы лучше понять теорию Платона представим себе такую картину. Допустим, перед нами лежат три предмета – яблоко, груша и слива. Эти вещи совершенно различные и не похожие друг на друга, понятно, что яблоко – это не груша, груша – не слива и т.д. Но есть в них нечто общее, сходное, делающее их отличными от других вещей, объединяющее их в одну группу предметов. Это общее мы называем словом «фрукт». Теперь спросим – существует ли фрукт в реальности – в качестве вещи, в которой были бы собраны все возможные фрукты земли, в качестве предмета, который можно было бы посмотреть или потрогать? Нет, не существует, говорим мы. «Фрукт» – это всего лишь понятие, термин, имя, название, которым мы обозначаем группу сходных между собой вещей. Реально существуют только сами эти предметы, а их названия реально в мире не существуют, так как они находятся в качестве понятий или идей только в нашем сознании. Так считаем мы.

Но ведь вполне можно предположить, что все обстоит совсем наоборот. Реально и сначала существуют идеи или понятия вещей, и не в нашем уме, а сами по себе, вне нас, только в особом, высшем, недоступном нам мире, а все вещи, которые нас окружают – всего лишь порождения этих первичных сущностей – идей и являются их отражениями или тенями и поэтому реально не существуют. Эта мысль – главная в учении Платона. Нам кажется, говорит он, что мир один – тот, который мы видим вокруг себя, на самом же деле мира два: один – высший и невидимый мир идей, другой – низший и воспринимаемый нами мир вещей. Первый порождает второй. Существует, например, в высшем мире идея лошади, она и обуславливает каждую конкретную лошадь, которая находится на земле. И именно благодаря этой идее земная лошадь остается лошадью и не превращается в какой-нибудь другой предмет. То есть чувственно воспринимаемые вещи обретают смысл, реальность, устойчивость, постоянство как раз из-за причастности к вечным и неизменным идеям. Если бы этого стабилизирующего мирового начала – идей – не было, то любая вещь постоянно переходила бы в любое иное состояние: муравей мог бы превратиться в слона или гору, или цветок, а планета могла бы стать треугольником или облаком, или каплей росы... Таким образом мир идей – это как бы смысловой «каркас» чувственного или физического мира, не видимый глазу, но доступный умозрению.

Но наш мир не вполне низший, потому что ниже его находится материя. Идеальный мир Платон называет Бытием, материю – Небытием. Она – ничто с его точки зрения, но она есть. Как это понимать? Мысленно перемешаем все разнообразные вещи нашего мира до состояния однородной массы. Получится некое мировое месиво, в котором не будет ни конкретных предметов, ни их свойств. Что можно будет сказать об этой массе? Ничего. Какая она? Единственно возможный ответ – никакая. И в этом именно смысле она ничто, Небытие. Знакомый нам по чувственным восприятиям мир возникает как раз на стыке материи и мира идеального: какая-либо высшая сущность – идея из бесформенной частицы материи творит нормальную, воспринимаемую нами вещь. Поэтому предметы физического или чувственного мира все же более совершенны по сравнению с никакой материей, так как в их появлении решающую роль играют вечные и неизменные, действительно сущие идеи.

Вещи телесного мира являются их проекциями, контурами, бледными подобиями или, всего лучше, – тенями. Для иллюстрации своего воззрения Платон предлагает следующую аллегория. Представьте себе, говорит он, что мы сидим в пещере спиной к входу и смотрим на ее стену. За нами в солнечных лучах проходят какие-то животные, пролетают птицы, растут цветы. Мы же видим на стене пещеры тени этих предметов, но поскольку сидим спиной к выходу, то не знаем об их существовании – нам кажется, что наблюдаемые тени и есть сами предметы и представляют собой единственно возможную реальность. Но вот, допустим, кому-либо удалось оглянуться и увидеть сам предмет, который, конечно же, тысячу крат совершеннее по сравнению со своей тенью. Увидевший поймет, что все время принимал тень за саму вещь, сравнит одно с другим и удивлению его не будет предела. Он осознает, что настоящий мир совсем не такой, каким он его раньше видел, восхитится и уже никогда более не будет смотреть на жалкие тени, но все свои силы направит на созерцание самих предметов; более того, он выйдет из пещеры, чтобы увидеть, что помимо ее низкого свода, серых, мрачных стен, гнилого воздуха есть широкие зеленые равнины, прекрасные луга, свежий простор, бесконечное лазурное небо, на котором сияет великое Солнце. Также и в нашей жизни: мы видим вокруг себя различные вещи и полагаем их реально и единственно существующими,

не понимая, что они – всего лишь ничтожные отражения, несовершенные подобию или бледные тени идей – сущностей мира действительного и в высшей степени подлинного, но недоступного и невидимого. Если бы кому-то из нас удалось увидеть за физическими вещами их настоящее начало – идеи, сколь бесконечно он презрел бы тот материальный, телесный мир, нам близкий, понятный и привычный, в котором мы живем, считая его единственно возможным.

Поэтому задача каждого из нас – за неподлинным увидеть подлинное, за нереальным – действительное, за материальным – идеальное, за контуром – настоящие очертания, за фантомом сущего – истинное Бытие. Как это сделать? Дело в том, что человек не полностью принадлежит миру вещей. У него есть душа – сущность вечная и идеальная, она-то и связывает его с невидимым миром. После смерти тела, душа отправляется именно туда, пребывает там какое-то время и при этом созерцает сами идеи и общается к высшему знанию. Потом она спускается в материальный мир и, вселяясь в какое-нибудь тело, забывает о своем знании. Но забыть не означает не знать вовсе, ибо в забывании кроется возможность вспомнить. Получается, что человек рождающийся уже все знает, но только потенциально. Ему не следует познавать с нуля и шаг за шагом приобретать знания. Он должен всего лишь обнаружить их в себе, проявить, вспомнить забытое. Поэтому познание по Платону – это припоминания души. Позже это воззрение получило название «теории врожденных идей». Но, несмотря ни на какие усилия, мы все же не сможем вполне постичь идеальный мир, хорошо если нам откроется хотя бы маленький элемент или фрагмент его. Ведь мы – хотим того или нет – находимся по преимуществу в мире телесном, который зол и несовершенен. Но коль скоро известно нам о Бытии прекраснейшем, то почему бы не попытаться земную жизнь облагородить и возвысить по его образцу, сделать ее более гармоничной, добродетельной и счастливой?

Душа человека состоит, говорит Платон, из трех частей: разумной, аффективной или эмоциональной и вожделеющей. Это сочетание в каждом случае не равномерное. Если преобладает разумная часть души, то человек – философ, если эмоциональная, он – воин, а если вожделеющая, то – земледелец или ремесленник. Получается, что род человеческий естественным

образом распадается на три сословия, каждое из которых должно заниматься тем, к чему предопределено своей природой: философы как люди всеведущие и мудрые должны управлять государством; храбрые, сильные и мужественные воины должны его защищать; а те, кто прекрасно знает как обрабатывать землю, умеет добывать урожай и изготавливать ремесленные изделия, должны трудиться и кормить государство. Каждый, занимающийся своим делом, будет приносить максимальную пользу обществу, и в этом случае нас ждет процветание. Если же каждый будет делать то, что не умеет, пользы не будет никакой, а общественная жизнь станет беспорядком. Первый принцип, на котором должно строиться идеальное государство – это разделение труда между сословиями, из которого вытекает полное отрицание демократии. Ведь она – это выборность руководящих государством людей. Как можно выбирать руководителя, недоумевает Платон. Ведь управлять должен тот, кто умеет это делать, а не тот, кто симпатичен нам и которого мы поэтому выбираем, чтобы он управлял нами. Не выбираем же мы кормчего на корабль – судном правит умеющий это делать, а если мы посадим на корму просто нам симпатичного или даже уважаемого человека, но совершенно не смыслящего в навигации, он потопит наш корабль после первых же минут плавания.

Вторым принципом идеального общественного устройства должно быть отсутствие частной собственности, так как она – источник всех бедствий. Если все равны, то кому придет в голову позавидовать ближнему оттого, что у него чего-то больше, и кому надо будет бояться соседа, который может что-либо отнять. Равенство исключает и зависть, и страх, и вражду. Из-за чего людям ссориться и обижаться друг на друга, если все одинаковые по своему имущественному положению? Общество и государство, построенные на естественном разделении труда и отсутствии частной собственности, будут процветающими и счастливыми. Так должно быть, но в действительности все иначе: каждый делает не свое дело; руководители не умеют управлять, ввергая народ в пучину страданий, воины скверно защищают его, а земледельцы не трудятся; любой преследует личный интерес, раскалывая общественное единство; все враждуют со всеми, а в результате на земле множатся бедствия и несчастья. Нарисованная Платоном картина – идеал, к которому следует стремиться и по которому должно

преобразовывать нашу жизнь. Как правило, учение о совершенном обществе называется **утопией** (в пер. с греч. – несуществующее место: у – не + тоπος – место), потому что чаще всего идеалы на практике не осуществляются, и мечты не сбываются. Таким образом, Платон создал первую в истории человечества развернутую социальную (общественную) утопию.

В священной роще близ Афин, в которой по преданию был похоронен мифический герой Академ, Платон основал свою философскую школу, которая получила название Академии. Эту платоновскую школу закончил знаменитый впоследствии его ученик Аристотель Стагирит, который является последним представителем классического периода греческой философии.

Аристотель несколько видоизменил теорию Платона. Каким образом, спрашивает он, вещи могут существовать отдельно от идей, их порождающих? Как тени и предметы, которые их отбрасывают, могут находиться в совершенно разных местах? Платон, говорит Аристотель, слишком противопоставил друг другу мир идей и мир вещей, между ними в его учении – пропасть. Поэтому необходимо предположить, что предмет и его идея существуют вместе, в единстве. Вместо платоновского понятия «идея» Аристотель употребляет термин «форма», который обозначает идеальную сущность, вечную и неизменную. «Форма» Аристотеля – это почти то же самое, что «идея» Платона. Помимо форм существует также материя, которая, будучи напрочь лишённой свойств, качеств или признаков, является никакой, представляет собой ничто. Во взгляде на материю как на Небытие Аристотель вполне сходится с Платоном. И вот какая-либо высшая сущность – форма вселяется в бессмысленный кусок материи, и получается нормальная, чувственно воспринимаемая вещь физического мира, которая обладает размером, цветом, запахом и прочими качествами. Например, форма лошади (или идея лошади – как сказал бы Платон) вселяется в никакой, то есть бесформенный, кусок материи и появляется телесная, конкретная лошадь, которую мы перед собой видим; а форма, допустим, цветка встраивается в другую ничего из себя не представляющую частицу материи, и делает из нее вполне материальный цветок, имеющий определенное строение, цвет, аромат и другие свойства. Здесь можно привести следующую аллегория. Допустим перед нами лежит бесформенный кусок пластилина, но в нашем сознании есть представление или образ, например,

дерева. Если мы этот свой умственный образ перенесем в кусок пластилина или наделим его этим образом, то есть вылепим из данного материала дерево, то бесформенный кусок пластилина превратится в нормальный предмет, у которого есть ствол, ветви, корни и так далее. Пока материал был бесформенным, мы ничего не могли о нем сказать, и он был ничем, но наделенный с помощью наших рук и сознания некой формой, он превратился в вещь, о которой теперь можно что-то говорить, то есть – стал чем-то. Так же и в окружающем нас мире: все вещи – это материя, преобразованная идеальными сущностями – формами. Все мироздание – это оформленное вещество. В любой вещи есть и материя и форма, а их нерасторжимое единство и является этой вещью. Таким образом, если в учении Платона мир идей и мир вещей существуют отдельно друг от друга, то по воззрению Аристотеля мир форм и мир материи образуют одно целое, которым и является все нас окружающее. Однако решающая роль в существующем принадлежит именно формам. Без них материя – ничто, и они приводят ее к состоянию упорядоченности, правильности и мировой гармонии. Материя, говорит Аристотель, есть всего лишь возможность Бытия, форма же из этой потенции создает действительность. Низменная материя – строительный материал, сущность вещей, форма же из этой основы создает подлинное существование. За видимым материальным строит невидимое идеальное, за чувственным – бестелесное, за несовершенным и изменчивым – совершенное и неизменное. Только одно нельзя отделить от другого, потому что они совпадают в рамках того мира, в котором мы живем, составляют неизбывное единство. Нет материи вне и помимо формы, считал Аристотель, как нет и формы без материи. И только одна единственная форма существует совершенно сама по себе, ни от чего не зависит и является предельно автономной. Это Ум – перводвигатель – причина и начало всего. (Его Аристотель также называет Богом).

Иной взгляд на взаимодействие материального и идеального в учении Аристотеля обусловил и несколько отличное от платоновского понимание познания. Платон полагал бессмысленным изучение вещей окружающего мира, так как они – всего лишь тени, а познавательной задачей он считал выведение знания из человеческого ума, в котором оно уже изначально содержится. Аристотель же говорит о том, что любая форма находится обя-

зательно в единстве с материей, внутри каждого конкретного предмета, и поэтому не изучать последние невозможно – только через исследование отдельных вещей мы можем прийти к постижению формы, их определяющей, а значит познание должно состоять в исследовании внешнего мира, в накоплении фактов, обогащении нашего опыта; знание, таким образом, выводится не из ума, а из изучения окружающей действительности.

Из всех античных мыслителей средневековая теистическая философия (христианская – на Западе и мусульманская – на Востоке) признала прежде всего Аристотеля. Причем, не только признала – Стагирит стал непререкаемым, почти священным авторитетом в духовной жизни Средних веков. В это время утвердилось знаменитая фраза: «Сам сказал!» (Ipse dixit!). Если кому-то из спорящих удавалось доказать, что отстаиваемые им положения высказывал в свое время Аристотель, то он произносил эти заветные слова и спор считался законченным. Спорить дальше означало вести полемику с самым выдающимся философом всех предыдущих эпох, учение которого считалось в средневековье совокупностью истин безусловных и неизменных.

7 Как быть счастливым? (эпикурейцы, стоики, скептики, киники)

В 334 г. до н.э. греческое войско под предводительством Александра Македонского начало поход на Восток, который продолжался девять лет. На греческом языке Греция – это Эллада, а греки – эллины. Они завоевали Восток или эллинизировали его. Эпоха, которая началась с этого времени называется эллинистической или эллинизмом. Основной ее чертой была крайняя нестабильность и непредсказуемость. Весь старый, привычный и веками незыблемый уклад жизни рухнул, все менялось стремительно и безусловно. Действительность стала для человека жестокой и враждебной, в силу чего у него пропала уверенность в завтрашнем дне. Ощущение, типичное для этой эпохи – чувство потерянности и ненадежности. А когда утрачиваются все внешние гарантии, у людей возникает стремление обрести их внутри себя. Как выжить и сохранить самообладание в мире, где каждый брошен на произвол судьбы? Как оставаться спокойным и невозмутимо взирать на происходящие вокруг катаклизмы? Как оставаться самим собой, несмотря на разрушающуюся действительность? В эллинисти-

ческой философии на первый план выходит антропологическая проблематика, а вопросы онтологические и гносеологические занимают подчиненное по отношению к ней положение. Главный вопрос философской мысли этого времени – как быть счастливым, как обрести внутри себя уверенность и благо, когда во внешнем мире ничего подобного найти уже невозможно. Счастье по-гречески звучит как **эвдемония**, поэтому философия эллинизма может быть названа эвдемонистической (ищущей счастье). В ней оформились четыре основных школы, сходные между собой в стремлении обосновать и разработать эвдемонизм, но различающиеся способами или путями, которыми они предлагали человеку достичь счастья.

Основателем одной из них был Эпикур с острова Самос. Прежде чем выяснять, считал он, каким образом можно достичь счастья, надо устранить препятствия к нему. Что мешает обрести благо? Прежде всего – страх, который является вечным спутником человеческого рода и постоянно отравляет его существование. Из всех возможных страхов есть три главных, от которых следует избавиться в первую очередь. Это страх перед Богами – существами высшими и могущественными, способными не только помочь нам, но и навредить; страх перед смертью – печальным, а главное, совершенно непостижимом финалом любой человеческой жизни; и страх перед судьбой – предопределением, от нас не зависящим, которое может быть как добрым, так и злым. По поводу первого Эпикур говорит так: Боги – бессмертные существа, а значит и совершенно блаженные (то есть обладают полным благом, абсолютно счастливые). Представьте себе того, кто имеет все возможное благо, кому предельно хорошо: будет ли он к чему-то стремиться, чего-то избегать, ставить перед собой цели и задачи и вообще – что-либо делать? Не будет. Значит Боги как совершенно блаженные являются и полностью бездеятельными и поэтому никак не могут повлиять на нашу жизнь. Стало быть, хотя они и существуют, их вовсе не следует бояться. Что касается смерти, говорит Эпикур, то мы прекрасно знаем, что все хорошее и дурное заключается в ощущениях, а смерть – это лишение всех ощущений, а значит после нее нет ни хорошего, ни дурного. Напрасно мы думаем, что она имеет к нам какое-либо отношение, как раз наоборот – пока мы есть, смерти нет, когда смерть есть, нас нет, то есть она и мы – это совершенно разные вещи, которые никак не соприкасаются

и поэтому смерти не надо бояться. Относительно страха перед судьбой получается следующее. Если предопределение существует, значит есть и высшие силы, которые его назначают. Но только что мы видели, что Боги совершенно бездеятельны и не влияют на нас. Кому же тогда предопределять наш путь, в чьих руках наша жизнь? Остается сказать только то, что – в наших собственных. Каждый – хозяин своей судьбы и кузнец своего счастья. На нас никто не влияет, кроме нас самих. Судьба – это результат своих собственных действий, поступков и усилий и бояться ее, значит бояться себя самих.

Освободившись от страхов, необходимо выяснить, что следует делать, а чего – не следует для того, чтобы обрести счастье. Надо, говорит Эпикур, выбирать удовольствия и избегать страданий. Этот пункт его учения, кажется, на первый взгляд, гедонистическим утверждением. **Гедонизм** (от греч. гедонэ – удовольствие) – это культивация удовольствий. Но при более детальном ознакомлении с эпикурейской теорией выбора и избегания видно, что охарактеризовать ее как гедонизм невозможно. Во-первых, стремление к удовольствиям, полагал Эпикур, должно быть разумным: надо уметь и отказаться иной раз от чего-то соблазнительного и претерпеть, если нужно, какое-нибудь страдание. Во-вторых, удовольствия делятся по Эпикуру на три вида: 1) естественные и необходимые; 2) естественные, но не необходимые и 3) неестественные и не необходимые; из этих трех групп надо выбирать только первую, удовольствия же второго и третьего вида следует отбросить как совершенно пустые и бессмысленные. В-третьих, само отсутствие страданий, по мнению Эпикура, уже есть удовольствие. В-четвертых, и это главное, счастье заключается не в том, что вне нас, а в нас самих. Ведь ни для кого не секрет, что одно и то же событие может быть по-разному воспринято различными людьми в зависимости от их установок, оценок и мнений. Один обрадуется чему-либо, другой расстроится из-за этого, третий останется равнодушным по тому же самому поводу. Счастье – не в вещах, а в нашем отношении к ним. Стало быть, если мы произвольно поменяем свои оценки происходящего, все вокруг может (для нас) радикально измениться. Если мы иначе отнесемся к событиям собственной жизни, то понятно, что наше восприятие их станет совершенно другим, сможет превратиться из отрицательного в положительное, и поэтому от

нас вполне зависит, чтобы печали стали радостями, а напряжение сменилось спокойствием. Значит если кто-то хочет быть счастливым, то он запросто может им быть, надо только открыть источник счастья в себе самом. А мы, как правило, ищем его вовне и, понятное дело, не находим. Из всего сказанного видим, что Эпикур вовсе не призывает к максимальному удовлетворению всех возможных желаний. Как раз напротив, он предлагает человеку довольствоваться малым и при этом испытывать не страдание от недостатка, а удовольствие от самого наличия. Зачем, спрашивает он, нам богатый стол и роскошные кушанья, когда и грубая еда может доставить столько же удовольствия. Не случайно же говорят, что голод – лучшая приправа к пище. Человеку, который хочет есть, простой черный хлеб покажется очень вкусным и доставит ему немало положительных эмоций, в то время как того, кто постоянно переедает, не удовлетворят даже изысканные яства. Зачем человеку, продолжает Эпикур, мягкая перина и десяток подушек, когда можно прекрасно выспаться даже на жестких досках, была бы возможность просто поспать в течение ночи, а не бодрствовать, борясь со сном, охраняя, например, какой-нибудь объект. Получать удовольствие от немногого – вот действительное жизненное искусство, говорит Эпикур. Понятно поэтому, что назвать его учение гедонизмом совершенно невозможно. Как это ни странно, философ, призывающий стремиться к удовольствиям, будет в данном случае являться представителем противоположной модели – аскетизма. Но если буддистские, например, аскеты готовы претерпеть страдания лишений, то для Эпикура сознательное ограничение собственных желаний есть средство удовольствия.

В центре философии самосского мыслителя стоит человек, устройство же мира, его законы и способы познания не являются для Эпикура столь же существенными вопросами, как проблема человеческого счастья. В онтологической части своей философской системы он повторил, несколько видоизменив, атомистическую теорию Демокрита.

Второй эллинистической школой была стоическая. В Древней Греции весьма распространенным архитектурным сооружением были портики – открытые с нескольких или со всех сторон беседки с колоннами, которые были защищены от солнца и продуваемы ветром. В одном из таких портиков философ Зенон из города Китион основал свою философскую школу.

Портик на греческом языке – стоя, потому школа получила название стоической, а ее представителей называют стоиками.

Человек, полагал Зенон, является частицей мироздания. Что больше: часть или целое? Конечно же, целое. А что чему подчиняется: часть – целому или же целое – части. Конечно же, часть подчиняется целому. Каждый из нас, поэтому, подчиняется мирозданию, малым элементом которого он является. Было бы смешно думать, говорит Зенон, будто бы отдельный человек был могущественнее мирового целого и делал бы с ним что угодно по своему собственному произволу. Всё как раз наоборот: никто не может заставить весь мир подчиняться чьим-либо желаниям, однако мировое целое постоянно диктует нам свою волю, определяет нашу жизнь, формирует наш путь. Оно является судьбой или роком, который от нас не зависит. Оно представляет собой ту силу, которой мы не можем не подчиниться, ибо она и ведет нас неизвестными никому путями. Человеческая жизнь подобна мельчайшей частице в огромном смерче пыли, которая сама по себе ничего не значит и вместе с миллионами других таких же частиц, не принадлежа самой себе, несется в неведомом ей направлении. Такое воззрение является фаталистическим. Ведущему нас року, считают стоики, бесполезно противостоять или сопротивляться: можно сколько угодно не соглашаться с его волей, но в любом случае, все произойдет так, как запланировано и предопределено, независимо от наших желаний. Формула стоической философии представлена знаменитым положением: «Желающего судьба ведет, нежелающего – тащит». Человек совершенно несвободен и всецело пребывает в распоряжении внешних и не зависящих от него сил. А вернее, свобода состоит в том, чтобы понять их замысел и добровольно его выполнять, подчиняться своей судьбе и следовать предначертанному. В чем же тогда заключается стоическое счастье? Понятно, чем положительна волюнтаристическая модель Эпикура: каждый совершенно свободен и сам распоряжается своей жизнью. Но что хорошего в том, что от человека ничего не зависит и за него все заранее предрешено?

Результатом фаталистического миропонимания является полная свобода от всякой суеты, пустых хлопот и волнений. Тот, кто считает, что всё в его власти, обязательно ставит перед собой какие-то цели и задачи, к чему-то стремится и чего-то избегает, радуется, если у него получается заду-

манное, и печалится, если что-то не удастся, а главное, он постоянно что-либо должен: одно делать, другое – нет, быть таким-то, не быть другим, добиваться неких результатов, а потому – напрягаться и беспокоиться. Тот же, кто считает, что от него ничего не зависит, не будет ни к чему стремиться и чего-то желать. Его жизнь совершенно свободна от волнений, забот и тревог. Если человек – всего лишь игрушка в руках мирового рока и его собственные желания ничего не значат и абсолютно бессмысленны, то чему он может радоваться или печалиться, к чему – стремиться и чего – избегать? Зачем ему волноваться и тревожиться, думать, решать и предпринимать что-либо, если за него все уже давно решено, а он не в силах ничего изменить? Такой человек будет абсолютно спокоен и безмятежен, ни положительные, ни отрицательные эмоции не смогут пробраться в его душу. Что бы ни происходило вокруг, он будет смотреть на все равнодушным взором, никак не оценивать совершающееся, мудро безмолвствовать и хранить невозмутимость. Поскольку человек, при таком взгляде на вещи, сам себе не принадлежит, то и жизнь его также не принадлежит ему, и с ней можно запросто расстаться. Одной из основных добродетелей стоиков является способность спокойно и мужественно встретить собственную смерть. Стоическое счастье, таким образом, заключается в полном безразличии ко всем жестоким превратностям судьбы, какими бы ужасными они ни были.

Третьей философской школой эллинизма была скептическая. Греческий глагол «скептомай» переводится как «я сомневаюсь». Поэтому скептицизм – это сомнение, а его представители – скептики – сомневающиеся во всем философы. Родоначальником этой школы был Пиррон из Элиды. Для того, чтобы достичь счастья, говорил он, человек должен ответить на три вопроса: 1) какова природа вещей? 2) как нам к ним относиться? 3) что из этого для нас следует? Отвечая на первый вопрос, Пиррон утверждает, что природа вещей непознаваема. То, что мы видим и то, что действительно есть – не одно и то же. Вещи сами по себе нам недоступны, а известным может быть лишь то, как они нам себя являют, то, что нам кажется, то, как мы их воспринимаем. То есть, нам доступны только явления (в греч. – феномены) вещей, но не сами вещи. И поэтому мир как бы удваивается, разделяясь на реальный – существующий сам по себе и феноменальный – ви-

димый или воспринимаемый нами. Первый – подлинный, второй – иллюзорный. Знание о втором возможно, о первом же – нет. Мы никогда не сможем сказать – «это так», но только – «мне кажется, что это так». Ответ на второй вопрос таков: если вещи непознаваемы, то все суждения о них, как утвердительные, так и отрицательные являются и истинными, и ложными одновременно. Все можно доказать и опровергнуть. Ни одно из противоположных положений не может быть более или менее достоверным, чем другое. Такую ситуацию Пиррон называет **изостенией** (изос – равный + стейнос – сила), то есть равносилием различных высказываний. Вследствие этого все суждения о вещах ничего не значат и совершенно бессмысленны и, поэтому, от них надо воздержаться или отказаться. Безмолвие – вот наиболее правильная философия, считают скептики. Каким же будет ответ на третий, самый главный вопрос? Поскольку мы ничего не знаем, говорит Пиррон, то мы, в том числе, не знаем, что является хорошим, а что – плохим, чему следует радоваться, а чему – печалиться, а значит не можем испытывать ни положительных, ни отрицательных эмоций. Можно сказать и иначе: так как нам доступен только феноменальный мир (см. ответ на первый вопрос), который является неподлинным, то возникает резонный вопрос – стоит ли по поводу неподлинного мира испытывать подлинные эмоции, то есть по-настоящему радоваться и печалиться. Обыкновенный человек скажет себе по поводу какого-либо события: «Это плохо» и расстроится из-за него. Скептик же скажет: «Мне кажется, что это плохо, но ведь всего лишь кажется». Как же он сможет расстроиться из-за этого события, если он даже не знает какое оно на самом деле – плохое или хорошее? Это отсутствие позитивных и негативных эмоций, полную невозмутимость души, безразличие ко всему происходящему греческие скептики называют **атараксией**. Она-то и является несомненным счастьем и результатом скептической философии. Один античный историк сообщает нам такой эпизод. Однажды корабль, на котором плыл Пиррон, попал в сильную бурю, и среди его спутников началась страшная паника. Философ указал паниковавшим на поросенка, который, не обращая ни малейшего внимания на происходящее, спокойно продолжал поедать свой корм, и произнес знаменитые впоследствии слова: «Вот в какой атараксии должен находиться мудрец». Как видим, результат скептического умона-

строения значителен: если вокруг закипят самые ужасные страсти, начнутся немыслимые катастрофы и станет рушиться мир, философу-скептику не будет до этого никакого дела, он сохранит полную невозмутимость, хотя бы ему даже и предстояло погибнуть вместе со всем мирозданием.

И наконец еще одной не менее известной эллинистической школой была киническая, основанная философом Антисфеном Афинским, который полагал, что стремление к Благу является главной особенностью любой человеческой жизни и поэтому достойно философского рассмотрения. Прежде всего Антисфен задает вопрос о препятствиях, которые мешают достижению Блага. Ведь, прежде всего, надо устранить то, что преграждает нам путь к счастью.

Первой и самой главной помехой, по мнению Антисфена, является имущество или частная собственность. Кажется, что плохого в том, если кто-то чем-либо обладает? Напротив, имущество считается всеми несомненным Благом. На самом же деле, оно самое большое на свете несчастье из всех возможных. Тот, у которого ничего нет, во-первых, завидует тому, у кого есть, а зависть – чувство, несомненно, страдальческое; во-вторых, неимущий изо всех сил стремится что-то приобрести и при этом напрягается, проводя дни свои в вечной погоне и борьбе, а значит – в страдании. Тот, кто владеет каким-либо имуществом, боится его потерять, и жизнь его превращается в страх – чувство самое неприятное. Если же ему и случится расстаться со своим богатством, он будет страдать еще сильнее, потому что раз привыкнув к одному, он вряд ли сможет приучить себя к тому, чтобы довольствоваться меньшим. Неимущие завидуют, имущие боятся, первые готовы посягнуть на вторых, которые, в свою очередь, стремятся оградить себя от произвола первых. Зависть и страх порождают ненависть и вражду, и на земле постоянно происходят столкновения, и люди терпят всяческие бедствия. Имущество – корень всех человеческих зол. Какое преступление от маленького до самого великого – не было порождено корыстными мотивами? «Проклятая жажда золота» все пять тысяч лет человеческой истории толкала людей на кровопролитие и насилие, подлость и бесчинства. Инстинкт частной собственности заставлял их совершать самые низкие и гнусные поступки и забывать, подчас, о своей человеческой природе.

Вторым препятствием к достижению Блага является зависимость каждого из нас от стереотипов, правил, норм и условностей, навязанных нам обществом. Все мы с детства прекрасно знаем, что одно считается хорошим, а другое – дурным, что-то обязательно поощряется, а иное непременно осуждается и даже наказуемо. Каждый должен постоянно подавлять свои желания и делать не то, что хочется, но то, что предписано и надлежит. Ограничение себя искусственными и условными общественными установлениями, подчас совершенно глупыми и бессмысленными, доставляет нам, несомненно, отрицательные эмоции.

Для того, чтобы быть счастливым, человеку необходимо освободиться от того, что мешает этому. Прежде всего, следует сделать себя свободным от всякого имущества, а во-вторых, обрести свободу от общественных стереотипов и норм, поступать всегда так, как хочется, быть в гармонии с самим собой и не сообразовываться с людскими мнениями. Тот, кто выполнит эти требования, станет существом, живущим совершенно естественно, то есть в полном согласии с природой, а также – предельно свободно и именно поэтому – счастливо. Но такая жизнь подобна существованию животных, чего Антисфен нисколько не отрицает. Напротив, он подчеркивает, что животные, находясь в единстве с окружающим миром, живут необычайно просто, ничего не имея и никогда не стыдятся, не раскаяваясь, не надеясь, не отчаиваясь, они не ведают наших страстей и свободны от наших страданий и потому всегда безмятежны и беззаботны. За этот призыв уподобиться животным современники прозвали Антисфена и его последователей собаками (в греч. – кюон), поэтому школа и получила название кинической, а ее представители были киниками (собачествующими философами). В латинском языке они стали называться циниками. Сейчас мы понимаем под этим словом наглеца, пренебрегающего нормами морали, но, как видим, современный смысл этого понятия слишком далек от его первоначального содержания. Кинизм – это философия, говорящая о совершенстве и гармонии природы и губительном несовершенстве цивилизации, призывающая вернуться к естественному состоянию и проповедующая аскетизм – ограничение потребностей и **анархизм** – безусловную личную свободу человека от всего навязанного ему извне.

ТЕМА 5 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

1 Восход теизма (патристика)

2 Можно ли осмыслить догматы вероучения? (схоластика и мистика)

3 Доказательства существования Бога

4 Спор об Универсалиях

5 Ангельский доктор (Фома Аквинский)

6 Освобождение философии (Дунс Скот и Уильям Оккам)

1 Восход теизма (патристика)

Эпоха, пришедшая на смену Древнему миру, получила название средневековья. Она охватывает период приблизительно с V по XV вв. В идейном смысле это время было периодом безраздельного господства в Европе христианской религии, которая сформировалась в начале нашей эры в римской провинции Иудее, быстро распространилась по всей империи, завоевав огромное количество сторонников и последователей. Поскольку официальной религией Древнего Рима было язычество, то появившееся христианство в первые века нашей эры подвергалось жестоким гонениям со стороны государства. Однако в IV в. оно было провозглашено новой официальной религией, и притесняемые ранее христиане из гонимых превратились в гонителей, начали неумолимо преследовать язычников и ревностно бороться с остатками старой государственной религии. В чем же столь явная непримиримость язычества и христианства? Первое является политеизмом – многобожием, второе – монотеизмом – единобожием. Но это расхождение не является настолько принципиальным, чтобы из-за него жестоко враждовать. Дело в том, что в языческом политеизме каждое божество олицетворяет собой какую-нибудь природную стихию, то есть находится не вне мира, но внутри него, растворено в нем, слито с ним воедино, а совокупность языческих богов и есть мироздание. Христианский же монотеизм утверждает не только то, что Бог один, но, главное, то, что он находится вне мира, первичен по отношению к нему, потому что его сотворил. Для язычника окружа-

ющий его мир прекрасен и единственен, вне природы и больше ее ничего нет, потому что она и есть Бог. Природа вечна, беспредельна и потому божественна. Он благоговеет перед ней и ей поклоняется. Для христианина же сколь ни совершенен был бы окружающий мир, он – всего лишь творение, а за видимым великолепием природы стоит невидимая сила, тысячу крат более совершенная и бесконечно восхитительная – Творец, который есть действительное начало и источник всего, истинное Бытие. Поэтому именно перед ним следует преклониться, а за красотой мира всегда надо пытаться усмотреть великий и непостижимый замысел потустороннего Бога. Христианин считает, что когда язычник поклоняется природе, он тем самым ее принимает за самого Творца, он подменяет его творением, совершая самую непростительную ошибку, ибо умаляет и принижает роль Бога, растворяя его в окружающем мире. Христианский взгляд является теизмом, то есть утверждением о первичности и потусторонности Бога по отношению к миру и о сотворенности последнего. Таким образом, античные политеизм и пантеизм сменились средневековым теизмом, под идейными знаменами которого (христианского – на Западе и мусульманского – на Востоке) прошло тысячелетие человеческой истории.

Но прежде чем христианство завоевало людские умы, их надо было очистить от языческих представлений, а также разработать и обосновать новое вероучение, что и сделали основоположники христианского мировоззрения, которых называют его отцами. В греческом языке отец – это «патэр», поэтому их философская деятельность получила название **патристики**, которая датируется первыми веками нашей эры и может быть названа начальным периодом средневековой философии, ее становлением и формированием.

Одним из основных вопросов патристики была проблема соотношения веры и знания, религии и философии. Понятно, что знание – это принятие чего-либо в силу обоснования и доказательства, то есть – опосредованно и по необходимости, в то время как вера – это принятие чего-либо помимо всяких обоснований и доказательств, то есть – непосредственно и свободно. Верить и знать – совершенно разные вещи. Религия опирается на веру, философия – на знание, и поэтому разница между ними также очевидна. Поскольку Средние века – это эпоха безусловного идейного господ-

ства в Европе христианства, проблема заключалась в возможности применения философского знания к религиозной вере. Ни о каком приоритете философии не могло быть и речи, так как главенство религии было самым собой разумеющимся. Поэтому следовало всего лишь выяснить – может ли быть философия хоть в какой-то степени совместима с религией и поэтому следует ее оставить, сделав подпоркой веры, «служанкой богословия» или же, напротив, необходимо отбросить вовсе любое философствование, как занятие вредное и богопротивное.

Так, например, один из первых представителей патристики Климент Александрийский считал, что философия не противоречит религии и является подготовкой к ней, ступенькой на пути к более совершенному способу познания – вере. Бог назначил людям философствовать, говорит Климент, чтобы подготовить их к высшему – религиозному – этапу духовной жизни. Другой известный христианский автор Тертуллиан полагал, что философское знание и религиозная вера несовместимы и исключают друг друга. Основные положения веры, считал он, являются в принципе непостижимыми и находятся вне всякого разумения, поэтому в них можно и непременно должно только верить с трепетом и благоговением, ни в коем случае не пытаясь их понять, осознать или обосновать, ибо любая такая попытка приведет только к недоразумению и обернется абсурдом. Тертуллиану приписывают знаменитую формулу: «Верую, ибо абсурдно (*Credo, quia absurdum*)», то есть следует только верить, хотя слепая вера нелепа и абсурдна с точки зрения разума и знания; следует только верить, потому что бессмысленно или абсурдно пытаться понять что-либо в сверхразумных и в принципе недоступных осознанию положениях веры. Или, говоря иначе, Тертуллиан утверждает, что чем абсурднее предмет веры с точки зрения разума, тем более у нас уверенности в том, что он сверхразумного, сверхъестественного происхождения и, следовательно, тем более у нас решимости и вдохновения верить в него. Философия, опирающаяся на знание, поэтому должна быть всячески истребляема как деятельность, злонамеренно уводящая человеческую душу от истинной и чистой веры.

Если Тертуллиан считал невозможным применить логическое разумение к религиозным предметам, то другой представитель патристики Ориген, полагал это осуществимым. Вполне с позиций разума он рассуждает

так: человек был создан Богом, но нарушив запрет, отпал он от него и был наказан; с тех пор весь род человеческий грешен, но среди людей есть немногие праведные, которые спасаются в раю, в то время как грешники мучаются в аду. Но ведь человек, каким бы он ни был впоследствии, изначально вышел из рук всеблаготворца, а значит, по крупному счету, все же является хорошим, и поэтому когда-либо он все равно вернется к Богу, то есть все спасутся, а ада вовсе не будет. Кроме того, говорит Ориген, первые люди, положившие своим ослушанием начало греху, не вполне и виноваты: зачем им была предоставлена свобода выбрать – нарушить запрет или не нарушить, ведь запретный плод всегда сладок и понятно, что они его должны были вкусить, использовать свою свободу в сторону зла, то есть их грех был в какой-то степени предопределен. А коли так, то за что первых людей жестоко и навечно наказывать? Поэтому вполне возможно их, а вместе с ними и весь человеческий род, в конце концов, простить, оправдать и спасти в раю.

Самым выдающимся представителем патристики был Аврелий Августин, епископ Гиппонский. Вслед за Тертуллианом он утверждал, что божественный замысел непостижим. Бог изначально предопределяет одних к спасению в раю, других – к вечным мукам в аду. Поэтому праведный является добродетельным не в силу свободного выбора, а волей предопределения, и потому нет никакой его заслуги в собственной праведности. Равно как и грешник совершает преступления не в силу сознательного выбора зла, а потому, что предопределен к нему. Одни должны спастись и поэтому при жизни праведны, а другие обречены погибнуть и оттого грешны. Получается, что последние ни в чем не виноваты, и ни в чем нет заслуги первых, стало быть, ни добрыми, ни злыми делами нельзя ничего изменить или как-то повлиять на свою будущую участь. Но тогда возникает вопрос: за что же наказывать грешников адом и поощрять праведников раем, если никто не является плохим или хорошим добровольно, но всегда – в силу сверхъестественного предопределения? Этот вопрос вполне правомерен, но только с точки зрения разума; он логичен и вытекает из мышления, а божественная воля стоит совершенно вне всякого осознания и понимания, а потому данный вопрос является бессмысленным. Равно как лишен смыс-

ла и вопрос о том, чем руководствуется Бог, творя свое предопределение, назначая одних к спасению, а других – к гибели.

На первый взгляд божественное предопределение, по Августину включает свободу человеческой воли, то есть – сознательный выбор добрых или злых мыслей и поступков в земной жизни. И действительно, зачем человеку думать о том, что делать и чего не делать, выбирать свой жизненный путь и отвечать за свои дела, если изначально все предопределено? Однако существенным элементом учения Августина о предопределении является утверждение о том, что мы **не знаем** этого предопределения, не ведаем своей будущей участи, а это незнание и открывает пространство для свободы воли. И действительно, хоть все тотально предопределено, но я об этом ровным счетом ничего не знаю, то это предопределение никак не может влиять на мою повседневную жизнь. Ведь если я не знаю о будущем, то волей-неволей должен сам строить его, на свой страх и риск принимать решения, к чему-то стремиться, от чего-то отвращаться, задумываться о своей жизни и отвечать за все, творимое мной. Кроме того, если даже люди и разделены изначально на праведных и грешных, мы также не знаем о возможности или невозможности изменения этого предопределения на основе жизненных деяний каждого из нас. А вдруг возможно изменение начальной предопределенности в результате тех или иных мыслей и поступков человека (ведь для Бога нет ничего невозможного, а воля его бесконечна). Это неведение божественных замыслов и планов, непредсказуемость божественной воли и делает волю человека свободной. Таким образом, предопределение, не только не освобождает человека от выбора и ответственности, но, как то ни удивительно, предполагает в его жизни и то, и другое. Жесткая только на первый взгляд заданность каждой человеческой жизни, все же не так безусловна: будучи существом разумным, человек осознает свои поступки, может выбирать между хорошим и дурным, добром и злом, жить по совести или же – бессовестно; при этом ни на что однозначно не надеясь и не рассчитывая, потому что – кто будет спасен, а кто – наказан, не знает ни один из нас.

Вообще, говорит Августин, наказание существует только потому, что есть грех или зло, которое не может быть безнаказанным. Но откуда оно взялось, если Бог – абсолютное добро, а значит – не мог создать ничего

плохого. Зла первоначально не было вовсе. Бог создал только добро, поэтому оно – самодостаточный и автономный мировой элемент, который существует вечно. Откуда же тогда зло?

Принципиальной идеей христианского учения является утверждение о том, что зло не совечно добру, что оно – не что иное, как умаление добра, нарушение его, отпадение от него. Ведь прародитель зла – дьявол – это падший ангел, у которого была свобода выбора – оставаться с Богом или восстать против него и отпасть от него. Он восстал против Бога и увел с собой часть ангелов, так появилось зло. Но где есть отпадение, там возможно и возвращение. Если зло вторично и не совечно добру, значит оно в принципе искоренимо. В истории философии были и другие объяснения зла. Так например в некоторых восточных религиозных учениях зло – равновеликий добру мировой элемент, оно параллельно с ним существует, является самостоятельным началом и неискоренимо. А античные стоики считали, что зло – это необходимый элемент мировой гармонии: оно только при ближнем рассмотрении является злом, а при взгляде на него в контексте мирового целого вовсе не является злом (как масляная картина, будучи при ближнем рассмотрении – хаосом цветных пятен и штрихов, при восприятии на расстоянии превращается в прекрасный портрет или пейзаж, или натюрморт). Такой же точки зрения на природу зла придерживался немецкий философ XVII века Готфрид Лейбниц. Итак, по христианским воззрениям зло – это отпадение от добра. Здесь могут возразить – а почему бы не предположить наоборот, – что добро – это отпадение от зла. Однако такое утверждение невозможно, ведь отпадение (нарушение, искажение, умаление) – это уже зло. Следовательно от зла отпасть невозможно. А вот от добра можно вполне. И как когда-то от Бога отпал один из ангелов и тем самым положил начало злу, так же отпали от Бога и первые люди. История с отпадением повторилась.

Первые люди располагали свободным выбором: они могли нарушить божественный запрет вкушать с древа познания или же могли не нарушить его. В случае нарушения зло (уже на человеческом уровне) появилось бы, а в случае послушания его не было бы. То есть оно могло быть, а могло и не быть, находилось всего лишь в возможности, в потенциальном состоянии и переросло бы в действительность только при определенных условиях. Та-

ким образом, Бог не создавал зла, говорит Августин, оно проистекло из свободной воли одного из ангелов и – позже – человеческой воли.

Первые люди выбрали нарушение запрета, то есть зло, в результате чего человек отпал от Бога и был изгнан на Землю. Грехопадение является, по Августину, началом человеческой истории. Середина ее – это первое пришествие Спасителя и искупление людских грехов мученической смертью на кресте. Концом истории будет второе пришествие и установление Божьего Царства на Земле. У Августина впервые появляется линейное понимание истории (она имеет начало, середину и конец), в то время как в античности было циклическое представление (история – такой же однообразный круговорот, который наблюдается в природе). Однако линейность исторического процесса в представлении Августина содержит в себе и циклические черты. Мы отчетливо видим триаду: пребывание (человек с Богом), отпадение (земная история), возвращение (человек вновь с Богом). В чем разница между первым и третьим элементами этой триады? В первой стадии человек с Богом в силу своего неведения: он не знает, что такое зло и поэтому совершенно добр. Когда же он стал знающим, он перестал быть добрым, узнав зло, сделался злым (греховным) и потому отпал от Бога, чтобы длительной и страдальческой земной историей очиститься и искупить свое преступление. В результате он преодолевает зло и вновь становится добрым. Но теперь он знает о зле, но все равно абсолютно добр и в этом новом качестве возвращается к Богу. Таким образом, на первом этапе человек находится с ним бессознательно и непроизвольно и поэтому не вполне заслуженно, на третьем же – совершенно осознанно и по своей свободной воле, а потому заслуга его в данном случае очевидна. Эта триада может быть обозначена и так: тезис–антитезис–синтез. Последний ее элемент – это соединение первых двух. Сначала человек не знает и добр, потом он знает, но не добр и, наконец, он и знает и является добрым. Перед нами – в религиозной форме – вечный сюжет, о котором мы уже говорили в параграфе о мифологии: пока мы там, не знаем, когда же знаем, уже не там и очень хочется вернуться в новом знающем состоянии в прошлую ситуацию, что и будет синтезом первого и второго – мечта самая великая и невероятная из всех возможных, которая наверное поэтому и облеклась в христианском воззрении в форму представления о втором пришествии и конце истории.

2 Можно ли осмыслить догматы вероучения? (схоластика и мистика)

В Средние века философия перестала быть свободным видом интеллектуальной деятельности, исследующей бесконечные тайны окружающего мира и дерзающей проникнуть в его глубины. Мироздание стало рассматриваться как творение, воплощение божественного замысла, и поэтому в центре познания оказалось не оно, а Творец, в силу чего и философия как наука о мире потеряла свое прежнее значение. Теперь участь ее решалась, как мы уже видели, рассматривая взгляды патристики, следующим образом: если философия имеет право на существование, то должна быть «служанкой богословия», а если же – не имеет, то ее следует предать забвению, отбросить за ненадобностью.

В каком случае ее можно будет оставить, а в каком – нет? Все зависит от того, может ли она помочь в делах веры или же – неспособна на это. А помочь – это значит обосновывать положения религии, приводить для них разумные основания, уметь их доказывать. Понятно, что и одной веры в религиозные предметы вполне достаточно, но если ее можно будет логически разработать, укрепить с помощью разума и философского знания, то это несколько не помешает и окажет религии несомненную услугу.

Основные положения веры называются догматами. Вопрос заключался в том, можно ли применить к ним философское рассуждение, то есть осмыслить их и понять, а не только верить в них. Приведем некоторые из этих положений. 1) Бог всемогущ и всеблаг (то есть является абсолютным добром). 2) Бог совершенно свободен. 3) Он сотворил мир из ничего. 4) Первые люди, как младенцы, ничего не ведали, то есть были неразумными, а потому – безмятежными и счастливыми; однако у них была возможность свободно выбрать нарушение или не нарушение божественного запрета вкушать с древа познания. 5) Бог создал сначала мужчину, потом – женщину, установил свой запрет, но они ослушались, совершили грех и в наказание были изгнаны из рая и осуждены на земную жизнь. 6) Род человеческий произошел от Адама и Евы и поэтому все люди грешны и совершают зло, за что наказываются муками в аду. 7) Однако в конце земной истории человек должен вернуться к Богу. При попытке осмыслить эти положения возникают различные вопросы, недоразумения и противоречия.

1) Если Бог всемогущ, то в его ведении находится и зло, но тогда он не всеблаг (т.е. не является абсолютным добром), а если он всеблаг (т.е. – только добро), тогда зло – не от него и ему не подчиняется, но в этом случае он не всемогущ. Получается, что всемогущество и всеблагость несовместимы и исключают друг друга. Из этого выросла очень важная в Средние века и в последующие эпохи проблема **теодицеи** (богооправдания) – объяснения существования зла. 2) Абсолютная свобода есть полная непредсказуемость и неопределенность, ведь это возможность и способность быть кем угодно, каким угодно и когда угодно и даже не быть вовсе. Когда же мы говорим, что Бог всегда есть, что он – только добро, то мы тем самым обрекаем его на то, чтобы всегда быть (а не быть, получается, ему нельзя), а также – являться только добрым (а быть каким-либо иным, получается, ему нельзя), то есть, приписывая ему некие определенные свойства, ограничиваем его абсолютную свободу. Ведь она – это мочь все, у нас же получается, что Бог не может абсолютно все. Например, не может не существовать или самоуничтожиться, или творить злые дела. А может ли Бог создать существо, более могущественное, чем он сам? Это вопрос, который, несомненно, ставит в тупик наш разум. 3) Наше сознание неизбежно исходит из положения о том, что из ничего не может произойти нечто (вспомним философию элейской школы), поэтому творение из ничего не совсем понятно. Если же предположить, что Бог сотворил мир из материи, то возникает вопрос, откуда она взялась: если существовала всегда наравне с Богом, то тогда он не всемогущий, ибо материя, получается, есть независимое от него начало; если же материю создал Бог, то тогда он не всеблаг, потому что как может абсолютное совершенство и добро создать несовершенную и злую материю (телесное, физическое). 4) Каким образом мог неразумный и несвободный первый человек совершить разумный, осознанный и свободный выбор? 5) Создавая два разнополюх существа и запрещая им вкушать плоды с древа познания, Бог не то, чтобы не мог предвидеть, а наверняка знал, что случится дальше, то есть как бы и спланировал всю последующую историю. Но почему-то, когда первые люди совершили грех, Бог прогневался на них, как будто совсем этого не ожидал и изгнал их из рая. За что же наказывать Адама и Еву, если их поступок был спрогнозирован, и они должны были поступить именно так,

как поступили? 6) За что наказывать всех остальных людей, произошедших от первых грешников, муками в аду, если все они являются грешными автоматически, не по своей воле, то есть несвободны в своем грехе, не выбирали сознательно своей грешной участи? 7) Если в конце концов человек будет оправдан и вновь станет с Богом, то зачем было ему отпадать от Творца? И вообще, зачем потребовалась Богу вся эта мировая мистерия: создание первых людей, запрет о древе познания, изгнание из рая и земная история? И зачем он вообще сотворил мир? Ведь он есть Всё, и поэтому абсолютно самодостаточен, и, в этом случае, вроде бы не должен вовсе заниматься какой-либо деятельностью. Кроме того, если Бог – это Всё, то как возможно Творение еще чего-то, то есть как можно ко Всему что-либо присовокупить, если оно и так уже Всё?

Эти вопросы возникли при попытке понять разумом основные положения веры. Все эти «почему» и «зачем», и «каким образом», и «как могло» появляются только тогда, когда мы пытаемся осмыслить или уразуметь, или обосновать логически религиозные предметы, разобраться в них с помощью рассудка. Но неизбежно возникающие при этом противоречия приводят нас к тому, что положения веры вне разумны или сверхразумны, а потому применить к ним сознательное рассмотрение невозможно. Разум и вера несовместимы, и поэтому следует только верить, не пытаясь что-либо понять или осознать, ибо это дело бесполезное и бессмысленное. Бог ведь – сущность запредельная и непостижимая, абсолютно совершенная и невыразимая ни в каких понятиях и категориях. Можно ли о нем рассуждать так же, как об обычных и повседневных предметах, пытаясь применить к нему не только логику, но даже здравый смысл? Не смешно и не наивно ли стремиться нашим несовершенным человеческим разумением постичь, а тем более объяснить разумение высшее и божественное? Не бесконечно ли жалки, тщетны и абсурдны наши попытки ответить на вопросы о том, зачем Богу надо было это или то-то, почему он поступил так-то, а не иначе? Его воля, замыслы и планы в принципе недоступны нашему пониманию, а значит мы должны не осмысливать, а созерцать их с трепетом и благоговением перед их величием и непостижимостью, должны бесконечно верить в религиозные истины, а не препарировать их своим ничтожным разумением. Такая позиция получила название **мистики** (от греч. мюстикос – таин-

ственный) и говорила о бесполезности философского знания, которое никак не сможет помочь религии, но только навредит ей. Путь к Богу лежит не через разум, а через откровение и мистический экстаз, которые достигаются только неограниченной и чистой верой. Формулой мистики является уже известное нам изречение Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно (Credo, quia absurdum)». Наиболее значительными представителями средневековой мистики были французский мыслитель Бернар Клервосский, итальянский – Джованни Бонавентура и немецкие – Иоганн Экхарт и Иоганн Таулер.

Однако, было и другое направление в духовной жизни Средних веков. Представители его считали, что недоразумения при попытках понять положения веры возникают оттого, что мы просто не можем как следует применить к ним разум. Противоречия получаются от неправильного его использования. Надо всего лишь найти верный способ осознания религиозных истин, выработать метод их понимания. Разум и вера не противостоят друг другу и не являются взаимоисключающими элементами, а поэтому их вполне можно объединить, надо только уметь это сделать. Возможен синтез веры и знания, религии и философии, следует только найти правильные пути такого соединения, разработать надежные способы преодоления всех возможных вопросов и противоречий. В данном случае к Богу ведут одновременно два пути: вера и знание. Возможно не только верить в предметы религии, но и понимать их, уметь обосновывать и доказывать. Такое направление стало называться **схоластикой** (от лат. scholasticos – ученый). Формулой схоластики было изречение, часто приписываемое философу XI века Ансельму Кентерберийскому: «Верую, чтобы понимать (Credo, ut intelligam)». Наиболее значительными представителями средневековой схоластики были ирландский философ Иоанн Скот Эриугена, французские мыслители Иоанн Росцелин и Пьер Абеляр, немецкий философ Альберт Больштедтский, итальянский – Фома Аквинский, испанский – Раймунд Луллий, шотландский – Иоанн Дунс Скот, английские – Уильям Оккам и Роджер Бэкон. Обратим внимание: и в мистике и в схоластике основное положение начинается со слова «верую (credo)», то есть в любом случае речь идет о том, что сначала следует именно верить, что вера обязательно первична, а далее уже или можно или нельзя применить к ней разум

и знание. Таким образом, было бы совершенно невозможным (в Средние века) положение: «Знаю, а потому верю». В схоластике философии отводится вторичная роль, она должна служить подспорьем религиозной веры, помогать ей. Но когда философию превращают в служанку религии, то тем самым ее не умаляют (в духовных масштабах средневековья), а, наоборот, оказывают ей немалую честь, так как предоставляют возможность существовать (пусть и в подчиненном положении), ведь в противном случае она вообще отбрасывается, теряя всякое право на существование. Философией Средних веков, поэтому, была схоластика, которая прошла в своем развитии три этапа: 1) стадию становления (IX–XI вв.), 2) период расцвета (XII–XIII вв.) и 3) эпоху упадка (XIV–XV вв.).

3 Доказательства существования Бога

Для мистики существование Бога было самоочевидным и не подлежало никакому обоснованию. Для схоластики оно тоже являлось несомненным и очевидным, но она, будучи философствованием в вере, вполне могла выдвинуть разумные основания или аргументы в пользу существования Бога. Что она и сделала, оставив нам несколько таких доказательств. Возможно, что некоторые из них были созданы еще в античности, и средневековая мысль опиралась поэтому на предыдущую философию, однако окончательно сформулированы и разработаны они были именно в схоластике. Рассмотрим пять наиболее принципиальных доказательств.

Онтологический аргумент представляет собой такое рассуждение. Бог – это, по определению (т.е. это вытекает из самого понятия Бога), – абсолютное совершенство. Ведь если бы Бог не был абсолютным совершенством, то он автоматически не мог бы быть Богом. Далее зададимся таким вопросом: не существовать, не быть, не являться, отсутствовать – это все признаки совершенства или несовершенства? Конечно же, это признаки несовершенства. Или, говоря иначе, абсолютное совершенство включает в себя много признаков, среди которых находится и признак наличия, существования, Бытия, ведь если бы этого признака не было, то тогда абсолютное совершенство не могло бы быть самим собой. Итак, Бог – это абсолютное совершенство, а не существовать, не быть – это признак несовер-

шенства, следовательно, Бог не может не существовать. Этот аргумент называется онтологическим, потому что в нем утверждается, что из самого понятия Бога вытекает его существование, его Бытие (в греч. – онтос).

Психологический аргумент (греч. псюхэ – душа) звучит следующим образом. Мы мыслим Бога, значит, он существует, ибо нельзя мыслить то, чего нет, никогда не было и не может быть вовсе. Ведь все, что есть в нашем сознании (мысли, понятия, образы) попало туда из внешнего мира, который мы видим, слышим, осязаем, и по поводу которого имеем в своем уме какие-то представления. Если бы у некоего человека, допустим, не работало бы ни один орган чувств, то есть его ничто не связывало бы с окружающим миром, не было бы ни одного канала, по которому он мог бы получить информацию о том, что вне его что-то существует, тогда его сознание было бы абсолютно темным и пустым: ни одной мысли и ни малейшего представления не могло бы появиться в нем. Мы потому что-либо думаем, представляем или воображаем, что каждодневно, будучи живыми существами, воспринимаем, все окружающее нас. Наше сознание, поэтому является как бы отражением всего, что существует и происходит во внешнем мире. Стало быть, в нашем уме должно быть все то, что существует вне нас, и если мы что-либо мыслим или представляем, то оно существует не только в нашем сознании, но и в действительности, а значит невозможно мыслить то, чего никогда, вообще, в принципе не существует и не может существовать.

Здесь можно возразить: а как же всякие фантазии, мечты, нереальные вымыслы и все прочее? Например, можем же мы представить себе Змея Горыныча, однако не значит же это, что он действительно существует. Но откуда в человеческом уме взялся образ этого существа? Неужели он возник абсолютно из ничего, на пустом месте? Мы прекрасно знаем, что из ничего не бывает нечего. Люди видели сверкающие на небе молнии, слышали раскаты грома, их ужасали лесные пожары и они оборонялись от хищных животных – лающих, воющих со страшными клыками и горящими глазами, и, возможно, все это соединилось в их сознании, произведя образ Змея Горыныча. Пусть он и не существует точно таким, каким люди себе его представляют, но мы видим, что этому образу в человеческом сознании все же нечто соответствует в окружающем мире, а стало быть это

представление появилось не на абсолютно пустом месте. Этот пример, возможно, является грубым, но он – всего лишь иллюстрация для утверждения о том, что нельзя представлять или мыслить то, чего абсолютно нигде, никак и никогда нет. Мы мыслим Бога, в нашем уме слишком устойчиво и стабильно понятие о нем, значит, вне нас что-то реально существующее этому представлению соответствует, и пусть оно существует не совсем так, как мы его себе представляем, главное, что оно не может не существовать вовсе. Достаточно обратить внимание на то, что все без сомнения народы, жившие в разные времена и в различных местах, совершенно не сговариваясь друг с другом, необыкновенно настойчиво и упорно говорили о существовании бесконечном, всемогущем и абсолютно добром. Неужели же это рассуждение возникало совершенно на пустом месте?

Космологический аргумент говорит, что у каждой вещи есть своя причина, по которой она и появилась на свет, ведь в противном случае придется предположить, что нечто возникает из ничего. Но и у самой этой причины тоже есть своя какая-то причина. Двигаясь, таким образом, по огромной цепочке причин в прошлое мы доходим до первопричины, которой ничто не предшествовало и которая ниоткуда не взялась, потому что существовала вечно. Мы видели, как много в античности говорили о первоначале – той основе мироздания, которая неизменна и единственным своим неотъемлемым свойством имеет вечное существование, в силу чего и может быть названа истинным Бытием. Вообще из самого факта наличия мира вытекает обязательное присутствие чего-то вечно существующего, так как его отсутствие непременно означало бы невозможность самого мироздания. В Средние века эту первопричину стали рассматривать как потустороннего Бога, который и есть основа, источник и начало всего существующего. Аргумент называется космологическим, потому что рассуждает о происхождении мира (в греческом языке мир – это космос). Если у всего на свете есть причина, то и у космоса (мира) в целом тоже есть своя некая причина, которая несомненно первична по отношению к нему и более совершенна, чем он. Но что может быть больше и совершеннее, чем все бескрайнее мироздание? Только Бог.

Телеологический аргумент предлагает нам посмотреть вокруг себя и отчетливо увидеть, что окружающий мир упорядочен и гармоничен, устро-

ен необычайно правильно, грамотно, разумно или целесообразно (в греческом языке телеос – это цель). Все в нем происходит ритмично, в строгой последовательности, будто запрограммировано: день меняется ночью, а ночь – днем, зима – весной и летом, а те, в свою очередь – осенью и новой зимой; за расцветом следует упадок, за рождением – расцвет. А на небесной сфере планеты, звезды и целые галактики движутся необыкновенно упорядоченно, с точностью часового механизма. Медленно и верно идут они по одним и тем же траекториям и орбитам, неизменными путями возвращаются в исходные точки и продолжают свой ход, так что мы можем совершенно точно рассчитать положение любого небесного тела в какой угодно момент времени.

Нет, наверное, человека, который стал бы утверждать, что наш мир представляет собой не порядок, а хаос. А если кто и настаивает на последнем, то, наверное, оттого, что невнимательно смотрит на окружающее, не может, а скорее не хочет увидеть вечную стабильность и гармонию происходящего. Все вокруг будто бы подогнано друг к другу с тонким и безупречным расчетом, так что мироздание представляет собой совершеннейший механизм, действующий вечно и безотказно.

Если мы бросаем в весеннюю землю маленькое семечко, то оно неизменно пускает в нее свои корешки, чтобы пить влагу и впитывать в себя силу земли, а листьями тянется к солнцу, поглощая его неиссякаемую энергию и дыша теплым летним воздухом, чтобы крепнуть и расти, а на исходе лета уронить сотни тысяч таких же семян, одним из которых оно было раньше, несущих в себе миллионы грядущих жизней. Если бы мир был хаосом, мы не могли бы питать твердой уверенности в том, что завтра Солнце взойдет на Востоке, что весеннее тепло через пару месяцев растопит снег и можно будет возделывать поля, собрав с них осенью урожай. Если бы отсутствовала стабильность во всем происходящем, жизнь была бы невозможна вовсе. Попробуйте сказать, что наше существование не отличается неизменной упорядоченностью, что любая человеческая жизнь не протекает, по крупному счету, по одному и тому же сценарию и не руководится едиными для всех законами.

Каждый из нас рождается, растет, взрослеет, стареет и умирает. Кто из людей не испытывает радость удач и горечь поражений? Кто смог избе-

жать в своей жизни надежд и отчаяний, благородных порывов и грешных мыслей? Кто не стремился к счастью и никогда не ведал любви? Найдите хотя бы одну девочку на всем белом свете, которая, превратившись в девушку, не влюбилась бы в какого-нибудь юношу и не жаждала бы ответного чувства, чтобы, соединившись с ним, подарить жизнь новым поколениям девочек и мальчиков, которые позже в точности повторят путь своих предшественников.

При взгляде на мировой порядок невольно возникает вопрос: могла ли неразумная, а тем более неживая материя сама по себе так правильно и разумно устроиться? Не могла! Значит, необходимо предположить наличие некоего разума, подобного нашему, только гораздо более совершенного и предельно могущественного, который и упорядочил все мироздание, приведя его к состоянию беспредельной красоты и гармонии. Этот разум и есть Бог. Здесь можно провести следующую аналогию. Допустим мы бросаем на поверхность стола горсть цветных мозаичных стеклышек. Упадут ли они хоть когда-нибудь в какую-либо разумную комбинацию: орнамент, например, или рисунок? Никогда. Они всегда будут рассыпаться хаотически. Но если мы встанем перед беспорядочно разбросанным набором и по какому-то образу своего сознания расположим эти стеклышки в некоем порядке, то получится и рисунок, и узор, и орнамент – в зависимости от нашего желания. Неужели же материя, будучи просто заброшенной в пустоту будущего мироздания могла сама организовать в стройный и восхитительный порядок? Видимо какой-то разум и воплотил в ней свой великий замысел, создав необъятную мировую комбинацию, поражающую нас своей абсолютной завершенностью и бескрайним совершенством.

Волюнтаристический аргумент (от слова «воля» в смысле – возможность, способность, сила, могущество) исходит из того, что все существующее расположено в иерархическом порядке, то есть находится на различных ступенях или уровнях своих способностей, возможностей, сил. Первый и самый низкий уровень – это неживые тела, которые существуют, но не наделены жизнью и поэтому они не активны, а пассивны (т.е. никаких собственных активных возможностей у них нет). Второй уровень – это живая природа, которая наделена жизнью, но не наделена разумом, и поэтому у нее возможностей и способностей к самостоятельной активности

больше, чем у неживой природы, но меньше, чем у разумного существа – человека. Таким образом, третий уровень – это человек, который наделен разумом, но не наделен абсолютной волей, то есть может гораздо больше, чем неживая и живая природа, но не может всего, не является всемогущим. Следовательно, для завершения мировой иерархии совершенно необходимо предположить наличие (реальное существование) последнего, четвертого уровня или ступени. Это будет Бог, который обладает не только разумом, но и абсолютной волей, то есть является всемогущим.

У известного средневекового схоласта Фомы Аквинского пять доказательств существования Бога выглядят иначе. Его пять аргументов представляют собой различные вариации двух рассмотренных выше доказательств (космологического и телеологического).

4 Спор об универсалиях

Одной из проблем средневековой философии было решение вопроса об универсалиях. В переводе с латинского этот термин (*universalia*) обозначает общие понятия, то есть наиболее широкие, обобщающие большой класс предметов. Так, например, универсалиями являются понятия «человек», «животное», «растение», «небесное тело» и многие другие. Вопрос заключался в том, существуют ли эти общие понятия реально, сами по себе, так же, как и вещи или же они – всего лишь названия и поэтому существуют только в качестве слов и не во внешнем мире, а в нашем уме. Мы, скорее всего, придерживаемся той точки зрения, что реально существуют конкретные предметы, а общие понятия – это только их обозначения и находятся в нашем сознании. Так, например, мы говорим, что нет дерева вообще, то есть такого предмета, в котором были бы собраны все возможные на земле деревья. Как нет и животного вообще, и человека вообще, а есть только конкретные, индивидуальные, единичные животные и люди, а общие понятия – это названия для больших групп сходных между собой предметов. Так считаем мы. Но ведь можно посмотреть на эту проблему совершенно иначе, что и сделал, как мы уже видели, античный философ Платон, полагавший, что идея или общее понятие, или универсалия существует реально, но в невидимом и высшем мире, а видимые нами конкрет-

ные вещи – всего лишь ее порождения. Средневековые философы, разделявшие точку зрения Платона, стали называться реалистами, так как считали универсалии реально существующими объектами, а их позиция получила название **реализма**. Противоположная точка зрения стала называться **номинализмом** (в лат. *nomen* – имя), так как ее представители полагали, что универсалии – это только имена и существуют не сами по себе, но лишь в человеческом сознании в качестве понятий или терминов, а реально же существуют, считали они, единичные, конкретные, чувственно воспринимаемые нами предметы. Таким образом, средневековый реализм не имеет ничего общего с современным значением этого слова и является идеалистическим философским воззрением, в то время как номинализм, несомненно, ближе к материализму. Понятно поэтому, что философией средневековья был реализм, номиналистические же взгляды появились и стали распространенными в эпоху упадка Средних веков, в рассветных сумерках Возрождения.

Реализм и номинализм имели свои разновидности. Так реализм был крайним и умеренным. Крайний реализм утверждал, что универсалии существуют до вещей (*universalia ante rem*), в высшем и недоступном нашему восприятию мире, а все вещи – это производные от них сущности; любой видимый нами предмет обусловлен невидимой и вечной идеей (универсалией), его порождающей. Как видим, крайний реализм восходит к платоновскому учению. Умеренная форма реализма говорила, что универсалии существуют в самих вещах (*universalia in re*), в качестве их неизменных и определяющих оснований. Мир идей (универсалий) и мир вещей едины и образуют всю окружающую нас действительность. В любом предмете присутствует какая-либо идеальная сущность – универсалия, которая и делает его из бесформенной материи нормальной вещью. Умеренный реализм, поэтому, восходит к теории Аристотеля. Номинализм также был крайним и умеренным. Умеренный номинализм полагал, что универсалии существуют после вещей (*universalia post rem*), в нашем сознании в виде обобщенных названий этих вещей – понятий. Хотя последние и не существуют объективно и являются только терминами и словами, они имеют немаловажное значение: ведь с помощью понятий мы разбиваем действительность на различные сферы и области, упорядочиваем ее, в силу чего нам

легче в ней ориентироваться и ее познавать. Поскольку понятие в латинском языке – это «концепт (conceptus)», то умеренный номинализм называется также **концептуализмом**. Крайний же номинализм считал общие понятия совершенно бессмысленными: если они не существуют реально, то незачем о них вообще говорить. Например, существует конкретное дерево – мы его видим и осязаем, и вполне можем рассуждать о нем и познавать этот предмет, как и любой другой, который действительно существует. Но что такое дерево вообще? Слово или пустой звук, за которым не стоит никакой реальности, никчемное название, полностью лишенное смысла. Невозможно какую-либо вещь обозначить более общим названием, подвести ее под некое более широкое понятие, потому что она – ровно столько, сколько в ней есть – единичный конкретный предмет и ничего общего в себе не содержит. Поэтому универсалии, говорили крайние номиналисты – это всего лишь сотрясения воздуха (flatus vocis) и их существование никому не нужно, почему и следует от них вообще отказаться, а в рассмотрение принимать только конкретные, индивидуальные, реально существующие предметы.

Как мы уже отметили, философией Средних веков, конечно же, был реализм, но в эпоху ранней схоластики более распространенной была его крайняя форма, представляющая собой по смыслу платоновское воззрение, однако в период расцвета схоластики или – зрелого средневековья прочно утвердился умеренный реализм – аристотелевская по сути точка зрения, примиряющая мир материальный с идеальным, охватывающая собой все возможные сферы сущего в грандиозной, претендующей на абсолютную завершенность философской системе.

5 Ангельский доктор (Фома Аквинский)

Самым выдающимся философом периода расцвета схоластики и всего вообще средневековья был итальянский религиозный мыслитель Фома Аквинский. В латинском языке его имя звучит как Томас, поэтому его учение получило название томизма. В настоящее время оно, в обновленном виде, является философской основой католицизма и одним из направлений современной философии, и называется неотомизмом (то есть возобновлен-

ным в новых условиях учением Фомы Аквинского). Итальянский схоласт создал грандиозную религиозно-философскую систему, в которой нашли место и были осмыслены все существующие тогда реалии, и которая на долгое время стала глобальным объяснением мироздания для средневекового человека.

Схоластика как попытка синтеза веры и разума, религии и философии достигла в учении Фомы своего апогея. Религиозная вера и философское знание не противоречат друг другу, говорит Аквинат, но, напротив, поддерживают друг друга, дополняют и образуют единство. Окружающий нас мир является божественным творением, а значит несет в себе тайну великого замысла, скрывает воплощенную в телесные вещи волю Творца. Поэтому через восприятие мира или творения мы пусть косвенно, но постигаем отчасти божественное, пусть незначительно, но приближаемся к нему. Однако, познание мира, в котором мы живем, происходит с помощью разума и философии, в силу чего философское знание через постижение окружающей действительности приближает нас к первопричине ее – Богу. Этот путь опосредованный или косвенный и, конечно же, не способен открыть всей истины, однако он ведет через познание творения к частичному постижению Творца и поэтому отвергать данную возможность приближения к Богу или игнорировать ее нет смысла.

Представьте себе, что вы смотрите на прекрасное живописное полотно, слушаете чудную музыку, со слезами на глазах читаете стихотворные строки. Вы удивляетесь таланту живописца, композитора или поэта. Но вот вы видите перед собой великолепную картину природы. Кто из нас хотя бы один раз в своей жизни не смотрел с замиранием сердца на величественно закатывающееся за край далекого горизонта яркое Солнце, не восхищался сияющей и прозрачной лазурью бесконечного неба, кого не завораживали переливающиеся всеми цветами радуги капельки утренней росы или пляшущие огоньки ночного костра, кто не бродил в задумчивости по осеннему лесу, вглядываясь в его золотую глубину? Так если за великолепием живописного полотна, музыкального произведения или стихотворных строк стоит какой-то человеческий гений, значит за гармонией и величием окружающего нас мира мы должны предположить наличие Творца, во много раз более гениального и совершенного. Что как не его фантасти-

ческий замысел и таинственная кисть произвели вокруг нас непостижимую красоту природы? (Вспомним телеологический аргумент). По произведению художника, композитора или поэта мы узнаем отчасти о самом создателе этого произведения. Конечно же это будет знание неполное, ведь автор всегда больше, шире, сложнее, глубже, чем любое его творение. Разве не хотелось нам, придя в восторг от какого-либо произведения, увидеть его создателя, поговорить с ним? Точно так же по творению Бога – мирозданию – мы узнаем отчасти Творца. Разумеется, это знание крайне фрагментарно, и нам хочется выйти за его пределы, подняться до самого Создателя, но стоит ли пренебрегать творением, которое приоткрывает завесу над божественным гением?

Наоборот, стоит использовать эту возможность, пристально всматриваться в творение, а значит – совершенствовать разум, приумножать знание, так как оно оказывает великую услугу религии, укрепляя и обосновывая веру в начальную причину всего сущего – творящего Бога. Мысль о том, что философия должна быть служанкой религии принадлежит как раз Фоме Аквинскому. Однако, философское знание – всего лишь подспорье, потому что есть еще и прямой, непосредственный путь постижения Бога – через религиозную веру в него. Путем молитвы, поста, благоговения и трепета верующий может получить божественное откровение, то есть неким непостижимым чудесным образом узреть истины величайшие и вечные, которые никогда не могут быть добыты разумом и философией. Понятно, что этот мистический путь выше и совершеннее, чем рациональное познание, что вера выше разума, а религия выше философии. Если, например, между положениями веры и разума возникают противоречия, значит ошибается разум, потому что вера ошибаться не может. Важно, что между тем и другим возможна гармония, что и религия и философия ведут к одному и тому же и поэтому надо всесторонне обосновывать и разрабатывать их союз. Необходимо уметь преодолевать возникающие противоречия между верой и разумом, ибо они возникают не от принципиальной внеразумности веры и не от абсолютной неприменимости разумного к религиозным предметам, но только от нашего неумения, а, возможно, и нежелания увидеть и понять их возможное и даже долженствующее согласие.

В своей философской системе Фома Аквинский при объяснении мироздания во многом использовал учение Аристотеля о форме и материи. Все нас окружающее, говорит Фома вслед за Аристотелем – это единство материи и формы. При этом несовершенная материя – всего лишь возможность чего-то, сущность вещей, в то время как форма – начало идеальное и неизменное – из этой возможности созидает действительность, а сущность приводит к подлинному существованию. Вклад Фомы Аквинского в разработку всевозможных проблем средневековой философии был наиболее значительным по сравнению с философской деятельностью других мыслителей средневековья, и поэтому современники называли его «ангельским доктором» (*doctor angelicus*). Вообще, латинский термин «доктор» означал в Средние века – ученый, или, точнее, – наиболее ученый (хотя и сегодня один из смыслов слова «доктор» – ученый человек) и являлся званием, которое присваивали наиболее отличившимся своими философскими заслугами (сегодня «доктор» – это также высшая ученая степень).

Как видим, в начале Средних веков были сильны сомнения в возможности применения философии к религии; зрелое средневековье ознаменовалось торжеством схоластики, в которой философствование стало средством укрепления веры; не удивительно поэтому, что на закате рассматриваемой эпохи сначала стали появляться сомнения в совместимости философского знания и религиозной веры, которые постепенно привели к полному освобождению философии от роли служанки религии.

6 Освобождение философии (Дунс Скот и Уильям Оккам)

В схоластике изначально были заложены противоречия, которые со временем разложили ее изнутри и привели к гибели. Они явились миной замедленного действия, которая рано или поздно должна была сработать. Эти противоречия заключались в несостыковке положений веры и разума, в их несовместимости. Поэтому возможно говорить о том, что схоластика вообще была одним грандиозным противоречием, ибо представляла собой попытку совместить несовместимое, в силу чего долго существовать не могла и должна была прийти к упадку сама по себе, без всякой внешней помощи. Так в XII в. арабский философ Ибн Рошд (в лат. – Аверроэс) раз-

работал теорию двойственной истины. Эта теория говорит о том, что у религии и философии совершенно разные предметы и методы. Так, предметом религии является Бог, а методом – вера, в то время как предмет философии – природа, а метод ее – опыт (то есть практическая деятельность, возможно – даже экспериментальная – по изучению окружающего мира). Религия и философия занимаются абсолютно различными областями, почти ничего общего друг с другом не имеющими, и поэтому не удивительно, что у религии свои истины, а у философии – свои. Причем, эти истины не только могут, но и должны быть различными и даже противоречащими друг другу. Нет ничего плохого и необыкновенного в том, что они не согласуются между собой: это вполне естественно, нормально и понятно. Они вовсе и не должны состыковываться, как то кажется поборникам гармонии веры и разума, да и не могут эти истины не вступать в противоречие, так как говорят о противоположных и фактически несовместимых вещах. Так, например, является ли истиной утверждение, что вода в земных условиях кипит при температуре 100°C ? И является ли истиной утверждение, что высоко в горах она кипит при более низкой температуре? И то и другое – истина. Исключают ли они друг друга? Нет. Должны ли они согласовываться между собой и сливаться в одну единую общую истину? Не должны. Просто одну ситуацию описывает первое утверждение, для другой же, отличной от нее ситуации, будет справедливой вторая истина, которая противоречит первой, однако же не исключает ее, поскольку совершенно необходимо в данном случае наличие именно двух различных истин. Почему бы не предположить, что у веры и разума, равно как у религии и философии также должны быть разные и несопоставимые друг с другом истины? Пусть философия занимается исследованием природы и не вмешивается в религиозные положения, пытаясь их обосновать, и пусть религия не пытается быть знанием о мире, а тем более – наукой о нем, всегда оставаясь только верой, и не заставляет философию обслуживать свои нужды. Таким образом, теория двойственной истины была направлена против самой сущности схоластики – стремления осуществить синтез религии и философии, говоря, что такое соединение принципиально невозможно и подчеркивая необходимость всяческого разъединения и обособления религиозной и философской сфер. Эта теория, как видим, освобож-

дала с одной стороны философию от обязанности быть подспорьем религии, а с другой стороны она избавляла последнюю от необходимости доказывать положения веры, подводить под них некую логическую основу. За философией, таким образом, вновь признавалось право быть свободным и дерзновенным познанием окружающего мира.

В западной философии последователями теории двойственной истины были шотландский философ Иоанн Дунс Скот и английские мыслители Уильям Оккам и Роджер Бэкон. Так, например, Дунс Скот полагал, что Бог сотворил мир не в силу некой разумной, а потому и вполне постижимой необходимости (как считал Фома Аквинский), а в силу своей абсолютной свободы. То есть он мог создать мир, но также мог и не делать этого, он мог создать совсем не такую действительность, в которой мы сейчас живем, а совершенно другую. Иными словами, все божественные действия есть полный, ничем не ограниченный и не регламентируемый произвол, совершаются абсолютно свободно, никакой логической или рациональной необходимостью не обладают, и потому совершенно непостижимы, неподвластны ни разуму, ни пониманию. Мы помним, что такое утверждение звучало в мистике и что его пыталась преодолеть схоластика, призывая к синтезу религии и философии. Дунс Скот, говоря о невозможности разумного осознания божественного, тем самым отделяет веру от разума, а религию – от философии и поэтому выступает хотя и в рамках схоластики, но уже – против нее, то есть мы явственно видим в учении шотландского философа, как последняя вступает в полосу своего кризиса и упадка, начинает разлагаться изнутри.

Другой сторонник теории двойственной истины – англичанин Уильям Оккам говорил, что в силу принципиальной разницы самих предметов и методов философии и религии следует жестко разграничить сферы их компетенции и рассматривать области божественного (сверхъестественного) и природного (естественного) как совершенно автономные и изолированные друг от друга. Разум ничего не может понять в делах веры, догматы невозможно осмыслить, но в то же время познание действительности или окружающего мира вполне может быть независимым от религии, может ориентироваться исключительно на разум, знание и философию. Физическую реальность можно понять из нее самой, утверждал Оккам, то

есть экспериментальным, научным путем, а также с помощью жизненной практики постичь происходящее и объяснить совершающееся вокруг нас естественными причинами, действующими в природе вещей. Совершенно не следует при объяснении окружающего мира прибегать к представлениям о тайных причинах, скрытых качествах, неведомых силах и невидимых основаниях, будто бы лежащих в сущности мироздания и управляющих им. Надо отбросить или отсечь, как бритвой, все фантастическое и сверхъестественное при объяснении действительности и понять ее безо всяких вымыслов о потустороннем и мистическом. И это возможно сделать, ибо природное есть естественное, подвластное разуму и потому вполне познаваемое (этот принцип получил название «бритвы Оккама»). А решающая роль в деле такого познания должна принадлежать философии – науке о мире в целом, о природе, нас окружающей во всех ее проявлениях.

Еще один выдающийся представитель заката схоластики англичанин Роджер Бэкон считал философию способной постичь глубокие тайны мироздания и смело продвигаться вперед с помощью практического опыта и экспериментального исследования. Как то ни удивительно, но живший в XIII в., Бэкон был почти естествоиспытателем и во многом опередил современную ему эпоху. Так, в своих сочинениях он описал самодвижущиеся повозки, летательные аппараты, подводные машины, использование солнечной энергии и многое другое. Современники называли его «удивительным доктором» (*doctor mirabilis*). Понятие «опытная наука» (*scientia experimentalis*) было впервые употреблено в истории именно Роджером Бэконом. Понятно, что только философия, освобожденная от роли прислужницы религиозной веры и вновь ставшая изучением природы могла достичь таких результатов.

Как видим, в учениях Дунса Скота, Уильяма Оккама и Роджера Бэкона схоластика начинает идти на убыль и постепенно уступать место новому мировоззрению, проявившемуся в XIV веке и вполне развернувшемуся в XV–XVI вв., в котором центральное место отводилось наукам и, особенно – философии, а религия была значительно потеснена и потеряла свои прежние господствующие позиции.

ТЕМА 6 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИЛОСОФИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

1 Сумерки средневековья

2 Совпадение противоположностей (Николай Кузанский)

3 Прорыв в современность (Джордано Бруно)

4 Город всеобщего счастья (Томазо Кампанелла)

1 Сумерки средневековья

К XV веку средневековая эпоха исторически исчерпала себя. В недрах средневековья зарождались иные – буржуазные или капиталистические отношения. На смену отживающей эпохе шла новая, а это значит, что радикально менялись экономические, социальные и политические условия жизни людей, менялась историческая реальность. Неудивительно, что человеческое сознание в данный период (представления, взгляды, идеалы, принципы) тоже должно было значительно измениться. Одной из главных особенностей рассматриваемой эпохи было то, что человек, в короткий срок совершив грандиозный научно-технический рывок, увеличил свою мощь, стал менее зависеть от условий внешнего мира, почувствовал себя более свободным и уверенным. А потому старая христианская доктрина, по которой он вместе со всем миром – всего лишь творение Бога и целиком подчиняется ему, почти не принадлежа себе, перестала соответствовать изменившимся историческим условиям. Необходимо было создать другое мировоззрение, которое более удовлетворяло бы идейным запросам новой эпохи и в котором человек был бы более свободным и значительным существом, являлся бы не созданием потустороннего Творца, но – частицей несотворенной, а потому вечной природы. Однако, такое мировоззрение существовало в античности и вместо того, чтобы формировать новые идеи, возможно было вспомнить или возродить в духовном смысле греко-римскую древность. Этим и занялась философия рассматриваемой эпохи, вошедшей в историю под названием Возрождения.

Основной чертой нового философского сознания был **антропоцентризм** – постановка человека в центр рассмотрения, взгляд на него как на самое совершенное существо мироздания, видение главной задачи наук и искусств в изучении человека, в постижении его природы. В Средние века духовная жизнь характеризовалась **теоцентризмом** – представлением о Боге как о высшей, предельно совершенной и единственно достойной внимания реальности. Как видим, в эпоху Возрождения на место Бога был поставлен человек, а представителей философии, искусства и науки, исповадовавших идеи антропоцентризма стали называть гуманистами (от лат. *humanus* – человеческий). Именно они впервые предложили деление истории на древнюю, средневековую и новую, причем рассуждали следующим образом: когда-то давно существовала прекрасная античность, говорили они, потом она была отвергнута и забыта, и по прошествии нескольких веков мы вспомнили о ней и стали ее возрождать, и поэтому с нас начинается Новое время (то есть с началом культурной деятельности гуманистов). А вот между нашим Новым временем, продолжали они, и далекой безупречной древностью, которую мы теперь хотим воскресить, лежит эпоха безвременья, огромный исторический пробел, период глобального застоя, в который человечество ни на йоту не продвинулось вперед. Поэтому десяток столетий, прошедших с падения античности они презрительно назвали средними веками (в лат. – *media eva*), то есть ни на что не годным, недостойным и бессмысленным временем. С легкой руки гуманистов мы до сих пор делим историю на древнюю, средневековую и новую, хотя в термин «средние века» давно уже не вкладываем тот наполненный духом пренебрежения и отрицания смысл, который разумели в этом понятии представители культурной жизни Возрождения.

Появление антропоцентризма и гуманизма знаменовало собой разрыв многовековой связи человека с Богом, отделение их (в идейном смысле) друг от друга, которое называется **секуляризацией** (от лат. *secularis* – отдельный). Причем происходило не только отделение человеческого от божественного, светского (нерелигиозного) от религиозного, но и постановка человека на место Бога, а значит – потеснение или даже полное вытеснение последнего. Вспомним, что средневековое представление о Боге как о потусторонней и вечной реальности и о мире как о творении называется

теизмом. Поэтому, чтобы секуляризовать (то есть потеснить) Бога надо было каким-то образом видоизменить теистическую доктрину. Первым способом секуляризации был пантеизм – представление о тождественности природы и Бога. Весь окружающий мир и есть безличное, то есть везде и во всем находящееся божество. Важно, что в таком воззрении автоматически исключается акт творения: если Бог и природа – одно и то же, значит он никак не мог ее сотворить и ни в коем случае не является первичным по отношению к ней. Напротив, Бог и природа в пантеизме равны друг другу, совечны, а значит, природа, будучи несотворенной и неподлежащей уничтожению, наделяется статусом бесконечности. В пантеизме умалется роль Бога, но возрастает роль природы и человека, как ее частицы. Вторым способом секуляризации был **деизм** – представление, по которому Бог создал мир, наделил его законами и самоустранился, подобно тому, говорят деисты, как часовой мастер собрал механизм, завел его и ушел восвояси, а часы идут сами по себе. Наш мир развивается далее по своим собственным законам без всякого божественного вмешательства. Но ведь часы могут сломаться и тогда потребуются, чтобы собравший их некогда мастер вновь занялся бы ими, возразим мы представителям деизма, так же и в нашем мире может что-нибудь испортиться и вмешательство Бога станет необходимым. На это деисты ответят нам, что одно дело – часовщик и его механизм, другое дело – совершенный Бог, который не мог создать что-либо несовершенное. Стало быть мир совершенен и в принципе не подвержен никакой поломке, а значит невмешательство Бога гарантировано. Любопытно, что в деизме из совершенства Бога выводится полное отсутствие его влияния на человеческую жизнь (вспомним, что Эпикур из бессмертия и блаженства богов выводил их полную бездеятельность и далее – совершенную непричастность к людским делам). И, наконец, третьим способом секуляризации является **атеизм** – утверждение о том, что Бога вообще нет и не может быть – нигде, никак и никогда. Пантеизм был еще в древности, деизм появился приблизительно в XVI веке, а атеизм – в XVII–XVIII вв. Возрождение проходило под идейными знаменами пантеизма, тем более, что античность, которой всячески подражали в данную эпоху, всецело была пантеистической. Поэтому деизм и атеизм – это идейные явления более позднего времени, в период Возрождения их, скорее всего, еще не было,

однако секуляризация, начавшись в XIV–XV вв. продолжалась очень долго, идеи антропоцентризма не были исчерпаны за два-три столетия Ренессанса. Правильнее было бы говорить, что в это время они только зародились. Поэтому идейными наследниками Возрождения стали XVII век – первая ступень Нового времени и XVIII столетие – эпоха Просвещения, которая ознаменовалась завершением основных философских представлений Ренессанса.

2 Совпадение противоположностей (Николай Кузанский)

Выдающимся представителем философии Возрождения был немецкий мыслитель Николай Кузанский. Он являлся пантеистом и утверждал, что бесконечное мироздание и есть Бог, находящийся во всем существующем, везде и потому нигде конкретно, слитый со всем воедино. Бог – это все вообще – само Бытие или «максимум Бытия», как говорил Кузанский. Все вещи, предметы и тела мироздания – это воплощенное в нечто конкретное и телесное божество. Вселенная есть развернутый Бог, а Бог – свернутая в единое Вселенная. Таким образом, любая вещь – это проявление Бога, его реализация, его воплощение в некоем определенном предмете. Говоря иначе, Бог представляет собой некую единую, однородную основу всего, идеальную и бесконечную сущность, которая обнаруживает себя через материальные, конечные, отдельные вещи. Бог один, а предметов в окружающем нас мире – огромное множество, которое и есть развертывание или проявление, или инобытие (то есть существование в другой форме) единого божества, тождественного всему мирозданию. Вещи, которые мы наблюдаем вокруг себя совершенно различны и непохожи друг на друга. Но это только с точки зрения самих этих вещей. Ведь если посмотреть на них с точки зрения бесконечного Бога, то тогда, то есть по крупному счету получится, что все вещи – одно и то же, так как любая из них – всего лишь воплощение Бога, его форма, проявление, частица, его обнаружение. Эта мысль не является новой. Вспомним, как милетские философы говорили, что за видимым разнообразием мира скрывается невидимое его единство, все вещи – это всего лишь разные формы или состояния некоего однородного мирового вещества (воды, воздуха и т.п.) и поэтому по крупному сче-

ту, надо говорить не о различии вещей, а об их сходстве и даже тождественности. Николай Кузанский этой мировой основой всего сущего объявляет пантеистическое безличное начало – бесконечного Бога и говорит, что все вещи, представляющиеся нам различными с точки зрения повседневности и здравого смысла, являются на самом деле тождественными, так как все они – проявления этого пантеистического начала. Но различия между ними стираются и пропадают, если воспринимать их не в качестве отдельных предметов, а рассматривать их в Боге, то есть – с точки зрения бесконечности. Повседневное мышление, утверждает Кузанский, никогда не может постичь, каким образом различное может быть одинаковым, как противоположности могут сливаться в одно целое и переставать быть противоположностями. Обыденное сознание мыслит все в конечных, ограниченных масштабах, не может взглянуть на вещи с глобальной точки зрения. А философское мышление вполне может отрываться от привычной реальности, воспринимать бесконечность, и поэтому ему доступно кажущееся парадоксальным и невероятным – совпадение противоположностей. Только необходимо еще раз подчеркнуть, что различное отождествляется только в бесконечности, сливается в одно только в единой и вечной основе всего существующего – будь это некое мировое вещество или же – какое-либо духовное начало.

Для иллюстрации этого положения Николай Кузанский приводит несколько математических примеров. Представим себе окружность и проходящую рядом с ней прямую. Очевидно, что это совершенно разные геометрические фигуры. Если увеличивать радиус окружности, кривизна на каждом конкретном ее участке будет уменьшаться. При увеличении радиуса до бесконечности (!) окружность превратится в прямую, то есть перестанет быть самой собой. Также можно рассмотреть треугольник и прямую. Если уменьшать углы при основании треугольника до бесконечности, он станет прямой. Представим себе, что в окружность вписан многоугольник. Если увеличивать количество его сторон или граней до бесконечности, он превратится в окружность. И, наконец, покажем, что с точки зрения бесконечности 2 и 5, 3 и 7, 9 и 15 и любые две другие величины – одно и то же, что различия между ними стираются и пропадают. Допустим, что перед нами – два отрезка по 10 см каждый. Один разделим на части по 5 см, а

другой разделим на части по 2 см. Первый, таким образом, распадётся на 2 части, а второй – на пять частей. Получается, что мы делили одинаковые отрезки, на разные величины (на 5 см и на 2 см) и поэтому получили разные результаты, значит различие между пятеркой и двойкой очевидно. Но 5 и 2 отличаются друг от друга только в конечном, ограниченном масштабе, ведь мы рассматривали два отрезка. Теперь представим себе, что перед нами – две прямые (бесконечные линии). Первую прямую разделим на отрезки по 5 см, а другую – на отрезки по 2 см. Сколько частей получится на первой прямой? А на сколько частей распадется вторая прямая? И в первом случае и во втором количество получившихся частей будет бесконечным. Таким образом, мы делили две бесконечные линии на разные величины, а результат получили один и тот же. Единственное, что следует из этого – то, что разница между двойкой и пятеркой исчезает в бесконечности, равно как и различия между любыми двумя другими величинами неизменно стираются в бесконечном масштабе. Хотя математические примеры и являются наиболее наглядными, совпадение противоположностей в бесконечности вполне можно увидеть и в совершенно иных сферах. Так, например, если бы человек был бессмертным (то есть бесконечным) существом, тогда мог бы в принципе возникнуть в его сознании вопрос о смысле жизни? Не мог бы. Также в данном случае автоматически отпали бы вопросы о предназначении человека, о его долге и ответственности, исчезли бы цели, задачи, стремления и желания. Перед лицом бесконечности все вообще пропадает, теряется и исчезает.

Задача философского познания по мнению Кузанского заключается не в последовательном изучении отдельных вещей и предметов окружающего мира, а в постижении бесконечности, единой мировой сущности, которая и есть все. Но если о каждой конкретной вещи вполне можно получить определенное знание, то постичь бесконечность совершенно невозможно, о ней может быть только незнание. Однако данный факт вовсе не означает отказа от метафизического познания, от желания открыть непостижимое. Философия на то и является любовью к мудрости, чтобы пытаться совершить кажущееся в принципе невероятным, сделать невозможное, стремиться к немислимому.

3 Прорыв в современность (Джордано Бруно)

Эпоха Возрождения ознаменовалась многими научными открытиями. Одним из наиболее выдающихся достижений был переворот во взглядах на строение мироздания, произведенный польским ученым Николаем Коперником. С античных времен в человеческих умах господствовало представление о том, что Земля является неподвижным центром Вселенной, а Солнце, Луна и звезды вращаются вокруг нее по неизменным орбитам. Такое воззрение было создано в античности, существовало почти две тысячи лет и называется **геоцентрической** системой мира (от греч. гэ – Земля). Переворот Коперника заключался в том, что он разработал **гелиоцентрическую** систему (от греч. гелиос – Солнце), тем самым намного приблизив человеческие представления об устройстве Вселенной к действительному положению вещей. Он утверждал, что не Земля, а Солнце является центром мироздания, а наша Земля вместе с другими планетами вращается вокруг своей оси, поворачиваясь к Солнцу то одной, то другой своей стороной, отчего и происходит смена дня и ночи. Кроме того, ось земного вращения несколько наклонена по отношению к орбите Земли, и поэтому при движении нашей планеты вокруг Солнца его лучи падают на ее поверхность более или менее отвесно. Вертикальное их расположение сильно нагревает Землю, когда же они скользят по земной поверхности, то почти не греют ее. Вот почему в одних частях нашей планеты холодно, а в других – тепло. Вращением Земли вокруг Солнца объясняется вечная и неизменная смена времен года, с которой так тесно связана жизнь человеческого рода. Система Коперника была настоящей революцией в естествознании, грандиозным шагом вперед в познании окружающего мира, освобождением от многовекового заблуждения и предвосхищением сегодняшнего дня (геоцентрическое представление кажется нам теперь смешным и наивным, а об открытии Коперника знает любой третьеклассник). Однако, в выработке нового воззрения на устройство мира польский ученый не пошел до конца и его учение имело два существенных недостатка. Первый заключался в утверждении о том, что Солнце – это центр Вселенной и является неподвижным (на самом деле оно движется, как и любое другое небесное тело и не является центром мироздания). Второй недостаток вы-

текает из первого: если у Вселенной есть центр, значит у нее есть и граница. Коперник в данном случае разделял древнее воззрение и считал, что мироздание представляет собой грандиозную сферу, пределом которой являются видимые нами на ночном небе далекие звезды. Эти недостатки исправил знаменитый итальянский философ Джордано Бруно, учение которого на несколько столетий опередило его время.

Исходным пунктом философских воззрений Бруно был пантеизм. Только если Николай Кузанский, с которым мы познакомились в предыдущем параграфе, в духе пантеизма утверждал, что природа растворена в Боге, то Джордано Бруно исходил из того, что Бог растворен в природе. На первый взгляд, от перестановки слов ничего не меняется. На самом же деле, перед нами – два совершенно различных варианта пантеизма. У Николая Кузанского речь идет прежде всего о Боге (природа растворена в **Боге**), а у Бруно, наоборот, – о природе (Бог растворен в **природе**). Первый вариант пантеизма поэтому можно назвать теологическим (теос – Бог), а второй – натуралистическим (лат. *natura* – природа). Как видим, итальянского мыслителя интересует природа, мироздание, космос, Вселенная, которая, по его мнению, пронизана божественным началом, одухотворена, жива, едина. Из этого натуралистического пантеизма вытекают все основные положения философского учения Бруно.

Так, например, если Вселенная божественна, то может ли она иметь границы, быть конечной? Разумеется – не может, Вселенная бесконечна, а количество миров в ней бесчисленно. Из этого положения неизбежно следует, что у мироздания нет центра, и, стало быть, наше Солнце вовсе не является центром мира, как считал Коперник. Оно – центр только для нас, вернее – для нашей солнечной системы. А вообще, если Вселенная бесконечна, то ее центр везде и поэтому нигде; любое небесное тело можно рассматривать в качестве относительного центра, абсолютного же – в принципе не может быть. Видимая нами сфера звезд, говорил итальянский философ, не есть граница мироздания, но – всего лишь тот предел, которого достигает наше зрение даже вооруженное различными оптическими приборами. Ночные звезды – это огромные раскаленные и светящиеся небесные тела, подобные нашему Солнцу. Иначе – это солнца других миров, которые, так же, как и наше, имеют свои спутники-планеты. Однако мы не видим их вслед-

ствие малого размера, а также потому что они тонут в блеске звездных лучей. Эти догадки были экспериментально подтверждены только в XX веке, когда с помощью сложнейшей техники мы окончательно удостоверились в существовании иных планетных систем и галактик, разбросанных тысячами в бескрайних просторах Вселенной и увидели множество небесных тел, недоступных для наблюдения невооруженным зрением.

Другим замечательным утверждением Джордано Бруно, вытекавшим из его пантеизма, была мысль о том, что небо и Земля состоят из одних и тех же элементов. Раньше (со времен Аристотеля) считалось, что вещества Земли и неба совершенно различны и даже противоположны: Земля состоит из четырех грубых стихий – земли, воды, огня и воздуха, небо же образует более совершенное и тонкое вещество – эфир. Не случайно, наверное, противопоставлялись друг другу безупречность небесной сферы и несовершенство земной обители, а все идеальные и сверхъестественные сущности помещались человеком всегда на небо. Бруно утверждал, что между небесным и земным веществами нет противоположности: эфир – это не принципиальный материал неба, но – всего лишь пятый элемент, такой же, как и четыре остальных, который выполняет роль связующего вещества: он объединяет четыре стихии в единое целое мироздания. Эта гениальная догадка, выраженная пусть и в художественной, аллегорической форме, была также подтверждена только в XX веке, когда с помощью современных технических достижений мы смогли изучить вещество различных планет и звезд, экспериментальным путем исследовать их химический состав и убедиться в том, что в различных частях Вселенной присутствуют те же самые немногим более ста химических элементов, что и на нашей Земле, которые заполняют собой периодическую систему Д. И. Менделеева. В современной науке это утверждение обозначается термином «химически однородный состав Вселенной».

Вопрос о соотношении материального, вещественного и идеального, духовного Джордано Бруно решал также пантеистически. Безусловно, утверждал он, что мир, нас окружающий, устроен разумно и правильно. Почему, например, все небесные тела неизменно движутся по стройным орбитам? Неразумная и неживая материя – вещество, лишённое духа и жизни, никак не могло бы само по себе устроиться гармонично и разумно.

Значит, необходимо предположить, что вещество является живым и разумным, что материя одушевлена. В данном случае важно то, что в учении Бруно духовное начало перестает быть потусторонним по отношению к окружающему нас миру, оно переносится в него, растворяется во всем мироздании. Пропадает резкая противопоставленность материального и идеального, речь идет почти об их тождественности: материя является одушевленной, а духовное материализовано. Такой взгляд называется также **гилозоизмом** (от греч. гило – вещество и зоос – жизнь).

Из этого утверждения следует весьма интересный и важный вывод: если Вселенная одушевлена и разумна, говорит Джордано Бруно, то не исключено, что миры, наполняющие ее бескрайние просторы и отстоящие от нас на колоссальные расстояния, так же, как и наш мир, населены и обитаемы. Эта мысль и по сей день не получила экспериментального подтверждения, однако вполне возможно, что в недалеком будущем мы еще раз удостоверимся в правоте гениальных прозрений итальянского философа и вновь поразимся тому, каким образом в далеком и диком (в научно-техническом смысле) XVI веке он смог сделать свои удивительные выводы, которые во многом предвосхитили современное столетие.

4 Город всеобщего счастья (Томазо Кампанелла)

Во все эпохи человеческой истории люди часто задавали себе вопрос о том, почему не все в жизни происходит так, как должно быть или – как хотелось бы. Например, почему существуют зависть, ненависть, страх и ложь. Ведь они только отравляют человеческую жизнь и поэтому должно быть так, чтобы их не было вовсе. Но почему-то они существуют, толкая людей на вражду и преступления.

Многие мыслители пытались найти главную причину общественных несчастий, чтобы показать ее людям, устранить и сделать жизнь счастливой. Вспомним, китайский мудрец Конфуций говорил, что все беды происходят от нарушения основных принципов небесного порядка, по которому следует жить. Греческие киники считали корнем всех проблем имущество или частную собственность и различные общественные ограничения, мешающие людям жить так, как им хочется. Некоторые мыслители создавали

проекты идеального общественного устройства, в которых общество в целом и каждый отдельный человек рисовались счастливыми и процветающими. Проект идеального общества и счастливой жизни называется **утопией** (от греческого слова тоπος – место и отрицательной частицы у – не). Дословно термин утопия можно перевести на русский так – место, которого нет или – несуществующее место.

Автором первой известной утопии был знаменитый греческий философ Платон, который считал, что в идеальном обществе должно быть три сословия: философов, воинов и земледельцев. Причем каждое из этих сословий должно заниматься только своей профессиональной деятельностью и не вмешиваться ни в какие другие дела. Философы, как наиболее мудрые, должны управлять государством, воины – защищать его, а земледельцы – кормить. Вторым важным принципом идеального общества после разделения труда между сословиями должно быть, с точки зрения Платона, отсутствие частной собственности и имущественное равенство людей. Ведь если у всех всего поровну, считал он, тогда в обществе не может быть ни зависти, ни недовольства, ни ненависти, ни страха, ни вражды между людьми.

В эпоху Возрождения (вспомним, что это было возрождение духовных идеалов античности) тоже были созданы различные утопические модели. Наиболее известной из них является утопия о городе Солнца, автором которой был итальянский философ Томазо Кампанелла. Он нарисовал идеальное общество, по образу и принципу которого люди смогли бы построить настоящую счастливую жизнь.

Жители его утопического проекта населяют прекрасный белокаменный город и его живописные окрестности. Любому путнику издали видны белые, одна над другой возвышающиеся стены города, плавающий на солнце купол – двойной, большой венчается малым. Перед городом раскинулись зеленые поля и цветущие сады, в которых с песнями работают люди в одинаковых одеждах, с одинаково веселыми лицами. Население города работает все, только старость и болезнь освобождают от труда. Бездельников в городе нет. А среди широких пашен и роскошных лугов нет ни своих земель, ни чужих – общие. Окованные железом городские ворота открыты, в них может войти каждый, кто несет в себе добрые мысли и

чувства. Если же к городу приближается враг, тогда все семь стен, одна выше другой, превращаются в неприступную крепость. Внутри эти стены расписаны превосходной живописью – геометрические фигуры и карты разных земель, алфавиты стран и виды растений, животных, минералов, портреты великих людей и орудия труда. Вдоль красочных стен ходят группами дети в сопровождении ученых старцев. Неграмотных в городе нет, потому что он весь – школа, дети, глядя на стены, играючи постигают науки. По мраморным лестницам, по крытым галереям, пересекая улицы, путник поднимается к широкой центральной площади, к величественному круглому храму, который внутри просторен, прохладен и освещен лучами, падающими из отверстия купола. В алтаре находятся два глобуса – Неба и Земли, и семь золотых лампад, знаменующих собой семь планет, освещают плитчатый пол, выложенный редкостным камнем.

Гостя выходят встречать правители города. Впереди идет старший по возрасту, он же – высший священник – Сол, то есть Солнце. За ним следуют три его помощника – Пон, Син и Мор, что означает Мощь, Мудрость и Любовь. Сол не завоевал свое высокое место правителя, не получил его по наследству. Однако, нельзя сказать также, что он избран народом. Звание Сола может получить лишь тот, кто окажется настолько учен, что будет знать все. Он сам собой должен выделиться среди других своей непомерной мудростью. «Пусть он даже будет неопытен в деле управления государством, однако, никогда он не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном именно потому, что настолько мудр», – считают граждане города. Три его соправителя не должны быть всеведущими, однако они прекрасно осведомлены в тех делах, которыми им надлежит заниматься. Мощь управляет воинским ремеслом, ведает защитой города. Мудрость занимается обучением, Любовь наблюдает за рождением детей.

Таким образом, все население города – это единая община (коллектив людей), которая спаяна одинаковыми целями, делами и идеалами. Один за всех и все за одного – вот главный принцип, по которому живут граждане города Солнца. Поскольку ни у одного из них нет личного имущества или частной собственности, а, наоборот, все общее, то жителям счастливого города не из-за чего враждовать, некому завидовать, не на кого обижаться и некого бояться. Где нет личной корысти, там нет преступлений, нет не-

счастий, считал Кампанелла вслед за Платоном. Люди делают одно общее дело, движутся к одной общей цели, они равны между собой, и поэтому никогда не конфликтуют, что делает все общество и каждого человека сильным, счастливым и уверенным в завтрашнем дне.

И также вслед за Платоном Кампанелла говорит, что руководить государством должен философ или мудрец, а не неизвестно кто. Ведь мудрец знает все или почти все и поэтому он может взять на себя ответственность за тысячи других людей. А если же руководитель государства не знает всего или же знает мало, или вообще ничего не знает, то ему надо шить сапоги, а не руководить государством, потому что он не умеет этого делать.

Ни утопия Платона, ни проект Кампанеллы, несмотря на все старания их создателей, не были осуществлены на практике, но они стали выдающимися памятниками человеческой мысли, – философскими творениями, которые и по сей день указывают нам на несовершенства нашей жизни, являются немым упреком и поныне процветающей несправедливости.

ТЕМА 7 ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- 1 *«Чистая доска» или опыт превыше всего (Бэкон, Гоббс, Локк)*
- 2 *Врожденные идеи или «значенья духа опыт не покроеет» (Декарт и Лейбниц)*
- 3 *Действительность – поток ощущений (Беркли и Юм)*
- 4 *Век Просвещения*
- 5 *Выяснить возможности разума (Кант)*
- 6 *Мироздание – застывшая мысль (Гегель)*
- 7 *«Нам здешний мир так много говорит» (Фейербах)*
- 8 *Не объяснять мир, а изменять его (Маркс и Энгельс)*

1 «Чистая доска» или опыт превыше всего (Бэкон, Гоббс, Локк)

Новое время – это эпоха, которая охватывает в истории человечества XVII, XVIII и XIX века. Условно началом Новой истории считается Английская буржуазная революция 1640 года (есть, и другие точки зрения на начало Новой истории), которая ознаменовала собой начало нового периода – эры капитализма или буржуазных отношений, или индустриальной цивилизации. Эпоха, начавшаяся три столетия назад, потому и называется нами Новой, что именно в XVII в. были заложены основы, из которых выросла реальность сегодняшнего дня. Три века назад мы окончательно вышли из древности и, расставшись с ней (античность и Средние века навсегда превратились в музейные экспонаты), вступили в ту полосу истории, в которой и находимся по сегодняшний день.

Радикальные изменения условий жизни людей влекли за собой глобальные перемены в человеческом сознании: философия Нового времени продолжила идеи, сформулированные в эпоху Возрождения. Основной духовной установкой новой философии, ее интеллектуальным пафосом было положение о том, что человек – самое совершенное существо в мироздании, венец эволюции, а значит – господин всего сущего. Кто сильнее и значительнее человека? Вроде бы, Бог. Но это для Нового времени – старая и от-

жившая свой век мысль, наивное заблуждение древних. Новая философия нисколько не сомневалась в том, что над человеком в смысле большей силы и могущества никого и ничего нет. А если даже и есть, то существует каким-то отстраненным образом и никак не влияет на человеческие желания и деяния. Человека же отныне интересует только он сам, ибо теперь, по его мнению, нет ничего иного, кроме реальности его собственного существования. Об этом прекрасно говорит доктор Фауст у Гёте:

« Но я к загробной жизни равнодушен.
В тот час, как будет этот свет разрушен,
С тем светом я не заведу родства.
Я сын земли. Отрады и кручины
Испытываю я на ней единой.
В тот горький час, как я ее покину,
Мне все равно, хоть не расти трава.
И до иного света мне нет дела,
Как тамошние б чувства не звались,
Не любопытно, где его пределы,
И есть ли там, в том царстве, верх и низ.»...

Отныне человек гордо смотрит вокруг себя и чувствует, что нет преград возможностям его разума, что путь познания полностью открыт и можно проникнуть в самые сокровенные тайны природы, чтобы поставить ее себе на службу и бесконечно увеличивать собственную мощь. Безграничная вера в Прогресс, Науку и Разум – главная отличительная черта духовной жизни Нового времени. Познание окружающего мира с целью увеличения власти над природой – главная задача новой науки и философии. В XVII в. человеку казалось, что с природой можно делать все возможное и желаемое, причем безответственно и безнаказанно. Тогда все было просто и понятно, а покорение окружающего мира представлялось безусловным прогрессом. Спустя три столетия мы увидели результаты своей научно-технической, «покорительной», производственной деятельности и ужаснулись тому, что натворили, так как сегодня отчетливо видно, что и природа и человечество поставлены на грань уничтожения и исчезновения. Однако, на заре Нового времени ни о чем подобном не было даже мысли, а увеличение человеческой мощи казалось делом исключительно благим и необходимым.

Родоначальником новой философии был английский мыслитель Фрэнсис Бэкон, который начинал свои рассуждения с критики предшествующей XVII веку философии, говоря, что она довольно мало продвинула людей по пути познания и слабо способствовала прогрессивному развитию. Вместо того, чтобы дерзновенно проникать в тайны природы старая философия занималась какими-то отвлеченными мудрствованиями и поэтому топталась, по крупному счету, на одном и том же месте. Прежде всего, следует подвергнуть решительному пересмотру, а если надо – и отрицанию всю предыдущую философскую традицию, после чего – построить принципиально новую философию, отвечающую требованиям эпохи. Главный недостаток древнего философствования, по мнению Бэкона, заключался в несовершенстве метода, который и надлежало реформировать в первую очередь. Метод – это вообще способ выполнения чего-либо, основной прием реализации каких-то задач. Философский метод – это, стало быть, способ мышления или познания, путь, которым мы продвигаемся в постижении окружающего. Методом старой философии была **дедукция** (от лат. *deductio* – выведение) – такой способ рассуждения, при котором из общего правила делается вывод для частного или конкретного случая. Любое дедуктивное умозаключение со времен Аристотеля называется **силлогизмом**. Приведем пример:

Все люди смертны.

Сократ – человек.

Сократ смертен.

В данном умозаключении (силлогизме) из общего правила («Все люди смертны») делается вывод для частного случая («Сократ смертен»). Как видим, рассуждение в данном случае идет от общего к частному, от большего к меньшему, знание сужается, и поэтому дедуктивные выводы всегда достоверны (то есть обязательны, точны, безусловны). За что же тогда критиковать дедукцию? Во-первых, говорит Бэкон, в основе любого дедуктивного умозаключения обязательно лежит какое-либо общее положение («**Все** люди смертны», «**Все** небесные тела движутся», «**Все** металлы плавятся» и т.п.). Но всякое общее утверждение всегда недостоверно и принимается нами на веру. Откуда мы, например, знаем, что все металлы плавятся? Можно расплавить, скажем, железо и быть уверенными в том, что

оно плавится. Но справедливо ли сказать то же и обо всех остальных металлах, не проводя эксперимента с каждым? А вдруг не все металлы плавятся? Тогда наше обобщение будет ложным, а если оно лежит в основе дедукции, то и дедуктивный вывод окажется также ложным. Итак, первый недостаток силлогизма – непроверяемость его общих положений, из которых и делается заключение. Во-вторых, дедукция – это всегда сужающееся знание, движение внутрь, а не вовне. Но ведь наша задача – открывать новые вещи и неизвестные пока истины, значит, рассуждение обязательно должно идти вширь, охватывая доселе неведомое, знание должно расширяться, и поэтому дедуктивный метод в данном случае совершенно неприемлем. Старая философия, говорит Бэкон, потому и не продвинулась существенно в деле познания, что пользовалась дедукцией, рассуждая от большего к меньшему, а не наоборот.

Новая философия и наука, по мнению английского философа, должна принять на вооружение иной метод, который называется **индукцией** (от лат. *inductio* – наведение). Приведем пример индуктивного умозаключения:

Железо при нагревании расширяется.

Медь при нагревании расширяется.

Ртуть при нагревании расширяется.

Железо, медь, ртуть – металлы.

Все металлы при нагревании расширяются.

Как видим, в данном случае из нескольких частных случаев делается одно общее правило, рассуждение идет от меньшего (всего три металла) к большему (все металлы), знание расширяется: мы рассмотрели только часть предметов из некоторой группы, но вывод сделали обо всей этой группе, и поэтому он всего лишь вероятен. Это, конечно же, недостаток индукции. Но главное в том, что она представляет собой расширяющееся знание, ведет нас от известного к неизвестному, от частного к общему и, поэтому, способна открывать новые вещи и истины. А чтобы индуктивные выводы были более точными, необходимо выработать правила или требования, соблюдение которых сделает индукцию намного совершеннее. Важное достоинство этого метода заключается также в том, что в основе его всегда лежат не общие, а частные положения («Железо плавится», «Юпитер движется», «Метан взрывоопасен», «У березы есть корни» и т.п.), кото-

рые мы всегда можем проверить экспериментальным путем и потому – не сомневаться в них, в то время как общие положения дедукции всегда принимаются нами на веру, вследствие чего и являются сомнительными.

Индуктивный путь познания представляет собой, таким образом, постепенное наращивание или обогащение нашего знания, собирание информации об окружающем мире по частям, по крупичкам, которое происходит только в процессе каждодневной жизни. Знание накапливается только в результате жизненного опыта, постоянной практики: если бы мы не контактировали с миром, то никаких представлений о нем в нашем сознании не было бы, так как оно изначально (то есть при рождении человека) совершенно пустое – младенец не знает ровным счетом ничего. Но по мере своей жизни он видит, слышит и осязает все, что его окружает, то есть постепенно приобретает некий жизненный опыт и, таким образом, его ум наполняется образами внешнего мира, представлениями о нем, мыслями, обогащается рождающимся знанием. Поэтому вне опыта, без него или независимо от него невозможно приобрести какую-либо информацию, что-то узнать. Опыт по-гречески – «эмпирия», и индуктивный метод философского познания, предложенный Бэконом и опирающийся на опыт, получил название **эмпиризма**. Эмпирическое философствование – это выведение знания из окружающего мира в процессе жизненного опыта и последовательное наполнение изначально пустого или чистого человеческого ума различными представлениями и информацией.

В данном случае источником познания является внешний мир, в сознании человека нет никаких доопытных знаний, а значит нет и никакой реальности вне и помимо чувственного мира, из которой можно было бы такие знания получить (вспомним, что в учении Платона человеческая душа до вселения в тело обитает в совершенном мире идей и все знает, поэтому задача познания заключается в том, чтобы проявить это высшее знание). Продолжили воззрения Фрэнсиса Бэкона английские философы Томас Гоббс и Джон Локк. Гоббс выступил в духе материализма, утверждая, что не существует мира идей и бессмертной человеческой души, а есть только чувственный мир, состоящий из множества физических тел. Познание же происходит в результате их воздействия на наши органы чувств, в результате чего в уме и возникают различные идеи. Локк также говорил о

том, что все знания выводятся из окружающего мира посредством чувственных восприятий. Он назвал первоначальное состояние человеческого сознания «чистой доской» (*tabula rasa*), на которой в процессе жизненного опыта появляется различная информация. Поэтому все, что есть в нашем уме, поступило туда по каналам органов чувств из внешнего мира и никакой автономностью (т.е. независимостью от окружающей действительности) не отличается. Это утверждение он выразил в следующем изречении, ставшем впоследствии классической формулой эмпиризма: «Нет ничего в разуме, чего раньше не было бы в чувствах».

Материализм просматривается и в социальных воззрениях Гоббса и Локка, которые были революцией во взглядах на происхождение общества и государства. В Средние века это объяснялось теологически: Бог предписал людям жить общественной жизнью, даровал им законы и государственную власть. Английские мыслители выдвинули натуралистическое (от лат. *natura* – природа) представление, то есть попытались объяснить общество и государство естественными причинами. Их учение получило название «теории общественного договора», по которой когда-то давно люди жили в естественном состоянии, то есть – в природном или в животном. Понятно, что тогда каждый заботился только о собственном существовании, подчиняясь инстинкту самосохранения, и мог делать по отношению к ближнему все, что заблагорассудится. В этом состоянии, по Гоббсу, «человек был человеку волк» (*homo homini lupus est*) и шла «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Чтобы не истребить друг друга окончательно, люди договорились упорядочить и нормализовать свою жизнь, создать законы – такие правила, которые должен был бы соблюдать каждый, а также сформировать общество и государство, которые контролировали бы выполнение законов и гарантировали бы порядок. Подчиняясь этим законам, обществу и государству, человек терял часть своей прежней природной свободы, но зато обретал защиту и безопасность от посягательств окружающих его. Таким образом, люди перешли из естественного состояния в гражданское. «Теория общественного договора» внесла существенный вклад в идейную секуляризацию: социальная мысль освобождалась от теологических представлений.

В эмпиризме Бэкона, Гоббса и Локка отчетливо просматриваются основные черты философии Нового времени: антропоцентризм, секулярность, гносеологический оптимизм. Эти характеристики применимы и к другим философским направлениям данной эпохи. Однако, общность целей и задач, провозглашаемых в различных учениях отнюдь не означает одинаковости подходов к их решению. В новой философии был выработан и совершенно иной, противоположный бэконовскому, метод познания окружающего мира и усовершенствования человеческой природы.

2 Врожденные идеи или «значенья духа опыт не покроет» (Декарт и Лейбниц)

Родоначальником новой философии также считается французский философ и ученый Рене Декарт, который, как и Фрэнсис Бэкон, основной задачей философии считал увеличение человеческого могущества путем познания окружающего мира и господство над природой. И так же, как Бэкон, Декарт полагал, необходимым пересмотреть всю прежнюю философию и построить принципиально иную. Однако, главное расхождение его воззрений с учением английского философа заключалось в совершенно другом понимании основного метода философского мышления.

Для того, чтобы создать новую систему взглядов, утверждал Декарт, следует усомниться во всем предыдущем знании, которое выработало человечество. Более того, надо подвергнуть сомнению и наличное существование окружающего: вдруг внешний мир – всего лишь иллюзия, и на самом деле его нет. Можно сомневаться даже в существовании своего собственного тела: нет никакой гарантии, что оно действительно существует, не исключено, что моя телесная жизнь – фантом и мне только кажется, что она есть. Возможно ли что-нибудь устойчивое в этом тотальном сомнении, то, в чем никак нельзя сомневаться? Оказывается, что возможно. Это сам факт нашего сомнения: когда мы во всем абсолютно сомневаемся, то, в этом случае, не можем сомневаться в своем собственном сомнении. Но если мы сомневаемся, значит мы мыслим, ибо сомнение – это акт мышления. А может ли мыслить то, чего в принципе нет, что не существует? Не мо-

жет. Значит, если я мыслю, то существую. Это знаменитое положение Декарта (*cogito, ergo sum*) является ключевым моментом его философии.

Причем данный тезис не следует понимать в том смысле, что наше мышление порождает наше существование. Речь идет только о том, что факт собственного мышления для нас более несомненен и достоверен, чем факт собственного существования. Мы скорее знаем о том, что мыслим, а не о том, что существуем. Да и о самом своем существовании мы знаем только благодаря тому, что у нас есть мышление. Кошка, например, тоже существует, но знает ли она об этом? Скорее всего, нет. Человек – единственное существо в мире, которое благодаря наличию разума может сказать себе: «Я есть». Животные, не обладающие мышлением, знают ли о жизни и о смерти, понимают ли, что существуют? Таким образом, мышление – это реальность более осязаемая и безусловная, чем любая другая и является первичной. Вообще ведь для нас реально и действительно существует только то, что мы знаем, о чем имеем понятие или представление, то, что мыслим. Если даже что-то и существует само по себе, но мы не знаем о его наличии, тогда нам совершенно неважно, что оно есть – ведь для нас его вовсе нет. Так, например, если мы знаем о существовании в океане некоего острова, то его наличие не вызывает сомнений – он действительно есть. Но если он, допустим, существует, а мы не знаем об этом, но, напротив, думаем, что его нет, тогда существует ли он для нас? Конечно же, нет. И точно так же, как из факта мышления мы заключаем о собственном существовании, можно из наших представлений и понятий о вещах, из мыслей о предметах делать выводы о существовании самих вещей и предметов. То есть из мышления выводится не только наше существование, но и наличие внешнего мира.

Итак, мышление – первая, несомненная и достоверная реальность, с которой мы имеем дело. Оно автономно, самодостаточно и потому имеет собственную жизнь. Может ли оно тогда быть ничем или являться пустым? Не может. Оно наполнено врожденными идеями, то есть знанием, которое изначально (с самого момента рождения) присутствует в нашем уме и не зависит, следовательно, ни от внешнего мира, ни от жизненного опыта. Вспомним, что первым в истории философии определенно говорил о врожденном знании Платон. Теория Декарта отчасти похожа на платоновское

учение, но в последнем изначальные представления в человеческом уме обусловлены высшим, но забытым знанием идеальной души, которая до рождения тела пребывала в совершенном мире истинного Бытия. Врожденные идеи в системе Декарта – это основная характеристика нашего мышления. Откуда они в нем? Заложены Богом. Они являются наиболее общими (широкими) и предельно простыми положениями, которые настолько ясно и отчетливо представляются нашему уму, что мы не можем в них усомниться. Так, например знаменитые аксиомы евклидовой геометрии – это, по Декарту, врожденные идеи ума. Их не надо доказывать, потому что они самоочевидны, то есть настолько просты, ясны и несомненны, что в них и доказывать нечего. Например, есть такая аксиома: «Если три точки лежат на одной прямой, то одна из них лежит между двумя другими». Это положение предельно общее (так как относится к любым трем точкам, лежащим на одной прямой) и в такой же степени простое и ясное, несомненное и очевидное, в силу чего и является аксиомой. Но почему оно столь ясно и отчетливо представляется нашему уму, почему оно самодостоверно и, несомненно? Потому что представляет собой врожденную идею, заложенную в наш ум самим Богом, который, говорит Декарт, не может нас обманывать. И как в геометрии из нескольких простых аксиом с достоверностью строится все грандиозное здание этой дисциплины, так и в других отраслях человеческого знания необходимо отталкиваться от аксиоматичных врожденных идей и возводить на их основе здание любой науки.

Врожденные идеи являются неотъемлемым содержанием сознания, его необходимыми атрибутами. Из них и следует вывести все возможное знание об окружающем мире. Таким образом, информацию не следует собирать по крупицам в процессе жизненной практики, надо всего лишь раскрыть, проявить или реализовать уже имеющиеся у нас доопытные представления. Они являются теми общими положениями, из которых возможно делать выводы для каждого конкретного случая. Поэтому неудивительно, что основным методом познания по Декарту должна быть дедукция, когда, как мы уже знаем, из неких широких утверждений делаются различные частные выводы. В основе такой дедукции и должны лежать врожденные идеи, и они не могут быть ложными – ведь заложены в наш ум Богом, являются сущностью нашего мышления, несомненность и достовер-

ность которого для нас очевидна. Важно только правильно употребить дедуктивный метод, соблюсти все его правила, уметь добыть из изначального знания все возможные и разнообразные конкретные положения, максимально раскрыть или развернуть его. Таким образом, по мнению Декарта верный путь познания заключается в том, чтобы вывести истины не из внешнего мира, а из мышления, и поэтому его философский метод получил название **рационализма** (от лат. ratio – ум, рассудок) и явился противоположностью бэконовскому эмпиризму.

Рационалистическая линия Декарта была продолжена в учении немецкого философа Готфрица Лейбница, который также утверждал наличие в человеческом сознании врожденных идей. Они содержатся в нем, говорил он, отнюдь не в готовом и вполне воспринимаемом виде, но представляют собой всего лишь набросок, эскиз будущего знания, подобно тому, как в глыбе мрамора просматриваются очертания будущей скульптуры, намеченные резцом ваятеля. Задача познания заключается в том, чтобы этот едва уловимый контур превратить в законченную систему знаний, полностью обнаружить скрытое во врожденных идеях содержание. Лейбниц хитро перефразировал известное положение Локка о зависимости сознания от чувственных восприятий, и получилась классическая формула рационализма: «Нет ничего в разуме, чего раньше не было бы в чувствах, – говорит Лейбниц, точно повторяя локковское утверждение, и добавляет, – кроме самого разума». Как видим, в данном случае речь идет о независимости мышления от чувственного опыта. Наше сознание автономно и живет собственной жизнью, в нем изначально содержится в неявной форме все то, что нам предстоит узнать. Поэтому приобрести знание возможно вне всякого непосредственного контакта с окружающим миром, без экспериментирования, помимо жизненной практики и независимо от опыта. Можно открыть неизвестные глубины Бытия и постичь тайны сущего, не выходя из собственного кабинета – одним лишь всепроникающим актом умозрения, то есть мышлением, духом охватить всю Вселенную и исчерпать тысячи истин, потому что так или иначе они уже представлены в нашем уме. Не следует индуктивно собирать знание по частям, надо дедуктивно вывести его из безграничных и врожденных способностей нашего сознания. В трагедии «Фауст» бакалавр запальчиво произносит такие слова:

«Все опыт, опыт! Опыт – это вздор.
Значенья духа опыт не покроет.
Все, что узнать успели до сих пор,
Искать не стоило, и знать не стоит.»...

Речь идет о том, что эмпирические знания фрагментарны, разрознены и неглубоки в сравнении с истинами, которые могут быть добыты умозрительным путем.

Рационализм, в отличие от эмпиризма, более тяготеет к философскому идеализму, потому что предполагает наличие некой духовной, нематериальной реальности, существующей вполне независимо от чувственного, физического мира. Учения Бэкона и Декарта были первыми философскими системами Нового времени, сходными в трактовке целей духовной деятельности человека, но различающимися взглядами на основной метод познания или путь реализации намеченных задач.

3 Действительность – поток ощущений (Беркли и Юм)

Оригинальными и вполне самостоятельными в философии Нового времени были учения английских мыслителей Джорджа Беркли и Дэвида Юма. Один из основных философских вопросов – о соотношении объективного и субъективного, мира и человека – решается у них достаточно самобытно. Если Бэкон выводил человеческое сознание из внешнего мира, а Декарт, наоборот, из мышления – окружающую действительность (а вернее – знания о ней), то Беркли и Юм, вообще, жестко разграничили области объективного (внешнего, физического) и субъективного (внутреннего, духовного) и фактически сняли вопрос об их соотношении и взаимодействии.

Мы уже неоднократно говорили о том, что наши представления о существовании окружающего мира присутствуют в сознании благодаря тому, что мы видим, слышим, осязаем, обоняем и т.д. Если у человека с рождения не работал бы ни один орган чувств, его сознание было бы абсолютно пустым или темным, в нем не могло бы возникнуть ни одного образа. Чувства – это те каналы, по которым к нам поступает информация о наличии вовне некой реальности. Но где гарантия того, что они совершенно точно воспроизводят действительность и предоставляют нам достоверное

знание о ней? А если чувства искажают окружающий мир, обманывают нас, и в результате мы видим не совсем то или совсем не то, что существует на самом деле. Вспомним, что еще греческий софист Протагор говорил, что человек – это мера всех вещей, то есть утверждал о несуществовании общезначимого и для всех одинакового: как кому кажется, то для каждого и есть истина. Иначе говоря – мы не знаем, каков мир сам по себе, но знаем то, как каждый из нас его воспринимает или видит, не ведая объективной картины вещей, каждый имеет свое собственное представление о реальности. Последний и самый известный греческий скептик Секст Эмпирик уделил этой проблеме также немало внимания. У всех живых существ, говорил он, по-разному устроены органы чувств, поэтому неудивительно, что картина мира у каждого существа какая-либо своя и значительно отличается от восприятий других. Так, например, представим себе, что перед нами – комнатное растение. Наблюдая этот предмет, мы скажем, какой он величины и формы, каков его цвет и запах, гладкие или жесткие у него листья, сухой он или влажный и т.п. Таким образом, в нашем сознании сложилось определенное представление о нем. А теперь вообразим, что по данному растению ползает, скажем, муравей и тоже воспринимает его своими органами чувств, которые у него устроены совершенно иначе, нежели наши. Так вот его впечатление о данном предмете будет ли таким же, как и у нас? Скорее всего, оно будет совершенно другим. Стало быть, известно, какую картину действительности рисуют каждому живому существу его органы чувств, но мы ничего не можем сказать о том, каков мир на самом деле. Но если даже, продолжает Секст Эмпирик, не сравнивать восприятия человека и всех других живых существ, а остановиться на чувственном опыте только людей, то и в этом случае нам не откроется объективная картина вещей. Ведь органы чувств у всех устроены неодинаково: один лучше видит, другой – слышит, третий – обоняет, а, значит, и картина мира у каждого из нас будет отличаться от впечатлений любого другого. Так, например, человек, лишенный зрения и слуха, будет считать, что нет вообще ничего видимого и слышимого, нет цветов и звуков, а есть только осязаемое, обоняемое и вкусовое. А насколько отличается мир, видимый человеком со стопроцентным зрением от восприятия близорукого: стоит последнему надеть очки, как все вокруг него преобразуется и становится

совершенно иным. Следовательно, мы можем сказать, какой нам кажется действительность в зависимости от наших чувственных данных, но ничего не знаем о том, какова она сама по себе. И, наконец, греческий скептик предлагает нам следующий замечательный пример. Представим себе, что перед нами – яблоко. Оно желтое (зрительное впечатление), гладкое (для осязания), благоуханное (восприятие обоняния), сладкое (на вкус) и хрустящее (для слуха). У нас пять органов чувств (так мы устроены) и поэтому нам кажется, что у наблюдаемого предмета пять вышеперечисленных качеств. Но если бы у яблока было не пять качеств, а, скажем, десять, то тогда сколько бы качеств мы воспринимали? Все равно пять, потому что у нас нет тех органов чувств, которыми мы могли бы воспринять оставшиеся качества. А если бы у яблока было только одно качество, то сколько мы в данном случае воспринимали бы качеств? Все равно пять, потому что каждый орган чувств это одно качество преподносил бы нам по-своему. И даже если бы у яблока вообще не было никаких качеств, то мы воспринимали бы их ровно пять, так как каждый действующий орган чувств рисовал бы нам некую определенную реальность. Значит, мы вообще не в состоянии сказать, каков предмет на самом деле и что собой представляет, но можем знать только, каким он нам кажется в зависимости от устройства наших чувств. Мы видим мир не таким, какой он сам по себе, но всегда – только таким, каким должны и единственно можем его увидеть в силу своей чувственной организации. Философская традиция, начинающаяся с Протагора и проходящая через учение греческих скептиков, называется субъективизмом (объективная реальность недоступна, но вполне известно, какой она представляется (кажется) познающему человеку – субъекту).

Беркли и Юм были последователями и продолжателями в новой философии этого направления и говорили, что когда мы воспринимаем какой-либо предмет, то в любом случае имеем его зрительный образ, слуховой, осязательный и т.д. Мы узнаем о наличии предмета через наши ощущения или чувства. Поэтому правильнее говорить, что перед нами – не предмет, а сумма наших ощущений или чувственных его восприятий. Ведь вне и помимо чувств мы не могли бы вообще ничего воспринимать. Мы имеем дело не с действительностью, а с нашими ощущениями этой действительности, которые для нас и являются настоящей, безусловной и пер-

вичной реальностью, то есть самой действительностью. Что стоит за ними, неизвестно. Какой реальный мир за ними скрывается, мы никогда не узнаем, потому что не в состоянии выйти за пределы из наших ощущений, воспринять существующее без них и помимо них. А в том, что они не представляют нам истинной картины вещей, сильно искажают действительность, обманывают нас, мы вполне убедились. То, что мы ощущаем и то, что есть на самом деле – далеко не одно и то же, но нам доступно только ощущаемое. Поэтому вполне можно утверждать, что действительность – это совокупность наших ощущений. Предметом философии, значит, должен быть поток впечатлений, сумма восприятий, чувственный опыт, а вопрос о том, каков подлинный мир, совершенно бессмыслен, так как мы абсолютно отрезаны от него своей субъективной реальностью (суммой ощущений). Более того, не имеет смысла даже вопрос о самом существовании объективного мира: не все ли нам равно, что стоит за нашими впечатлениями и стоит ли вообще что-либо, если единственно возможная для нас действительность – это мир собственных чувств и ощущений.

Однако в философии все же было и такое редкое воззрение, по которому считается, что весь мир – это именно только мои ощущения, то есть никакой реальности нет, а существую только я, все же, мной наблюдаемое вовне – это мои чувства, иллюзии, вымысли, подобные образам сновидения. Я есть, а мира нет вовсе. Такое утверждение называется **солипсизмом** (от лат. *solus* – единственный и *ipse* – я сам). Данное положение достаточно трудно обосновать и отстаивать, поскольку в пользу него аргументов фактически нет, против же – огромное количество. Ни Беркли, ни Юм не разделяли позиции солипсизма. Поэтому их субъективизм можно назвать умеренным, а солипсизм – крайним вариантом субъективизма.

Ничего говорить о настоящей реальности мы не можем и познать ее – не в состоянии. Нам всегда будут неведомы причины происходящего, связи предметов и событий и взаимодействия вещей. Мы можем не объяснить совершающееся, а всего лишь описать свой чувственный опыт, наш ум бессилён открыть невидимые механизмы сущего, но способен только констатировать кажущееся. Поэтому знать ничего, по крупному счету, невозможно. Однако мы наблюдаем вокруг себя некую последовательность вещей и стабильность происходящих событий (день сменяется ночью, а зима

– летом, булыжник непременно тонет в воде, газ горит и взрывается, любой живой организм нуждается во влаге, планеты движутся вокруг Солнца, а человеческий глаз воспринимает только освещенные предметы и т.д. и т.п.), в силу чего непроизвольно ожидаем, что в будущем они будут происходить так же, как в прошлом, что сегодня все совершится так же, как было вчера. Мы фактически бессознательно надеемся на то, что завтра Солнце взойдет на Востоке и будет новый день, что благодатная весенняя почва примет брошенные в нее семена и на исходе лета даст нам свои плоды, что у разожженного костра будет тепло и что вступивший в стадию ранней юности человек станет искать любви... Из нашего непроизвольного ожидания вырастает привычка к устойчивому порядку вещей, из привычки же рождается вера в этот порядок. В данном случае понятие «вера» трактуется предельно широко: речь идет не о веровании в потусторонние, сверхъестественные, высшие силы, но о вере во все происходящее вокруг нас. Поскольку мы ничего не можем знать о мире, нам ничего не остается, как верить в него. Мы верим, что весной должны разлиться реки, что всякий родившийся человек растет и взрослеет, что за год Земля непременно обернется один раз вокруг Солнца, и что на ясном ночном небосводе обязательно будут видны мириады далеких звезд. Эта всеохватывающая вера и есть главная характеристика нашего существования. Дэвид Юм назвал ее «естественной религией», то есть – верой в существующее, в наличное и повседневно нас окружающее Бытие. В состоянии этой веры все мы и живем на земле, некоторые, правда, говорят о том, что могут что-то достоверно знать и пытаются постичь некие истины сущего, однако, все их усилия совершенно напрасны.

А философия вовсе и не должна открывать причины происходящего и проникать в его глубины и тайны, так как она все равно не сможет этого сделать. Ее задача гораздо скромнее: она должна быть практическим руководством в повседневной жизни, помогать человеку ориентироваться в окружающем мире, облегчать его реальное существование. Если философия спустится с небес и займется земными делами, она, тем самым, принесет немало ощутимой пользы, наполнится конкретным смыслом и вполне оправдывает свое наличие в качестве вида духовной деятельности. Такое воззрение получило название **утилитаризма** (от лат. *utilitas* – польза) или

прагматизма (от греч. прагма – дело, действие) и стало теоретической основой более поздних философских учений, ставших достаточно популярными и получивших широкое распространение в нынешнем столетии.

4 Век Просвещения

XVIII век вошел в историю под названием «века Просвещения» и в философском смысле завершил те идеи, которые появились в эпоху Возрождения и развивались далее в XVII веке. Просвещение было общеевропейским явлением, но более всего оно развернулось во Франции. Знаменитыми французскими просветителями были Вольтер, Монтескье, Руссо, Кондильяк, Ламетри, Дидро, Гольбах и другие. Каждый из них написал немалое количество сочинений и изложил свои воззрения по различным философским вопросам. Не рассматривая взглядов каждого представителя французского Просвещения, выделим наиболее общие и существенные черты их идейного наследия.

Для всех просветителей была характерна секулярность мышления и каждый так или иначе выступил с критикой теистической христианской религии как мировоззрения. Большинство из них разделяли точку зрения деизма, в котором Богу отводится всего лишь роль первотолчка, исходной причины мироздания (он создал мир, но после этого его нигде, никак и никогда нет). Деизму понятие о Боге требуется только для объяснения происхождения мира и больше – ни для чего. Некоторые просветители разделяли атеистические воззрения. В любом случае, для всех философов Просвещения центральной реальностью и главным объектом изучения был физический мир или природа, которую, как они считали, можно понять и объяснить из нее самой, то есть найти естественные причины всего существующего и происходящего и не прибегать к понятиям о потустороннем, таинственном и неведомом. Эта характерная черта их мировоззрения называется **натурализмом** (от лат. natura – природа). Самым же совершенным существом природы является, по их мнению, человек. Эта особенность, как мы уже знаем, представляет собой антропоцентризм. Человек же вполне способен постичь окружающий мир, думали просветители, и поставить его себе на службу. У познания нет границ и препон: тайны Вселенной должны от-

крыться перед могуществом человеческого интеллекта. Как видим, просветительская философия отличалась гносеологическим оптимизмом и рационализмом, ее представители безгранично верили в совершенство Разума, всемогущество Науки и безусловность Прогресса. Последние три понятия и стоящие за ними реалии они почти обожествляли. Кроме того, просветители одной из своих основных задач считали повсеместное распространение и популяризацию главных идей новой философии, то есть, в буквальном смысле, стремились к просвещению широких масс населения, в силу чего их культурная деятельность и вошла в историю под названием Просвещения.

Однако центральная их мысль заключалась в следующем. Отчего люди живут плохо, спрашивали эти философы. Почему в человеческой истории невозможно найти хотя бы десяток, безусловно, счастливых лет, когда все процветало бы и вовсе не было вражды, насилия и несправедливости? Все несчастья происходят оттого, утверждали они, что люди просто не знают, как жить хорошо и поэтому живут плохо. Значит, для того, чтобы исправить общественную жизнь надо всего лишь показать всем, как следует жить хорошо, просветить человеческое сознание, наполнить умы людей добрыми идеями, и реальная жизнь тогда также станет добродетельной, справедливой и счастливой. Измените сознание, говорили они, и вслед за этим изменится сама реальность. Главная движущая сила прогресса и избавление от всех социальных бед усматривалось в просвещении, в силу чего само это понятие и приобрело значительный смысл и заняло центральное место в духовной культуре XVIII века.

Идеи, распространенные в умах, полагали просветители, делают общественную жизнь счастливой или несчастной, движут историю человечества. Это воззрение противостояло древнему и средневековому взгляду на исторические процессы, который является теологическим или богословским: считалось, что главной, единственной и скрытой причиной всего происходящего в истории является воля Бога, его замыслы и планы, а все люди – от раба до императора – всего лишь орудия для их осуществления. Теперь же на место божественных замыслов ставилось человеческое разумение: исторические события совершаются в силу тех или иных идей, поэтому новое понимание истории получило название идеалистического (не путать с идеализмом философским, по которому весь физический, матери-

альный, видимый мир есть проявление или воплощение некоего духовного, идеального, невидимого начала). Отныне считалось, что историю творит не Бог, но сами люди, однако делают это исходя из собственного произвола, ориентируясь на свои желания и мысли, совершают исторические события так, как хотят, и поэтому последние есть результат их вполне сознательной и целенаправленной деятельности. А поскольку большим влиянием и властью пользуются монархи, полководцы, дипломаты и другие значительные люди, значит именно их желания и планы более всего влияют на ход общественной жизни, а история превращается поэтому в совокупность биографий выдающихся личностей. Более того, при таком понимании происходящих событий получается, что они, по крупному счету, случайны: ведь стоило бы не родиться тому или иному значительному историческому деятелю, и все могло бы быть совершенно иначе; или если бы некая мысль когда-либо не посетила чей-то выдающийся ум, то человечество ныне могло бы оказаться совсем не там, где находится. Историю делают великие по собственному произволу и на свое усмотрение. Блестящую критику такого понимания исторических процессов дал Л.Н. Толстой в эпилоге романа «Война и мир», где он говорит о том, что в Новое время историки отказались от теологических объяснений, но предложили не менее наивные, и уж наверняка более смешные интерпретации: «... новая история не может отвечать таким образом [то есть теологически]. Наука не признает воззрения древних на непосредственное участие божества в делах человечества, и потому она должна дать другие ответы». Далее Толстой предлагает прекрасный памфлет на это новое (идеалистическое) понимание истории, показывая, как оно пытается объяснить события Великой Французской революции и последовавших за ней наполеоновских войн.

«Новая история, отвечая на эти вопросы, говорит: вы хотите знать, что значит это движение, отчего оно произошло и какая сила произвела эти события? Слушайте: «Людовик XIV был очень гордый и самонадеянный человек; у него были такие-то любовницы и такие-то министры, и он дурно управлял Францией. Наследники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Францией. И у них были такие-то любимцы и такие-то любовницы. Притом некоторые люди писали в это время книжки. В конце 18-го столетия в Париже собралось десятка два людей, которые ста-

ли говорить о том, что все люди равны и свободны. От этого во всей Франции люди стали резать и топить друг друга. Люди эти убили короля и еще многих. В это же время во Франции был гениальный человек – Наполеон. Он везде всех побеждал, то есть убивал много людей, потому что он был очень гениален. И он поехал убивать для чего-то африканцев, и так хорошо их убивал и был такой хитрый и умный, что, приехав во Францию, велел всем себе повиноваться. И все повиновались ему. Сделавшись императором, он опять пошел убивать народ в Италии, Австрии и Пруссии. И там много убил. В России же был император Александр, который решил восстановить порядок в Европе и потому воевал с Наполеоном. Но в 7-м году он вдруг подружился с ним, а в 11-м опять поссорился, и опять они стали убивать много народа. И Наполеон привел шестьсот тысяч человек в Россию и завоевал Москву; а потом он вдруг убежал из Москвы, и тогда император Александр, с помощью советов Штейна и других, соединил Европу для ополчения против нарушителя ее спокойствия. Все союзники Наполеона сделались вдруг его врагами; и это ополчение пошло против собравшего новые силы Наполеона. Союзники победили Наполеона, вступили в Париж, заставили Наполеона отречься от престола и сослали его на остров Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уважение, несмотря на то, что пять лет тому назад и год после этого все его считали разбойником вне закона. А царствовать стал Людовик XVIII, над которым до тех пор и французы и союзники только смеялись. Наполеон же, проливая слезы перед старой гвардией, отрекся от престола и поехал в изгнание. Потом искусные государственные люди и дипломаты (в особенности Талейран, успевший сесть прежде другого на известное кресло и тем увеличивший границы Франции) разговаривали в Вене и этим разговором делали народы счастливыми или несчастливыми. Вдруг дипломаты и монархи чуть было не поссорились; они уже готовы были опять велеть своим войскам убивать друг друга; но в это время Наполеон с батальоном приехал во Францию, и французы, ненавидевшие его, тотчас же все ему покорились. Но союзные монархи за это рассердились и пошли опять воевать с французами. И гениального Наполеона победили и повезли на остров Елены, вдруг признав его разбойником. И там изгнанник, разлученный с милыми сердцу и с любимой им Францией, умирал на скале медленной смер-

тью и передал свои великие деяния потомству. А в Европе произошла реакция, и все государи стали опять обижать свои народы».

Эти остроумные строки русского писателя и по сей день звучат достаточно актуально, потому что такого рода объяснения исторических событий встречаются и теперь весьма часто и мы, во многом непроизвольно, склонны, пожалуй, преувеличивать роль личности в истории. По крайней мере вполне очевидно, что суждения типа «Наполеон завоевал Европу», «Гитлер развязал войну», «Ленин устроил революцию», «Горбачев затеял перестройку» и многие другие им подобные являются очень далекими от истинного положения дел минувших и нынешних. Мы, конечно же, не утверждаем, будто бы личность в истории равным счетом ничего не значит. Наоборот, невозможно не признать, что ее роль в исторических процессах значительна. Мы только хотим подчеркнуть, что вряд ли возможно считать историю только результатом произвола выдающихся личностей; сомнительно, чтобы они делали ее исключительно по своей воле и на свое усмотрение; несправедливо рассматривать историю как совокупность биографий монархов, полководцев, дипломатов, президентов и их тайных и явных фаворитов и советчиков.

Просвещение не было однородным философским явлением. Как мы уже говорили, просветители в своем подавляющем большинстве выступали с апологией разума, науки и прогресса, считали одной из основных задач человека покорение природы и увеличение его могущества. Однако один из известных французских философов-просветителей выдвинул противоположные идеи. Это был Жан Жак Руссо, который в своих философских рассуждениях резко противопоставил природное (все естественное, не созданное человеком) и культурное (все искусственное, созданное человеком) и выступил с негативной оценкой второго.

Между естественной и гармоничной жизнью чувства и искусственностью и односторонностью рассудочного мышления, говорит Руссо, существует неразрешимое противоречие. Чувство – это первичная форма духовной деятельности, которая появляется в историческом пути человечества и в индивидуальном развитии каждого человека гораздо раньше, чем разум, и обуславливает пусть инстинктивные и несознаваемые, но в то же время в высшей степени целесообразные движения и действия, делает че-

ловека единым со всем мирозданием, а также – внутренне целостным и потому счастливым. Развитие разума и цивилизации, с точки зрения Руссо, разрушило в человеке первоначальную гармонию, нарушило правильное отношение между потребностями и способностями, ослабило естественную мощь человека. Главная причина человеческих страданий – это разорванность, раздвоенность человека, порожденная выпадением его из первоначального естественного (природного) и гармоничного состояния и превращением его в разумное, цивилизованное, социальное существо. В этом своем состоянии человек раздваивается между своими возможностями и желаниями, долгом и склонностями, природной организацией и социальными учреждениями и т.д. и т.п., то есть, говоря иначе, не принадлежит самому себе. «Сделайте человека вновь единым, – говорит Руссо, – и вы сделаете его таким счастливым, каким он только может быть».

«Все выходит прекрасным из рук Творца, все вырождается в руках человека», – это один из вечных философских сюжетов, который по-разному проявлялся в различные эпохи. Вспомним, о совершенстве природы и несовершенстве человека как социального существа, говорили и китайские даосы, и греческие киники, один из которых – Диоген – жил в бочке и призывал людей вернуться назад к природе, ибо движение вперед, по его мнению, – это путь не в светлое будущее, а в бездну самоуничтожения. На вопрос Александра Македонского, что он может сделать для него, Диоген ответил: «Отойди и не загораживай мне Солнца». Что он хотел этим сказать? По всей видимости – следующее: «Ты воображаешь себя сейчас властелином мира, юный Александр, перед тобой трепещут народы и царства, ты прольешь реки крови и натворишь много дел, создав необъятную империю. Но пройдет время, и твое могучее царство рухнет, и все, с таким трудом тобой создаваемое, пойдет прахом, и от дел твоих ничего не останется, равно как и от тебя самого, твоего величия и славы. И после тебя по Земле пройдут еще тысячи таких же тщеславных александров, которые так же превратятся в прах и тлен, а безмолвное яркое Солнце будет так же неспешно ходить по лазурному небосводу, освещая и согревая всех, как и миллионы лет до тебя, Александр, и миллионы – после. Что ты по сравнению с вечностью мира? Не бесконечно ли смешны и жалки твои честолюбивые планы и наивное сознание собственного иллюзорного величия?»

Неужели суетным, вздорным и мимолетным делам человеческим должны посвящать мы свои взоры и помыслы, а не вечной красоте и гармонии необъятного мироздания, простому естеству природы и человека? Так отойди же, ничтожный царь Македонский и не мешай мне смотреть на бескрайнее чистое небо и великое Солнце».

Идеи даосов, киников и Руссо о совершенстве природы и несовершенстве общества, о разрушительной силе цивилизации разделял русский писатель и философ Л. Н. Толстой. Вспомним, в романе «Война и мир» есть знаменитая сцена, почти полностью по смыслу совпадающая со встречей Диогена и Александра. Раненый князь Андрей лежит на поле Аустерлица. Он шел на войну 1805 года, завидуя славе и величию Наполеона и тайно мечтал так же прославиться. Он бросился вперед со знаменем в руках, увлекая за собой солдат и был сражен, лежал на поле и видел над собой бездонное небо, вечное и безмолвное, под которым люди от века убивали и предавали друг друга, отчаянно стремились к богатству и славе, напрягались, суетились и сменяли друг друга поколение за поколением; тщетные помыслы и дела человеческие быстро проходили и навсегда исчезали, а это бескрайнее небо всегда оставалось. Около раненого Андрея оказался Наполеон, объезжавший поле битвы, и, указывая на него, сказал: «Вот прекрасная смерть». Болконский смотрел на Наполеона, своего недавнего кумира, и понимал насколько смешон и жалок этот маленький тщеславный человек, мнящий себя сейчас властелином мира, насколько он ничтожен со всеми своими планами и делами перед глубиной и вечностью бескрайнего неба: ведь скоро ни от самого Наполеона, ни от его свершений ничего не останется, по Земле пройдут и сгинут неведомо куда еще тысячи таких же честолюбивых наполеонов, а это великое небо останется и будет так же молчаливо смотреть на людскую суету, как смотрело тысячи лет назад. Так не есть ли, думал князь Андрей, естественная жизнь человека и природы нечто неизмеримо более совершенное и истинное, чем суетная жизнь социального организма, гордо называющего себя цивилизацией?

Все эти идеи, противопоставляющие природное и социокультурное и резко критикующие второе не казались особенно серьезными и не имели широкого распространения ни на заре человеческой истории, ни в Новое время. Китайские даосы были довольно немногочисленным и во многом

изолированным философским сообществом, над греческими киниками их сограждане и современники по преимуществу смеялись, Руссо был единственным известным представителем французского Просвещения, который выступил против апологии разума, науки, прогресса и вообще культуры, антицивилизационные идеи Л. Н. Толстого вызывали удивление и раздражение у многих его современников. Однако ситуация значительно изменилась к настоящему времени. Пессимистических прогнозов будущего, которое ожидает человеческое общество, становится все больше. И это неудивительно, ведь мы – люди рубежа тысячелетий – можем уже по-настоящему заглянуть за край той бездны, на котором стоим, приведенные туда пресловутым прогрессом цивилизации.

5 Выяснить возможности разума (Кант)

Во второй половине XVIII–первой половине XIX века в Германии было несколько живших в разное время выдающихся мыслителей, создавших грандиозные философские учения. Их интеллектуальная деятельность вошла в историю под названием немецкой классической философии. Ее родоначальником был Иммануил Кант.

Исходным пунктом его воззрений является утверждение о том, что прежде чем познавать мир, надо выяснить можем ли мы его в принципе познать. Если да, то насколько. Необходимо установить возможности нашего познания, его границы. Главное познавательное орудие – это разум, стало быть прежде всего необходимо выяснить способности и возможности нашего разума. Всестороннее исследование их Кант назвал его критикой, а философия, по его мнению, должна быть не постижением внешнего мира, а критикой разума, то есть изучением его устройства, специфики и законов. Немецкий философ говорил, что к такому выводу его подтолкнуло учение Дэвида Юма, который «разбудил его от догматического сна». Вспомним утверждение последнего о том, что мир неизбежно скрыт от нас и поэтому знание возможно не о нем, а о своих собственных состояниях (ощущениях, чувствах, мыслях и т.п.) или что предметом философии может быть вполне доступная нам субъективная (внутренняя, психическая, духовная) реальность, но ни в коем случае – не объективная (внешняя). Так же полагал и

Кант: откуда нам знать каков мир, если мы имеем дело не с ним самим, а с его отражением в нашем сознании, в силу чего последнее может и должно быть главным объектом философского внимания.

То, что существует само по себе, он назвал **ноуменом** или «вещью в себе», которая непознаваема, то же, что видим мы, то, как реально существующее представляется нам, он обозначил **феноменом** или «вещью для нас». Главный вопрос заключается в том, насколько соответствует первое второму, или в какой мере феномены могут предоставить нам информацию о ноуменах. Кант утверждал: две эти области жестко разграничены, видимое нами – совсем не то же самое, что действительно есть. В нашем уме содержатся некие врожденные или **априорные** (доопытные) формы сознания, под которые мы как бы подгоняем окружающий мир, втискиваем его в них и он существует в нашем представлении совсем не в том виде, каков он на самом деле, а в том, каким он только и может быть в этих априорных формах. Вспомним учение Секста Эмпирика: каждое живое существо устроено неким определенным образом и поэтому оно воспринимает действительность не такой, какая она сама по себе, но всегда видит только то, что может и должно увидеть в силу этого своего устройства. У человека, говорит Кант, тоже по-особенному устроены органы чувств и разум, и мы воспринимаем окружающий мир именно таким, каким он должен быть по нашим представлениям, то есть не сознание соотносится с реальными вещами, познавая их, а наоборот, вещи – с формами сознания. Иначе говоря, мы наделяем мир своими изначальными, врожденными, доопытными формами, схемами, структурами и постигаем в действительности то, что сами же в нее вкладываем. Например, мы считаем, что реально существует время. Но давайте задумаемся в это понятие – оно ведь существует только в человеческом уме, являясь специфическим термином, которого нет ни у какого другого живого существа. А если бы не было вовсе на земле человека, то кто тогда говорил бы о времени, ведь в этом случае данного понятия нигде, никак и никогда не могло бы быть. Что же тогда такое «время»: реальность или же – наш способ восприятия реальности? Но ведь то же самое можно сказать и обо всем остальном. Мысленно проведем такую процедуру – устраним человека из мира, представим себе реальность без него. Чем тогда будет мир? Неужели таким же, как и сейчас? Но кто тогда

назовет один предмет – деревом, другой – животным, а третий – рекой, кто тогда скажет, что гора выше, чем растение, что весенняя листва зеленая, что птицы летают и т.п.? Ведь нет существа, которое могло бы выработать все эти понятия и увидеть действительность через их призму. Мы просто настолько привыкли к своему представлению о мире, что считаем его самым миром, наше субъективное восприятие реальности так прочно к ней приклеилось, что мы уже давно не замечаем, что эта реальность совсем не такова, какой мы ее мним. Вспомним всем хорошо знакомую с детства операцию: какое-либо простое слово (например, «кастрюля») надо повторить 30–50 раз, при этом постоянно вдумываясь в его значение. Через несколько десятков повторений это слово потеряет для нас свой смысл, превратится в абсурдный набор звуков, и мы с удивлением спросим себя, почему данная вещь называется именно таким «странным» термином, а не другим. Мы привыкли к тому, что один предмет называется «кошкой», другой – «планетой», а третий – «цветком» и совершенно не задумываемся о связи названия с самим предметом, никогда не спрашиваем себя, почему дерево – это «дерево». Точно так же мы не задумываемся о связи наших представлений о мире с самим миром (хотя на самом деле связи-то никакой нет) и не спрашиваем себя, такая ли на самом деле действительность, какой мы ее видим (несколько не подозревая, что она совершенно иная).

Но если нам ничего неизвестно о мире, то как в нем ориентироваться и, вообще, жить. Надо выяснить, есть ли (или может ли быть) что-либо общее и безусловное для всех людей, некое представление или убеждение, или знание, в котором бы никто вообще не мог сомневаться. Таким принципом является понятие добра, которое неизменно представлено в сознании любого нормального (не больного психически) человека. Каждый из нас прекрасно знает, что хорошо, а что плохо, что делать можно и чего нельзя, и считает добро, как и зло чем-то реально существующим, а не просто человеческой выдумкой. Предположим, что вам предложили убить человека, гарантировав отсутствие всякого юридического наказания, а также привели убедительные аргументы в пользу того, что добро и зло – это вздор и всего лишь вымысел ума, что в действительности их нет и поэтому каждый волен делать абсолютно все. Вам доказали, что убить **можно**, станете ли вы убивать? Конечно же, нет. Но почему? Потому что, что-то вас удерживает от

этого, вы, несмотря ни на какие аргументы, видите, что этого делать **нельзя**, что это **зло** и **преступление**. Вам не требуется никаких доказательств, так как вы это знаете наверняка, а точнее – не знаете, а верите в это полностью и безусловно. Такая вера и является врожденной идеей добра, которая прочно встроена в наше сознание, является его неотъемлемой частью и удерживает нас от непозволительных поступков. Ведь если бы мы искренне считали добро произвольной выдумкой, то творили бы все подряд.

Значит, мы однозначно верим в то, что добро существует само по себе, в качестве некой реальности. Откуда в нашем уме эта идея? Оттуда же, откуда Солнце в небе, сердце в груди, крылья у птицы. Что следует из нее? Ведь если добро, как мы полагаем, существует на самом деле, значит должен быть какой-то вечный его источник или некий незыблемый гарант, которым может быть только Бог. Иначе говоря, если мы неизбежно верим в наличие добра в действительности, то вследствие этого мы также обязательно верим в Бога, как в неременную причину этого добра. Такое рассуждение является знаменитым кантовским доказательством существования Бога, который чаще всего называют нравственным аргументом. Он будет четвертым по счету после трех, рассмотренных нами в главе о средневековой философии. Кант говорит, что ни доказать, ни опровергнуть неким логическим путем существование Бога невозможно. Поэтому его мысль только условно можно назвать аргументом, ведь в ней Бог выводится из нравственности. Захочется ли нам, спрашивает немецкий философ, жить в мире, который устроен по законам зла, где торжествуют злодеи и страдают невинные, где процветает только ложь и подлость, насилие и жестокость, где преступление почитается добродетелью и возможна одна несправедливость, где творятся самые жуткие и немыслимые вещи? Конечно же, не захочется. Мы произвольно считаем, что мир, в котором мы живем, не таков, что в нем есть и правда, и справедливость, и добро, и порядок. И поскольку мы так твердо убеждены в этом, то обязательно должны признать существование Бога как гарантии действительности и незыблемости всего вышеперечисленного. Такое предположение абсолютно необходимо, так как без него наше существование совершенно немыслимо. Таким образом, если бы Бога и не было, то мы все равно не могли бы в него не верить, а значит, его следовало бы создать или – если Бога и нет, то он все равно

есть. Вот так парадоксально, но в то же время вполне убедительно звучит кантовский аргумент.

Его можно было бы сформулировать и иначе. Представьте себе, что один человек строит свое благополучие за счет другого. Знакомая ситуация? Наверное, каждый из нас с ней сталкивался. Удивляет нас такая ситуация? Нисколько не удивляет, ведь вполне естественно для человека думать о личной выгоде, улучшать свою жизнь, следовать инстинкту самосохранения и проявлять эгоизм. Так существует вся природа: одно растение устремляется к Солнцу и забивает собой другое, лев в пустыне пожирает антилопу и т.д. и т.п. Жить по закону личной выгоды и эгоизма – значит жить по закону природы, и когда человек так живет, то в этом нет ничего удивительного, потому что таким образом он проявляет себя как природное, естественное существо. Однако иногда (пусть очень редко, но все же!) человек поступает не по, а вопреки законам природы, поступает не естественно, а сверхъестественно. Например бросается в ледяную воду и спасает тонущего, хотя сам может утонуть или делится последним куском хлеба с нуждающимся, хотя прекрасно знает, что сам будет завтра голодать. Откуда в человеке такие действия и порывы? Ни из каких законов природы они не следуют и никак с ними не связаны. А если они не от природы, значит от Бога, ведь больше предположить нечего. Если человек поступает порой естественно, «поедая» например своего ближнего, следовательно есть природа, которая порождает такие действия, а если порой он поступает сверхъестественно, например рискуя собственной жизнью спасает ближнего, значит есть Бог, от которого исходят такие проявления человека. И вообще все благородное, честное, доброе, бескорыстное и жертвенное в нас говорит о том, что помимо естественного мира есть также мир сверхъестественный, помимо природы есть Бог. Ведь если бы его не было, то не было бы и человека. Когда последний живет по закону личной выгоды и эгоизма, он очень недалеко стоит от природы и поэтому является не столько человеком, сколько суперобезьяной. Почему супер? Потому что более хитер, умен, ловок, чем просто обезьяна, потому что лучше знает, где достать пищу. А когда же человек из суперобезьяны превращается в собственно человека? Тогда, когда становится выше законов природы, освобождается от них, когда способен рискуя собой спасти другого, когда способен поступить по чести и справедливости, даже ес-

ли пострадает от этого, когда неспособен совершить подлость, если даже она принесет ему немалую выгоду.

Обратите внимание, есть тысячи оправданий и мотивов для наших плохих поступков: я был слаб, ленив, струсил, все так делают, а мне нельзя что ли. Только нет никаких мотивов для поступков хороших. Ты почему, рискуя жизнью спас тонущего, почему бросился один против десяти хулиганов, приставших к девушке, почему сказал правду, когда все вокруг молчали и боялись? На все эти «почему» нет ответов. Да не почему, а просто по совести! Когда не почему, тогда – по совести, которая и есть показатель человеческого в человеке. Ее полное отсутствие даже при блестящей внешности, выдающемся уме и высоком социальном положении говорит о том, что перед нами не человек, а всего лишь суперобезьяна.

Человек совестливый является человеком в полном смысле этого слова. Он способен совершать добрые дела просто так, безо всякой личной выгоды. Такие поступки Кант называет моральными (т.е. по-настоящему добрыми). Если же человек делает что-то хорошее в надежде на какую-то выгоду (например, спасая тонущего, я знаю, что он очень богат и щедро меня отблагодарит), то его поступок обесценивается и добрым в полной мере не является. Такие поступки Кант называет легальными. Как видим, кантовская философия посвящена не только проблемам познания, но и в не меньшей мере проблемам морали. В этой части своего учения он сформулировал знаменитый категорический императив – простое и однозначное правило, соблюдение которого и является главным мерилем нравственности, делает человека по-настоящему человеком. В его формулировке оно звучит следующим образом: «Поступай всегда так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства». Говоря иначе, живи всегда по совести, не придумывай себе никаких оправданий, когда ты ей изменяешь, умей быть сполен виноватым и искренне раскаиваться в своих плохих поступках, будь ответственным за все, что думаешь и делаешь, будь, проще говоря, человеком, а не суперобезьяной. Категорический императив можно было бы сформулировать и так: совершай по преимуществу моральные, а не легальные поступки, потому что именно они действительно прекрасны. И правда, что может быть более удивительным в нас, чем голос совести, который как мы уже говорили, ставит человека

выше законов Вселенной, делает его свободным от них? Голос совести или, выражаясь по-кантовски, моральный закон в душе – это самое прекрасное, что есть в человеке. Этот закон как внутренняя красота и совершенство человека заставляет нас трепетать и восхищаться не в меньшей степени, чем видимая физическая гармония и великолепие мироздания. Две вещи, говорит Кант, всегда завораживали и потрясали меня: это звездное небо над головой и моральный закон в душе.

6 Мироздание – застывшая мысль (Гегель)

Наиболее выдающейся фигурой в немецкой классической философии был Георг Гегель, система которого по своему размаху и значительности в духовной жизни Нового времени может быть сравниваема с учением Платона, составившим целую эпоху в культуре античного мира. Кроме того, как и Платон, Гегель был представителем классического идеализма, по которому физический мир есть только проявление или инобытие духовной, незримой реальности.

Основной гегелевской мыслью является положение – «все действительное разумно, все разумное действительно», которое, на первый взгляд, кажется не совсем понятным. Вдумаемся в первую часть фразы: «все действительное разумно». Речь идет о том, что окружающий нас мир (действительность) устроен необыкновенно разумно. Мы наблюдаем порядок и гармонию во всем существующем. Вспомним телеологический аргумент, который говорит как раз о целесообразности и безупречности мирового целого. Могла ли физическая природа, будучи неразумной (отсутствие духа есть свойство материи) сама по себе так правильно и разумно устроиться? Если не могла (а это очевидно), то совершенно необходимо предположить реальность некоего разума, намного более совершенного, чем человеческий, который и привел материальное в состояние целесообразности и гармонии. Из того, что все действительное разумно, неизбежно следует наличие чего-то разумного, духовного, идеального, что существует не в качестве человеческого мышления, но самостоятельно, отдельно, само по себе и является некой невидимой нами реальностью. И поскольку это разумное представляет собой не выдумку, не фантазию, не продукт нашего ума, а нечто реально

существующее, то мы говорим, что оно действительно, что оно есть (об этом и идет речь во второй части гегелевского положения: «все разумное действительно»). Таким образом, по мнению Гегеля, чувственный или физический мир создан какой-то духовной реальностью, а более точно – является ее проявлением, воплощением, реализацией в иной, материальной форме. Эта мысль, несомненно, пантеистическая: то, что мы видим вокруг себя – это совсем не то, что есть на самом деле, но – всего лишь по-иному явленная нам идеальная, невидимая, умопостигаемая действительность. Что она собой представляет, чем является: душой мироздания (подобной Брахману в индийской философии), Числом (как у Пифагора), безличным Единым (как у Ксенофана), Всеобщим законом (как гераклитовский Логос), миром идей (как у Платона), теистическим началом (как в Средние века), божественным максимумом Бытия (как у Николая Кузанского)? Гегель называет эту высшую духовную реальность Абсолютной Идеей или Мировым Разумом, а все существующее представляет как ее саморазвитие. Абсолютная Идея – это безличное пантеистическое начало, в котором сконцентрировано все вообще, и поэтому оно является Бытием, пребывающим в различных формах или проходящим в своем саморазвитии три основных этапа.

Первый из них – это существование Абсолютной Идеи в собственном лоне, когда она является самой собой, находится в исключительно идеальной сфере, в области чистого духа, совершенного мышления. Эта сфера называется у Гегеля Логикой и подобна миру платоновских идей – области высшей, запредельной и неоощущаемой. Поэтому важно отметить, что Логика в учении немецкого философа – это совсем не то же самое, что мы разумеем обычно в этом понятии: это ни в коем случае не наука, которую изучают в школе или институте, а идеальный, незримый и умопостигаемый мир, являющийся первичной и истинно сущей реальностью. На втором этапе Абсолютная Идея покидает сферу Логики и переходит в иную форму, воплощаясь в физический или материальный мир, который, таким образом, является не самостоятельной действительностью, а инобытием Абсолютной Идеи. Природа – это в чувственном или телесном виде существующий дух, или же она есть, по словам Гегеля, «застывшая мысль» (под термином «мысль» здесь понимается, конечно же, Абсолютная Идея). В этом пункте наиболее прослеживается гегелевский идеализм. Получает-

ся, что видимый нами мир – совсем не то, что есть на самом деле, он – проявление невидимой реальности, которую мы и должны усмотреть за всем физическим и чувственно воспринимаемым. Иначе говоря, нам только кажется, будто бы он существует сам по себе, на самом же деле он – иллюзия или фантом, потому что представляет собой в материальном виде воплотившееся идеальное Бытие. Представьте себе, что перед вами – чистый лист бумаги. На нем ничего нет, но в вашем сознании есть какие-то образы или представления, которые вы можете с помощью карандашей и красок перенести на бумагу, то есть – изобразить в рисунке некий свой замысел. Теперь на этом листе каждый прекрасно видит, что именно было в вашем сознании, какие образы хотели вы передать через свой рисунок, который, следовательно, есть не что иное, как в другой форме представленные мысли и чувства, инобытие или проявление вашего духа. Почему бы не предположить, что окружающая нас природа – воплощение какого-то разумного замысла, грандиозная материализовавшаяся композиция некой духовной реальности, в физических объектах выраженные понятия и мысли? В любом случае такое понимание окружающего мира не исключено, но и нет никаких гарантий, что все обстоит действительно так. Основными разделами природы как инобытия Абсолютной Идеи являются, по Гегелю, механика (пространство, время, материя, движение, всемирное тяготение), физика (небесные тела, свет, теплота, химизм и т.п.), органика (геологические реалии, растительный и животный мир). На третьем этапе саморазвития Абсолютная Идея переходит из области физического или природного в сферу опять идеальную или разумную, которая является человеческим сознанием. Теперь она существует в мышлении или – в человеческом духе. Формами ее Бытия на этом этапе являются субъективный дух (антропология, феноменология, психология), объективный дух (право, нравственность, государство) и абсолютный дух (искусство, религия, философия).

В гегелевском учении о трех стадиях саморазвития Абсолютной Идеи мы видим триаду. Существование ее в собственном лоне – это пребывание (тезис), переход в форму чувственного мира, в предметы и вещи, является отпадением ее от самой себя (антитезис), ибо она материализуется, как бы изменяет своей идеальной природе, однако новое ее воплощение в различных видах человеческого сознания (синтез) представляет собой вновь об-

ретенную ей духовность, а значит – возвращение к самой себе. С триадой мы неоднократно сталкивались раньше, она присутствует в самых различных учениях, как древних, так и современных, находит место и в идеалистических и в материалистических построениях и поэтому является то ли «врожденной идеей» человеческого ума (как сказал бы Декарт), то ли вечным философским сюжетом, а возможно – и тем и другим одновременно.

Гегель был не только создателем одного из классических вариантов идеалистической философии. В его воззрениях достигла своего апогея диалектика – философское учение (зародившееся еще в древности) о всеобщей взаимосвязи и вечном изменении и развитии всего существующего. Он сформулировал основные законы (всеобщие правила или принципы) и категории (основные понятия) диалектики, которые являются с его точки зрения универсальными, то есть пронизывают собой все Бытие. Но поскольку последнее по Гегелю – это, прежде всего Мировой Разум или Абсолютная Идея, то его диалектическое учение относится по преимуществу именно к этой духовной реальности и уже во вторую очередь – к материальному миру, который является ее инобытием. Гегелевские идеи во многом стали основой философских идей выдающихся немецких философов XIX века – Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые восприняли диалектику Гегеля, но дали ей иную, материалистическую интерпретацию.

Первый закон – единства и борьбы противоположностей – говорит, что все в мире состоит из противоположных начал (день-ночь, расцвет-упадок, созидание-разрушение и т.д. и т.п.), которые вечно борются друг с другом. Эта борьба и есть источник постоянного движения, изменения и развития. Но противоположные начала не только находятся в состоянии борьбы, они также образуют единство: без одной противоположности не может быть другой, они друг друга обуславливают, предполагают, создают (об этом законе мы уже говорили в параграфе про элеатов и Гераклита).

Второй закон – перехода количественных изменений в качественные – говорит о том, что количество и качество, будучи противоположностями, диалектически взаимосвязаны таким образом, что при изменении количества (увеличении или уменьшении) до какого-то предела (меры) происходит переход (скачок) к новому качеству. Например, воду можно нагревать до 10, 20, 30, 40, 50, 60 и т.д. градусов по Цельсию, но она все равно будет

оставаться водой; однако в некий момент прибавление всего одного градуса – $99^{\circ}\text{C}+1^{\circ}\text{C}$ (изменение количества) – приводит к резкому изменению качества – вода превращается в пар.

Третий закон – «отрицания-отрицания» – говорит о том, что любая вещь, появляясь на свет из какой-нибудь другой вещи (своей причины), занимает ее место и тем самым отрицает ее, но через какое-то время сама отрицается новой вещью, которую она порождает себе на смену. Так, например, брошенное в весеннюю землю семя превращается в растение и уступает ему место, отрицается им, а потом это растение превращается в созревшие на исходе лета плоды, в свою очередь – отрицается ими. Как видим, отрицание – это не уничтожение, а переход на новый уровень существования: старое присутствует в новом в ином, преобразованном (или снятом, выражаясь по-гегелевски, виде). По крупному счету, до Гегеля существовало два основных представления о движении: прямолинейное и циклическое. В одном случае имеет место постоянное возникновение нового (графически это можно изобразить восходящей прямой), а в другом – бесконечное повторение старого (графически изображается окружностью). Движение, в основе которого лежит закон «отрицания-отрицания», представляет собой диалектическое единство противоположных начал: и создания нового, и повторения старого, и графически может быть изображено витками спирали (старое повторяется, но каждый раз – на новом уровне). Так, например нынешняя зима – такая же, как и прошлогодняя (холодно, снежно и т.д.), но все же это именно новая, нынешняя зима, а не прошлогодняя, которая навсегда ушла в прошлое. Примеры, иллюстрирующие законы диалектики, бесконечны, потому что эти законы универсальны, то есть действуют на всех уровнях организации мира.

Важным элементом гегелевского диалектического учения являются его основные категории – наиболее общие (широкие) понятия, максимально охватывающие различные области существующего и являющиеся парными, то есть обозначающими противоположности, находящиеся в борьбе и единстве.

Одна из пар – это общее и единичное: любая вещь сочетает в себе признаки, делающие ее сходной с другими вещами и – отличной от них. Так, например любой из нас обладает чертами, присущими всем людям, челове-

ку вообще (прямохождение, членораздельная речь, мышление, социальность и т.п.), но в то же время ни один человек на Земле не похож полностью на другого, уникален и единичен. Его общая человеческая природа выражается через его единичную уникальность: каждый конкретный человек – это диалектическое единство общего и единичного. Вторая пара категорий – это причина и следствие: любая вещь имеет какую-либо причину (ведь ничто не происходит из ничего) и является ее следствием, но через какое-то время сама становится причиной для будущих следствий. Например, растение – следствие брошенного в землю зерна, но в то же время – причина будущих семян, которые в нем созреют. Таким образом, любая вещь – это диалектическое единство причины и следствия. То же самое можно сказать и о других парных категориях, таких как возможность и действительность, форма и содержание, целое и часть, сущность и явление.

Подробнее следует остановиться на парах категорий свобода – необходимость и случайность – закономерность. На первый взгляд свобода и необходимость друг друга исключают, ведь свобода – это отсутствие какого-либо внешнего принуждения, полная произвольность, а необходимость, наоборот, – наличие внешнего принуждения, непроизвольность. Однако при более пристальном взгляде на свободу и необходимость оказывается (с точки зрения и гегельянства и марксизма), что они диалектически взаимосвязаны. Приведем простой пример. Допустим два человека заблудились в лесу. Один из них, пытаясь выйти из него, движется совершенно свободно в любом произвольно выбранном направлении. Когда угодно он может изменить свой путь и идти куда заблагорассудится, будучи абсолютно свободным. Только, действуя таким образом, он вряд ли выберется из леса. Другой заблудившийся, наоборот, ориентируется по звездам и идет в некоем определенном, строго заданном направлении, никуда не отклоняясь от него. Понятно, что в этом движении он несвободен, но именно поэтому ему удастся выйти из леса и обрести свободу. Как то ни удивительно, свобода заключается в познании необходимости и ее практическом использовании. Говоря иначе, свобода – это познанная необходимость.

То же можно сказать о случайности и закономерности. На первый взгляд – это взаимоисключающие противоположности. Никто, наверное, не будет отрицать наличие в мире закономерности. Еще древние филосо-

фы говорили, что если бы ее не было, то все представляло бы собой сплошной хаос, в котором невозможно было бы разобраться: муравьи могли бы рождаться от слонов, а мыши – от крокодилов, округлость запросто могла бы быть треугольником, а Солнце – планетой и т.д. и т.п. Но если в мире присутствует упорядоченность и закономерность, то, что же тогда представляет собой случайность? И гегелевская, и марксистская диалектика утверждает, что случайность – это форма реализации закономерности, ее дополнение: закономерность пробивает себе дорогу через массу случайностей. Говоря иначе, случайность – это неопределенность в проявлении (осуществлении) закономерности по месту, времени и форме (событие неизбежно должно произойти, но неизвестно где, когда и как оно совершится). Например, французский ученый Анри Беккерель открыл явление радиоактивности случайно: урановая соль оказалась в одном шкафу с фотопластинкой. Однако не будь этой случайности, радиоактивность все равно была бы обнаружена, так как это открытие было подготовлено всем ходом развития науки, было закономерным (возможно, что оно могло бы быть сделано в другое время и в другом месте, и – не Беккерелем, но оно не могло бы вообще не быть сделанным).

7 «Нам здешний мир так много говорит» (Фейербах)

Гегель считал, что за видимым нами физическим миром стоит неосязаемая духовная реальность, которая и является подлинным или истинным существованием. Однако с не меньшим основанием можно было бы предположить, что никакой идеальной действительности нет, а есть только нас окружающее и чувственно воспринимающееся, и единственная реальность – это природный мир, что и сделал последний представитель немецкой классической философии Людвиг Фейербах. По его мнению, понятия «Бытие», «природа», «реальность» обозначают одно и то же. Можно, конечно же, при желании усмотреть за телесными объектами что угодно и нафантазировать любые неявные причины и скрытые основания (разумеется, обладающие идеальной природой) всего, что мы видим вокруг себя. Но стоит ли это делать, когда в том нет никакой надобности? Зачем сочинять еще какую-то реальность, помимо ощущаемой нами? Неужели нам

мало одной? Или, может быть, считать, что она одна – скучно и неинтересно и поэтому непременно надо предположить вторую? Или невозможно объяснить существующее одними только естественными причинами? Но в том-то все и дело, что можно, говорит Фейербах. Прежняя философия прибегала к представлениям о высшем и запредельном, потому что люди мало знали и многого не понимали, теперь же (когда мы значительно продвинулись вперед в области познания) – самое время отбросить вымыслы и объяснить мир из него самого. Натурализм и атеизм должны стать главными чертами грядущей философии, которую немецкий мыслитель называл «новой философией» или «философией будущего». Основная ее идея прекрасно может быть выражена словами Фауста у Гете:

«Я этот свет достаточно постиг.
Глупец, кто сочинит потусторонний,
Уверует, что там его двойник,
И пустится за призраком в погоню.
Стой на своих ногах, будь даровит,
Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит!
Что надо знать, то можно взять руками.
Так и живи, так к цели и шагай,
Не глядя вспять, спиною к приведеньям,
В движеньи находя свой ад и рай,
Не умаленный ни одним мгновеньем!»...

Природа или физический мир – единственно сущее, ниоткуда не взявшееся и никуда не могущее деться, бесконечное и самотождественное (равное самому себе, ни в чем не нуждающееся для своего существования и предполагающее полное отсутствие чего-либо еще, кроме себя самого). Есть только материальный мир, бескрайний в пространстве и времени, необъятно многообразный, организованный на самых различных качественных уровнях (более или менее сложные тела и организмы) и постоянно меняющийся, развивающийся, эволюционирующий. Живая природа возникла из неживой, однако, почему же теперь мы не видим, чтобы где-нибудь или когда-нибудь из неживого происходило живое и поэтому не можем это экспериментально обосновать? Отвечая на этот вопрос, Фейер-

бах говорит, что данное превращение было возможно в определенных условиях, которые имели место миллионы лет назад и отсутствуют сейчас, отчего мы и лишены возможности непосредственно наблюдать такой процесс. Точно так же разумная природа (человек) много тысячелетий назад выделилась из живой, и по тем же причинам этого не происходит сейчас. То есть утверждение о давным-давно случившемся происхождении человека от обезьяны вовсе не означает, что нынешние обезьяны непременно должны тоже превращаться в людей и нисколько не умаляется от невозможности этого сегодня. Человек, наделенный разумом, является самым совершенным созданием природы. Она же, как мы уже видели, по мнению Фейербаха есть единственная реальность. Поэтому предметом философии может и должно быть не что иное, как физический мир и человеческое сознание. «Созерцайте же природу, – восклицает он, – созерцайте человека! Здесь перед вашими глазами вы имеете мистерии философии».

Поскольку немецкий мыслитель решительно отрицал что-либо потустороннее и сверхчувственное, значительное место в его учении занимает острая критика религии. Вспомним, как греческий философ Ксенофан, рассматривая олимпийских богов, говорил, что они выдуманы людьми, так как почти ничем не отличаются от последних. По Фейербаху Бог также является человеческой фантазией. Откуда она берется? Из неудовлетворенных потребностей, нереальных стремлений и несбыточных желаний. Неудивительно, что наличная жизнь, как правило, не устраивает человека вполне. Кто из нас мог бы похвастаться тем, что совершенно счастлив? Любой хочет большего и лучшего. Понятно, что представления о благе у каждого свои, и недоволен жизнью всякий по-своему. Однако, чем могут быть недовольны все, какая претензия является наиболее общей, и чего себе пожелал бы кто угодно, независимо от возраста, пола, национальности, характера, взглядов и всего прочего? Вспомним, что Эпикур всеобщей человеческой особенностью считал страх перед смертью, наличие которой заставляет мучительно искать смысл жизни, а также – перед богами и судьбой, которые влияют на нас, подчиняя себе и игнорируя наши желания и планы. Мысль о собственной смертности и слабости является основной угнетающей идеей любого ума. Кто же из нас не хотел бы быть неподвластным смерти и неограниченным в своих возможностях? Мечта о бес-

смерти и могуществе – основная в людском сознании. Но при этом, мы хорошо понимаем, что такое желание в высшей степени нереально и никто никогда не достигнет ни того, ни другого. Что же нам остается? Ничего, кроме как, отчаявшись, вымечтать сквозь слезы существо идеальное, бессмертное и всемогущее (а также абсолютно справедливое), поклониться его совершенству и уверовать в него как в реальность. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Бог – это представление (или мечта) человека о себе самом, только более совершенном, которое неизбежно порождается нашим умом. Свою собственную сущность, самих себя мы непроизвольно доводим до абсолюта, до возможного предела желаний, затем получившийся результат также безотчетно отрываем от своего реального существования (отчуждаем) и помещаем на Небо. Фейербах назвал религию «бессознательным самосознанием человека». Будучи не в состоянии что-либо существенно изменить в земной жизни, мы уповаем на потустороннюю и запредельную сферу, в которой отсутствующее на земле не только может, но и непременно должно быть.

И если это действительно так, то никакой высшей реальности на самом деле нет, а есть только мы (и ничего и никого больше во всем мироздании), а Бог – всего лишь фантазия, понятно каким образом возникающая в сознании. Но тогда не стоит ли нам гордо поднять голову и расправить плечи, почувствовать себя свободными и независимыми? Человек должен собственную сущность, отчужденную в Боге, вернуть к самому себе и здесь, на земле осуществить то, что он перенес в выдуманый, сверхъестественный мир. И пусть невозможно стать непосредственно бессмертным, но можно увековечить себя своими деяниями, внести собственной жизнью вклад в общий путь человечества, явиться пусть маленьким, но звеном в неразрывной и бесконечной цепи мироздания и тем самым преодолеть смертность и обрести вечность. Пусть невозможно стать всемогущим, но увеличивать свою силу и делать себя менее подчиненным внешнему миру человек вполне способен. В наших возможностях – стать творцами собственной жизни и обуздать судьбу, а также – непрерывным трудом усовершенствовать себя и изменить жизнь, сделав ее более счастливой. Замечательно иллюстрируют эту мысль строки В.В. Маяковского:

«Жилы и мускулы – молитв верней.
Нам ли вымаливать милостей времени!
Мы –
каждый –
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!»...

Фейербах говорит, что религию как бессознательное самосознание надо заменить осознанным, то есть представлением о том, что человек – самое совершенное существо природы, над которым нет никаких высших сил. На место веры в Бога следует поставить веру в человека и возможно даже вместо старой теистической религии создать новую антропоцентрическую, которая будет верой в силы и возможности человека, восхищением его физической и духовной красотой, готовностью исполнить свое земное предназначение. И поскольку основным объектом внимания и изучения становится человек, то философия, по мнению Фейербаха должна превратиться в антропологию, главным вопросом которой будет установление нашей сущности, то есть – общих черт, связывающих и объединяющих всех людей, обязательно присущих любому, несмотря ни на какие индивидуальные особенности. Эти общие черты он называет человеческой природой, неизменной и независимой ни от эпохи, ни от национальности и ни от чего прочего, которая и является основной движущей силой всякой конкретной жизни. Наиболее существенные свойства человеческой природы – это любовь к жизни, инстинкт самосохранения, эгоизм (в широком смысле(!), то есть восприятие мира через себя) и, конечно же, стремление к счастью, состоящее из множества слагаемых (наиболее важным из которых является жажда любить и быть любимым).

В философии часто звучал вопрос о том, хорош или плох человек по своей природе и, разумеется, существует мнение, что он изначально добр, равно как есть утверждение, что он, в любом случае, порочен. Фейербах считал, что человеческая природа не является ни дурной, ни хорошей: человек сам по себе ни плох и не добр, он такой, какой он есть, и никакую оценку с точки зрения добра и зла ему дать невозможно. А вот условия человеческой жизни как раз и делают каждого хорошим или плохим, то есть нейтральная в моральном смысле наша природа по-разному реализуется в

конкретных обстоятельствах. И поэтому, если вы хотите, чтобы человек был хорош, то создайте ему такие условия, в которых его неизменная (от него не зависящая) природа проявилась бы наилучшим образом. Если же эти условия отсутствуют, не удивляйтесь тому, что человек плох и не обижайтесь на него. Наши пороки – это неудавшиеся добродетели, они стали бы добродетелями, если бы условия нашей жизни были иными.

По поводу преобразования общественной жизни всегда было два мнения: одни говорили, что необходимо нравственное усовершенствование каждого, исправление нашей природы (позиция, как правило, религиозная или идеалистическая), другие же предлагали радикально менять условия человеческой жизни, считая их несовершенство главной причиной всех несчастий (как правило, материалистическое воззрение). Фейербах, конечно же, разделял вторую точку зрения, а его философские взгляды во многом стали идейной основой появившегося в середине XIX века марксизма – теории революционного преобразования действительности, сокрушения старого, несправедливого общественного порядка и построения новой социальной реальности, которая обеспечит процветание общества и благополучие каждого его представителя. Основоположники этого учения К. Маркс и Ф. Энгельс считали утопичным самостоятельное нравственное перерождение каждого, но полагали вполне осуществимым организованное коренное изменение общественного строя и создание таких условий, в которых всякий человек неизбежно станет лучше в моральном отношении. Поэтому главное по их мнению – это не отвлеченные размышления о причинах несовершенства нашей жизни, а активная деятельность по ее преобразованию. «Философы лишь различным образом объясняли мир, – говорит Карл Маркс, – но дело заключается в том, чтобы изменить его».

8 Не объяснять мир, а изменять его (Маркс и Энгельс)

Значительным событием в истории философской и общественной мысли XIX века было появление марксизма. Духовное наследие, оставленное немецкими мыслителями Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом представляет собой не только систему философских взглядов, но также (и даже в большей степени) – экономическую теорию и социально-политическое учение.

Марксизм вырос из предшествующих ему философских, экономических и социально-политических идей, созданных во второй половине XVIII–первой половине XIX вв. Каждой из его составных частей соответствует свой источник. Так например источником философских построений марксизма является немецкая классическая философия в лице уже рассмотренных нами учений Гегеля и Фейербаха. У Гегеля основатели марксизма заимствовали диалектику, а у Фейербаха – материализм. Поэтому марксистская философия называется диалектическим материализмом или – материалистической диалектикой. Однако марксистская философия не исчерпывается диалектическим материализмом, потому что его предметом является природа. Объяснению же общества и истории посвящена вторая часть марксистской философии, которая называется историческим материализмом. Источником экономической теории марксизма является английская классическая политэкономия Адама Смита и Давида Рикардо, а источником социально-политического учения – французский социализм Анри Сен-Симона и Шарля Фурье – мыслителей, которые нарисовали проекты совершенного общественного устройства. Только их социализм Маркс и Энгельс называли утопическим (как и предшествующую ему социально-философскую традицию начиная с учения Платона об идеальном обществе), то есть несбыточным, а свой – научным, то есть вполне осуществимым. Одно из произведений Энгельса так и называется – «Развитие социализма от утопии к науке». В этом учебнике нас будут интересовать философская и социально-политическая стороны марксизма.

В произведении «Диалектика природы» Энгельс, определяя философию, говорит, что она представляет собой науку о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Как мы уже отмечали, природе и мышлению посвящен такой раздел марксистской философии как диалектический материализм, а обществу и истории – исторический материализм.

Понятие материи является одним из главных в диалектическом материализме. Маркс и Энгельс были учениками и последователями Гегеля, в учении которого, по словам Маркса, почти все верно, за тем только исключением, что его философская система стоит кверху ногами и поэтому ее надо всего лишь перевернуть и поставить с головы на ноги. Вспомним, пантеистический идеализм Гегеля утверждал, что физический или матери-

альный мир – это инобытие (иная форма существования) мировой духовной реальности – Абсолютной Идеи. Это утверждение Маркс и называет стоящим кверху ногами и предлагает его перевернуть: первична не духовная реальность (Мировой Разум или Абсолютная Идея), а материальная, а все духовное есть продукт длительной эволюции материи от низших форм к более высоким и связано только с мыслящим человеком, вне и помимо которого нет никакого духа или сознания. Таким образом, утверждая, что не материальный мир – инобытие духа, а наоборот, дух – инобытие материи, Маркс, по его собственным словам, поставил учение Гегеля с головы на ноги. (Хотя справедливости ради надо отметить, что невозможно наверняка выяснить какое учение стоит на голове, а какое – на ногах, то есть является более верным, и вполне возможно, что – вообще никакое. Об этом шла речь во второй главе книги «Что было раньше?.. (Четыре глобальных объяснения мира)»).

Диалектический материализм утверждает, что материя является единственным началом и причиной мироздания. Никаких других начал, кроме нее, нет, а все бесконечное многообразие мира – это различные формы материи, которая несотворима, неуничтожима, самотождественна (является причиной самой себя), бесконечна во времени и пространстве, а также – в своих свойствах и качествах, способна к саморазвитию, то есть обладает творческим началом, благодаря которому может самостоятельно переходить от более низких форм существования к более высоким. Перечитаем последнее предложение, обратив внимание на перечисленные свойства материи. Быть вечным, обладать творческим началом, порождать бесконечное многообразие мироздания – как не назвать эти качества божественными? В диалектическом материализме дух, сознание, творчество – все нематериальное – переносится в материю и растворяется в ней, поэтому возможно утверждать, что в этом учении она представляет собой пантеистическое начало, а марксистскую философию природы, в какой-то мере, можно назвать материалистическим пантеизмом или пантеистическим материализмом. И действительно, если создатели марксизма поставили гегелевское учение с головы на ноги, а последнее является идеалистическим пантеизмом, то у Маркса и Энгельса неизбежно должен был получиться материалистический пантеизм. Они, конечно же, никогда не говорили о

пантеизме, подчеркивая, что являются, вслед за Фейербахом, твердыми материалистами и атеистами, хотя оттого, что их материализм – пантеистический, он вовсе не перестает, по крупному счету, быть материализмом. Вспомним, что в философии Возрождения и Николай Кузанский и Джордано Бруно были пантеистами, однако их учения имеют более различий, чем сходства, ведь первый был кардиналом католической церкви, а второй был жестоко казнен церковью за свои убеждения. Пантеизм Николая Кузанского был идеалистическим (мистическим, теологическим – природа растворена в Боге), а пантеизм Джордано Бруно был, по крупному счету, материалистическим (натуралистическим – мировое духовное начало растворено в природе).

Неотъемлемым свойством материи с точки зрения диалектического материализма является движение, а вернее – не столько свойством, сколько способом существования: материя существует только в вечном движении, изменении, развитии. Как видим, движение в данном случае понимается не только в механическом смысле (как перемещение из точки в точку), а гораздо шире. Энгельс выделял пять основных форм движения материи:

- 1) механическое движение (простое перемещение материальных тел в пространстве);
- 2) физическое движение (различные взаимодействия материальных тел);
- 3) химическое движение (взаимодействия, изменения и превращения различных веществ);
- 4) биологическое движение (сложные процессы изменения и развития, происходящие в живой природе);
- 5) социальное движение (изменения, процессы, события, происходящие в человеческом обществе).

Каждая следующая форма движения, говорит Энгельс, базируется на предыдущих и включает их в себя, однако не сводится автоматически к ним, а представляет собой новый, более высокий уровень, качественно отличающийся от предшествующих.

Давайте вспомним, что философское учение о вечном движении, изменении и развитии, а также о всеобщей взаимосвязи существующего называется диалектикой, которая, появившись еще в древней философии, достигла вершины своего развития в учении Гегеля. Его диалектические

идеи были восприняты основателями марксизма. Только у Гегеля диалектика относится, прежде всего, к пребыванию Абсолютной Идеи в ее собственном лоне – сфере Логики, а у Маркса и Энгельса она является неотъемлемой характеристикой материального мира и методом его познания. (Последний представлен в диалектическом материализме грандиозной иерархией различных уровней организации материи, начиная с атомов и молекул и заканчивая человеческим обществом). Гегель сформулировал основные законы (всеобщие правила, принципы) и категории (основные понятия) диалектики главным образом применительно к первой стадии саморазвития Абсолютной Идеи – Логике, а основатели марксизма перенесли их на материальный мир, утверждая, что они являются его всеобщими или универсальными основаниями и принципами.

Законы и категории марксистской диалектики в одинаковой степени представлены как в диалектическом материализме, так и в историческом материализме – социально-философском учении об обществе и истории. Приступая к нему, отметим, что марксизм начинался именно с исторического материализма, основные идеи которого были созданы К. Марксом, а диалектический материализм – это произведение Ф. Энгельса, которым был дополнен исторический материализм для превращения марксизма во всесторонне и полное философское учение.

С давних времен человека интересовал вопрос о том, какова главная причина событий, происходящих в человеческом обществе, где та невидимая пружина, которая движет историю. Ведь если ее найти, то можно обнаружить объективные исторические законы, понять прошлое, разобраться в настоящем и даже предвосхитить будущее, то есть построить историческую науку в полном смысле этого слова. Но если такой главной причины или пружины истории не существует, если все исторические события – грандиозный хаос непонятно как связанных друг с другом фактов, которые можно только констатировать, но не объяснить, тогда историческая наука – строгая и беспристрастная – невозможна.

Чаще всего люди все же верили в наличие этой основной причины и пытались ее найти (вспомним: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...»). В истории философской мысли давались различные глобальные объяснения исторических событий.

Одно из них называется теологическим и утверждает, что все происходящее в человеческом обществе напрямую зависит от воли Бога. А поскольку она непостижима, то разобраться в исторических событиях, а тем более влиять на них невозможно. Такое понимание истории было характерно для древности.

Другое объяснение появилось в XVII–XVIII веках в связи с идейной секуляризацией Нового времени: теперь причины исторических событий связывались не с божественным провидением, а с волей значительных исторических личностей (монархов, полководцев, дипломатов и т.п.). Считалось, что идеи в их головах приводят в движение народы и государства, поэтому такое понимание истории чаще всего называется идеалистическим.

В XX веке в социально-психологических учениях Зигмунда Фрейда и особенно его последователей появилось биологическое понимание человека и общества, в силу которого все, что происходит с человеком и человечеством – это результат стихийной деятельности наших бессознательных желаний, страстей и инстинктов, среди которых главным является сексуальный инстинкт. Бессознательное может быть как личным, так и коллективным; трансформируясь в разнообразные формы, оно порождает как различные проявления одного человека (его научную, религиозную, политическую и какую угодно другую деятельность), так и грандиозные социальные события (войны, восстания, революции и т.п.).

Близким к биологическому является иррационалистическое (от лат. *Ir-rationalis* – неразумный) понимание человека и общества, выдвинутое немецкими философами Артуром Шопенгауэром (XVIII в.) и Фридрихом Ницше (XIX в.), которые считали, что и мироздание, и человек, и общество, и история есть проявление некой мировой воли – слепой неразумной страсти, которая влечет человечество в неведомом ему направлении.

И наконец, в том же XIX веке в философии прозвучала идея отказа от поиска главной причины исторических событий. В силу этой идеи таких причин – великое множество, и все они в одинаковой мере влияют на происходящее, а поэтому и разобраться в нем, скорее всего, невозможно. Мы можем только описывать события, но не объяснять их, только констатировать последовательность фактов, но не устанавливать их причинно-следственную связь; наша задача – скользить по поверхности истории, не

пытаясь проникнуть в ее глубины. Данное понимание общества и истории часто называется многофакторным и характерно для такого философского направления второй половины XIX–первой половины XX вв. как позитивизм. Об этом направлении и его представителях, а также более подробно о Шопенгауэре, Ницше и Фрейте пойдет речь в следующей главе этой книги. Здесь же только отметим, что во всех перечисленных подходах к пониманию истории, по крупному счету, звучит мысль о ее по преимуществу случайном характере и поэтому непостижимости, о невозможности объективной и строгой исторической науки.

Исторический материализм представляет собой один из вариантов понимания истории наряду с вышеперечисленными точками зрения. Одно из его основных утверждений заключается в том, что людям прежде чем о чем-либо думать или испытывать какие-либо чувства надо есть, пить, одеваться и иметь крышу над головой, потому что без этих прозаических и для многих даже презренных вещей невозможна физическая, а значит и любая другая (кроме, разумеется, загробной, которой с точки зрения марксизма нет) жизнь человека. Хочет он того или нет, но его материальные потребности и интересы являются определяющими для жизни. Складываясь с потребностями и интересами других людей, они составляют тот суммарный исторический вектор, который и есть внутренняя логика и скрытая воля истории. Известный русский марксист Г.В. Плеханов говорил по этому поводу следующее: «Общественные отношения людей не представляют собой плода их сознательной деятельности. Люди сознательно преследуют свои частные, личные цели. Каждый из них сознательно стремится, положим, к округлению своего состояния, а из совокупности их отдельных действий выходят известные общественные результаты, которых они, может быть, совсем не желали и, наверное, не предвидели». Речь идет о том, что не сознание людей (их мысли, чувства, желания, предпочтения, цели, идеалы и все прочее) определяет их реальную жизнь, а наоборот, реальная или материальная, или экономическая жизнь людей (производство, потребление, распределение и обмен ими материальных благ) определяющим образом влияет на их сознание. «Во дворцах думают иначе, чем в хижинах», – утверждают марксисты.

Такое понимание общества и истории получило название материалистического. Исследование экономической сферы жизни общества, матери-

альных интересов отдельных людей, социальных групп и целых народов, по мнению Маркса, дает ключ к пониманию общественных событий, позволяет установить объективные законы истории, создать беспристрастную историческую науку. А это позволит людям, в свою очередь, не пассивно созерцать исторический процесс, а стать его сознательными участниками, творцами и преобразователями. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», – в этих словах Маркса – пафос его социально-философского учения.

Одной из главных отличительных черт человека, говорит он, является труд или трудовая деятельность (прежде всего – по производству материальных благ). Эта деятельность направлена на какой-либо предмет труда (различные природные материалы), из которого при помощи средств труда (разнообразных орудий и приспособлений) человек создает всевозможные материальные блага. Предмет труда и средства труда составляют средства производства, которые вместе с людьми, обладающими производственными знаниями, умениями и навыками складываются в производительные силы общества. В процессе производства между людьми возникают определенные отношения – производственные отношения. Как правило, это отношения между теми, кто непосредственно трудится и теми, кто присваивает себе результаты этого труда на том основании, что они владеют средствами производства. Например между рабовладельцем и рабом существуют рабовладельческие производственные отношения, а между помещиком и крепостным крестьянином – феодальные производственные отношения. Производительные силы и производственные отношения образуют способ производства материальных благ.

Выше мы уже говорили о том, что с точки зрения исторического материализма экономическая жизнь общества (которая базируется на определенном способе производства) определяет, в конечном итоге, все другие сферы его жизнедеятельности. Поэтому способ производства обуславливает некую социальную организацию общества, его политическое устройство и даже культурную жизнь. Определенный этап в развитии общества, в основе которого лежит некий способ производства с соответствующими ему социально-политическими и культурными характеристиками называется в историческом материализме общественно-экономической формацией.

Подчеркивая наличие в истории объективных законов, марксизм утверждает, что внешне необычайно пестрая палитра исторической жизни народов в основе своей содержит некие общие принципы, которые и позволяют говорить об истории человечества не как о конгломерате различных цивилизаций, культур и исторических судеб, а как о всеобщем и едином процессе, руководимом определенными закономерностями и имеющим внутреннюю логику.

Основной исторический закон с точки зрения марксизма заключается в следующем. Производительные силы общества постоянно развиваются: сложнее становятся орудия труда, совершенствуются технологии, приумножаются человеческие знания и навыки. Поэтому производительные силы – это мобильная (подвижная) часть способа производства. А производственные отношения, будучи в течение какого-то времени неизменными, являются стабильной (неподвижной) частью способа производства. На некоем этапе производственные отношения полностью соответствуют характеру и уровню развития производительных сил, но, постепенно совершенствуясь, последние через какое-то время перерастают эти производственные отношения, которые, таким образом, превращаются в оковы для их дальнейшего поступательного развития. Возникает необходимость в смене старых производственных отношений новыми. Эта смена происходит, как правило, в форме социальной революции, приводящей к установлению нового способа производства и новой общественно-экономической формации, после чего все повторяется, но уже на другом эволюционно-историческом уровне. Таким образом, производственные отношения – это как бы общественные одежды, из которых постоянно вырастает социальный организм в лице производительных сил. Однако смена этих одежд не всегда происходит в форме социальной революции.

Исторический материализм выделяет пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую и, соответственно, – четыре глобальных перехода от одной к другой. Первые два перехода осуществляются безреволюционным путем, а вторые два происходят в форме революций.

Первая общественно-экономическая формация характеризовалась примитивным уровнем развития производительных сил, отсутствием част-

ной собственности, имущественным равенством людей и коллективным трудом во имя выживания рода или племени. Дальнейшее развитие производительных сил привело к появлению излишков материальных благ, имущественному расслоению людей и частной собственности. Общество расколосось на две большие группы или на два класса, один из которых владеет средствами производства, а у другого почти ничего нет. Понятно, что первый класс гораздо малочисленнее, чем второй, но в его руках – экономическая, а потому и политическая сила, с помощью которой он может заставлять другой класс работать на себя или – эксплуатировать его. А для подчинения эксплуатируемых эксплуататорам нужен особый аппарат насилия, которым является государство.

Рабовладельческая, феодальная и капиталистическая общественно-экономические формации являются классово-антагонистическими (от греч. антагонидзомай – бороться, сражаться), основанными на классовой борьбе, эксплуатации человека человеком, на социальной несправедливости, где процветание одних строится на лишениях и несчастьях других (ведь очевидно, что если где-то чего-то больше, то в другом месте должно быть ровно на столько же меньше), где одни имеют все именно потому что у других нет ничего. В эксплуататорском обществе трудящийся (будь то раб или крепостной крестьянин, или наемный рабочий) работает до изнеможения, а результаты его труда присваивает себе собственник средств производства – угнетатель (будь то рабовладелец, помещик или буржуазный предприниматель), который по сути разбойно грабит другого человека, лишая его права на все то, что сам имеет сполна. Эксплуататорские общества, утверждает Маркс, глубоко антигуманны, ведь трудящийся полностью лишается результатов своего труда. Получается, что его труд (заполняющий всю его жизнь), а значит и его жизнь не принадлежит ему, отчуждается от него. Таким образом, **отчуждение** (одно из главных понятий марксизма), делающее человека не принадлежащим самому себе является неотъемлемой чертой всех классово-антагонистических формаций.

Принципиальное утверждение марксизма заключается в том, что антигуманные эксплуататорские общественно-экономические формации, пришедшие на смену первобытнообщинному бесклассовому равенству благодаря поступательному развитию производительных сил общества ра-

но или поздно в результате дальнейшего их развития сменятся новой общественно-экономической формацией – коммунистической, в которой не будет частной собственности на средства производства, враждебных классов, государства, эксплуатации и отчуждения, в которой вновь восторжествует социальная справедливость, но теперь уже на новом, неизмеримо более высоком по сравнению с первобытной эпохой уровне развития общества (вспомним диалектическую спираль отрицания отрицания).

Однако новая формация не выйдет на арену истории сама собой, не наступит столь же естественно, как природная весна – за нее надо бороться. Эксплуатируемый класс – пролетариат – последней классово-антагонистической формации – капиталистической – должен, говорит Маркс, подняться на эту борьбу и, увлекая за собой другие социальные силы, в пламени революции смести буржуазные производственные отношения и построить новый общественный строй.

Как видим, одна из центральных идей исторического материализма заключается в том, чтобы на основе познания объективных законов истории превратить человека из ее стороннего наблюдателя и слепого орудия в активного участника и подлинного творца.

Надо не объяснять мир (так как многочисленные и разнообразные его объяснения все равно ни к чему не ведут), а менять его здесь и сейчас (осознав, что это вполне в нашей воле), утверждает марксизм – социально-философское учение, на несколько десятилетий ставшее официальной идеологией нашего государства. Это значит, что все мы должны были считать всю мировую философию каскадом более или менее наивных заблуждений человеческой мысли, а марксизм – единственно верным учением. Хотя всегда было очевидным (обратите внимание – и раньше, а не только сейчас!), что никакое учение нельзя назвать «единственно верным», но также вряд ли возможно какое-либо учение считать совершенно неверным. Марксизм – это один из многочисленных вариантов постижения природы, человека и, особенно, – общества и истории, который занимает свое законное и достойное место в грандиозной мозаике мировой философской мысли.

ТЕМА 8 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

- 1 *Нужна ли философия? (позитивизм)*
- 2 *Где польза, там и истина (прагматизм)*
- 3 *Мир непостижим, разум бессилён (философия жизни)*
- 4 *Не разум, а воля (Шопенгауэр и Ницше)*
- 5 *Я, Оно и Сверх-Я (Фрейд)*
- 6 *Сизифов труд, чаши данаид и танталовы муки (экзистенциализм)*

1 **Нужна ли философия? (позитивизм)**

Немецкая классическая философия была расцветом философской мысли Нового времени, который уже в середине XIX в. сменился периодом, неизменно следующим за любым наивысшим пунктом в развитии чего-либо. Этот новый этап можно назвать упадком или просто – иной эпохой в истории философии. В данное время философская мысль все же испытала своеобразный кризис. В ней выделилось два во многом противоположных друг другу крупных направления, которые в значительной мере определили философствование XX века. Такая ситуация была связана с попыткой осмысления результатов, полученных философией за 2,5 тысячи лет ее существования. Оказалось, что проблемы, которые она перед собой ставила, не решены, на вопросы, поставленные ей, удовлетворительных ответов не получено, а намеченные цели не достигнуты. Понятно, что в данном случае следовало как-то иначе взглянуть на место и роль философии в духовной культуре человечества и каким-либо образом реформировать саму специфику философского знания. В этой позиции не могло быть никакого сомнения, однако конкретные пути такого реформирования виделись по-разному, отчего в данном вопросе и произошло разделение на две глобальные точки зрения, которые положили начало двум различным традициям, четко обозначенным в философской мысли второй половины XIX–XX вв.

Родоначальником одной из них был французский философ Огюст Конт, который предлагал сравнить результаты деятельности частных наук с итога-

ми философских поисков. Первые за свою историю значительно продвинулись вперед, увеличив человеческую силу и оказав огромное содействие прогрессу. Они с успехом справлялись со своими задачами и позволили людям проникнуть во многие тайны природы: достаточно сравнить уровень знаний тех, кто жил 2 тысячи лет назад с нашим, чтобы увидеть насколько не напрасно существуют частные науки. С философией дело обстоит как раз наоборот: ставя перед собой глобальные цели, она не смогла их реализовать. Что мы знаем сейчас в метафизическом смысле, чего не знали бы наши далекие предки? Ровным счетом ничего! Так же, как и они, мы не ведаем откуда взялся мир, и что он, по крупному счету, собой представляет. Нам сейчас, как и тысячу лет назад, неизвестно, как он устроен и по каким законам существует. Мы ничего не можем сказать о будущем и до сих пор не знаем, в чем смысл жизни. Получается, что частные науки (их также можно назвать эмпирическими, потому что они экспериментально исследуют какую-либо область мира, или естественными) ставили перед собой вопросы, на которые вполне могли дать некие утвердительные или положительные, или позитивные (от лат. *positivus* – положительный) ответы. Философия же ставила перед собой такие вопросы, на которые не могла ответить, а вернее, эти ответы были всегда неопределенными (то ли так, то ли не так), то есть не утвердительными. Ее результаты поэтому вполне можно оценить как негативные (от лат. *negativus* – отрицательный). Вследствие всего сказанного возникает вопрос: нужна ли вообще философия? Не лучше ли отбросить ее, как бесполезное занятие и оставить только эмпирические, положительные или позитивные науки? Такое воззрение получило название **позитивизма** (сосредоточение на частных науках, дающих позитивные результаты). Но что же делать с философией? От нее следует отказаться как от метафизики, то есть такой области знания, которая пытается глобально объяснить окружающий мир, но в то же время ее возможно превратить в одну из эмпирических наук, которая будет искать не конечные причины мироздания, но заниматься разработкой методов, которыми частные науки решают свои задачи. Философия должна перестать быть грандиозной попыткой постижения Бытия и стать исследованием не мира, но научного знания, то есть отвечать на вопросы о том, как построена любая конкретная наука, чем она занимается, какими способами осуществляет свои цели, как эти способы улучшить или усовершенствовать,

чтобы добиться больших результатов. В позитивистском понимании философия должна стать **методологией** (совокупность научных методов познания, а также исследование их, учение о самих методах) науки, служить обобщающей сводкой результатов, добытых эмпирическими науками, связывать полученные ими знания. Если частные науки видят каждая только свой предмет, ограничены разделением труда, то философия должна исследовать отношения между ними, изучать их взаимосвязи. Вспомним, что в Средние века она была служанкой богословия, теперь же ее превращают в прислужницу наук, то есть она опять перестает быть самой собой. Позитивизм провозгласил себя принципиально новой «неметафизической» («позитивной») философией, которая не признает абстрактных (отвлеченных), умозрительных или неких общих положений, но опирается только на конкретные эмпирические утверждения (вполне поддающиеся практической проверке).

Огюст Конт (который и предложил сам термин «позитивизм») утверждал, что сущность вещей для нас навсегда сокрыта и в принципе невозможно сказать, каков мир сам по себе. Нам известно только то, каким мы его видим, доступны явления предметов. Мы никогда не сможем узнать истинных причин происходящих событий, ибо воспринимаем только их последовательность. То, что нам кажется законами – это всего лишь связь и некий порядок вещей. Дело в том, что мы наблюдаем какие-то постоянные отношения между предметами, которые и называем законами. Но ведь то, что мы видим, может быть совершенно не тем, что есть на самом деле. Значит, не следует претендовать на постижение мира, можно говорить только о наших впечатлениях о нем. Не будет ничего страшного, если конечные причины и подлинные основания мироздания останутся неведомыми, достаточно того, что мы вполне можем ориентироваться в действительности, а большего и не требуется. Как видим, позитивистские воззрения во многом напоминают учение Дэвида Юма, который считал основной задачей философии служить средством для улучшения практической жизни людей и полагал основой нашего существования не знания о мире, но только веками выработанную привычку к окружающему, которое кажется нам вполне понятным, но на самом деле таковым отнюдь не является. Вполне в духе юмовского скептицизма и эмпиризма Конт полагал, что мы не в состоянии объяснить действительность, в наших силах только описать собственные восприятия внешнего мира.

Человеческое познание, говорит он, прошло в своем историческом развитии три стадии: теологическую, метафизическую и ныне находится на позитивной. В теологическую эпоху люди обладали малым количеством знаний и поэтому при объяснении окружающего мира обязательно использовали представления о различных сверхъестественных силах, которые по их мнению и служат невидимым основанием и первоначалом всего. За ней следует метафизическая стадия, на которой человек уже отказывается от понятия о потустороннем и неведомом, а на место богов (или Бога) теперь становится природа, однако понимаемая не как что-то конкретное, а в качестве всего вообще существующего. На этом этапе предпринимаются попытки глобального и всеобщего ее объяснения, обнаружение неких фундаментальных принципов, лежащих в основе мироздания и открытия универсальных законов, движущих всем происходящим. Со времени создания учения Конта начинается новая стадия в духовной эволюции человечества – позитивная, в которой на первый план выходит деятельность отдельных наук, эмпирическим путем изучающих конкретные области действительности. Причем Конт полагал, что переход от одной стадии к другой определяет не только эволюцию человеческого мышления, но и развитие общества вообще, то есть движущей силой истории он считал прогресс знания. Здесь мы видим положение, которое широко выдвигалось французским Просвещением: миром правят идеи, и если вы хотите преобразовать социальную жизнь, то сначала надо осуществить изменения в умах. Контовская теория трех стадий развития человечества представляет собой вариант идеалистического понимания истории: причиной общественного прогресса является поступательная эволюция знания, состоящая в переходе от религиозных представлений о сверхъестественных существах к отвлеченному и всеобщему понятию о природе и далее – к позитивной науке.

Философское направление, начало которому положил Огюст Конт получило в дальнейшем широкое распространение и нашло многих приверженцев и последователей. Помимо О.Конта у истоков позитивизма стояли английские философы Джон Милль и Герберт Спенсер. Позитивизм продолжил свое существование в различных учениях, (среди которых – эмпириокритицизм австрийского философа Эрнста Маха и швейцарского мыслителя Рихарда Авенариуса), и на его идейной основе уже в XX в. возникло

большое количество различных философских течений, которые, как правило, объединяют под общим названием неопозитивизма (от греч. нэос – новый). Наиболее известными его представителями были австрийский философ Людвиг Витгенштейн и английский ученый и мыслитель Бертран Рассел. Главной их мыслью является положение о том, что все наши знания о мире содержатся в языке. Невозможно ничего познавать или обмениваться с кем-либо некоей информацией, или просто думать о чем-то, не используя при этом слова и предложения, то есть, не пользуясь языком. Попробуйте, например, представить или помыслить дерево вне, без или помимо самого термина «дерево». Все, что существует, мы воспринимаем не таким, какое оно само по себе, но так, как оно отражено в нашем языке. Мы не можем себе представить мир вне языка, ибо для нас мироздание – это наши представления о нем, оформленные в языковые выражения и возможные только в них. Мир для нас существует исключительно в языке, через него или на его основе. Окружающий мир, говорят представители неопозитивизма – это языковая конструкция, и поэтому предметом философствования должно быть не вне нас находящееся, не физическая реальность, но область нашего языка, то есть философия превращается почти в лингвистику. Поэтому возможно, что традиционные философские вопросы и проблемы возникают не от трудностей познания объективного мира, а от неправильного употребления языка. Значит, возможно создать такой совершенный язык, в котором все вопросы и затруднения автоматически отпадут. Главным элементом такого реформирования должен стать принцип **верификации** (от лат. *verus* – истинный + *facere* – делать) – проверки суждений на предмет их истинности. Если высказывание можно проверить, то оно верифицируемо, если же нельзя, то неверифицируемо. Например, предложение «Вода кипит при температуре 100⁰С» является верифицируемым, а суждение «Мир создан Богом» неверифицируемо в любом случае. Понятно, что проверке подлежат высказывания эмпирических (естественных) наук, потому что представляют собой суждения о фактах, а также верифицируемы положения точных наук (математики и логики), так как являются **тавтологиями** (от греч. тауто – то же самое + логос – слово) – высказываниями, в которых не сообщается ничего нового, а значит, и проверять в них нечего. (Например, предложение «Две прямые, не имеющие общих точек, параллельны» тавтологично, так

как из того, что у них нет общих точек автоматически следует их параллельность, а в том, что они параллельны обязательно содержится положение об отсутствии у них общих точек.) Неопозитивизм говорит, что в новом, совершенном языке не должно быть неверифицируемых суждений, и тогда все вопросы, проблемы и трудности будут автоматически исключены (ведь в данном случае любое положение можно проверить и усомниться в чем-либо никак нельзя). Непроверяемые высказывания лишены смысла и их надо выбросить из языка, поэтому право на существование имеют естественные и точные науки, а гуманитарные (неверифицируемые) во главе с философией следует игнорировать.

Также интересно утверждение некоторых представителей неопозитивизма, что значение имеют только те слова, для которых может быть найден единичный факт, обозначаемый данным словом. Поэтому понятия «эксплуатация», «угнетение», «классовая борьба» и им подобные лишены смысла, и люди, употребляя их и воображая, что эти слова обозначают некое реальное существование, тем самым создают себе источник напряженности, волнений и конфликтов. Эта мысль легла в основу социотерапии (врачевания общества): если причина общественных несчастий – неправильное употребление слов, то следует реформировать язык, устранив из него наиболее «опасные» термины и, таким образом, улучшить человеческое общежитие. Перед нами отнюдь не новая идея: измените представления в сознании людей в положительную сторону и сама жизнь станет благополучнее и гармоничнее.

2 Где польза – там и истина (прагматизм)

Направлением в современной философии во многом близком позитивизму является прагматизм, основателем которого был американский философ XIX века Чарльз Пирс. Его основной мыслью было утверждение о том, что значение идей и понятий состоит в их практических последствиях, которые мы можем от них ожидать. Иначе, по мнению Пирса истинно то, что полезно для нас. Мы уже говорили о том, что греческое слово «прагма» переводится на русский язык терминами «дело», «действие», поэтому прагматизм – это философия, которая вовсе не ставит перед собой задачи познания объективного мира и не считает истиной действительное положение вещей,

но призывает исходить из нашей собственной практической жизни и полагать истиной то, что служит ее успеху, благополучию и процветанию.

Прагматизм продолжает субъективистские идеи в философии. Когда мы рассматриваем утверждение, что истинность – это практическая полезность, то невольно вспоминаем знаменитый протагоровский тезис о человеке как мере всех вещей. Что нам до объективной картины мира, говорит известный греческий софист, важно ведь как мы относимся к происходящему, что оно собой для нас представляет, каким каждый из людей видит его. Далее вспомним Юма с его утверждением, что действительность для человека – это поток его ощущений; кантовскую критику разума, по которой мы видим не то, что есть, а только то, что можем видеть в силу своего устройства; странное положение Фихте «весь мир – это Я», преломляющее реальность исключительно через субъективное ее восприятие, и убедимся в том, что прагматизм не является принципиально новым направлением в философии, но представляет собой в иных формах выраженные идеи, возраст которых насчитывает две с половиной тысячи лет.

Объективная действительность непознаваема, говорят представители прагматизма (помимо Ч. Пирса ими являются американские философы Уильям Джемс и Джон Дьюи): то, что представляется нам, и то, что существует на самом деле – два разных мира, между которыми лежит пропасть. Не смешно ли пытаться сделать то, что в принципе невыполнимо: преодолеть ее? Не лучше ли принять такое положение вещей как должное и позаботиться о себе и своих ближайших делах? Познание по Пирсу является движением не от незнания к знанию, а от сомнения к вере (то есть к вере в то, что все именно так, как мне кажется). Вопрос о том, соответствует ли это мое верование реальному миру, бессмысленный. Если оно помогает мне жить, приводит к поставленной цели, является полезным для меня, значит оно истинно.

Поскольку мир непознаваем, мы имеем полное право представлять его себе каким угодно, думать, что захочется и считать истиной любое симпатичное нам утверждение. Получается, что реальности как таковой для нас нет, так как она – совокупность наших мнений, то есть мы сами ее создаем, конструируем в силу своих субъективных желаний. Действительность, говорят представители позитивизма, абсолютно «пластична»: усилием вооб-

ражения мы можем придать ей любую форму (вспомним утверждение Канта, что человек упорядочивает внешний мир с помощью врожденных форм своего сознания). То, каким мы себе представляем мироздание является, конечно же, не знанием о нем, но верованием в то, что это наше представление и есть истина. У человека в силу его устройства имеется одна принципиальная особенность, которая заключается в том, что, не будучи в состоянии знать о существующем, ему ничего не остается, кроме как верить в него (невозможно не вспомнить «естественную религию» Юма). «Мы имеем право, – говорят сторонники прагматизма, – верить на свой риск в любую гипотезу». Так, например, одного желания, чтобы Бог был, достаточно для веры в Бога (почти то же самое, что и кантовский нравственный аргумент).

Понятно, что мы будем верить в то, что для нас наиболее выгодно, удобно и полезно. Поэтому наши понятия, идеи, теории – это не отражения объективного мира, а орудия, которыми мы пользуемся для достижения неких своих практических целей или инструменты, помогающие нам ориентироваться в той или иной ситуации. Значит, наука представляет собой не знание о реальности, а своего рода ящик с инструментами, из которого человек берет наиболее подходящие в каких-то определенных условиях. В силу этих положений прагматизм иногда называют **инструментализмом**.

Конечно же, в данном воззрении нет совершенно никаких глобальных философских проблем, оно в принципе чуждо дерзновенных попыток проникнуть в тайные глубины существующего, открыть вечные связи и законы мироздания и единой грандиозной философской системой исчерпать и объяснить все нас окружающее. Но разве не можем мы жить, не имея окончательных знаний о мире? Разве хуже мы ориентируемся в действительности, без полного и всестороннего представления о ней? Неужели отсутствие объективной истины так уж сильно отравляет наше существование? А что, если вполне возможно прожить и без ответов на вечные вопросы и даже обрести счастье, не проникая в сокрытые причины и основания Бытия? Найдите хотя бы одного человека, который просыпаясь у себя дома в преддверии грядущего дня, думал бы о происхождении мира, вечных его тайнах и судьбах человечества и считал бы день потерянным, если бы ему не удалось ответить на эти метафизические вопросы и обрести истину...

3 Мир непостижим, разум бессилен (философия жизни)

Вернемся к кризису философии, который она испытала в середине XIX века. Одним из значительных выделившихся тогда направлений был, как мы уже видели, позитивизм, рассматривавший основным источником знания конкретные, эмпирические науки, а философию превращавший в их служанку. Однако, с не меньшим основанием можно было бы предположить, что наука бессильна узнать даже поверхностно окружающий нас действительный мир, что человеческий разум вовсе не так силен, как кажется, и ворота Бытия закрыты перед ним, в силу чего следует искать другие, не научные и не рациональные (рассудочные, разумные) формы познания реальности. Это утверждение легло в основу другого влиятельного философского направления, во многом противостоящего позитивизму и названного «философией жизни».

Во второй половине XIX века произошли значительные изменения в философской мысли, связанные прежде всего с упадком классических представлений. Классической философией считаются представления Гегеля, по которым в основе и мира, и человеческой деятельности лежит разум. Вспомним его знаменитое утверждение: «все действительное разумно, все разумное действительно». Мироздание, по Гегелю, является в различных формах существующим Мировым разумом, все, что нас окружает – это его воплощения, или проявления, неудивительно поэтому, что все в мире разумно. Однако в XIX веке, почти сразу после триумфа гегелевской философии, сначала робко, а потом все более уверенно начали звучать противоположные классическим философские идеи. Так ли все разумно в мире, как это утверждает Гегель, спрашивали их представители. Неужели в основе мироздания лежит разум? Почему же тогда мы видим вокруг себя так много неразумного? Разве разумны преступления, насилие, кровопролитие, которые постоянно сопровождают человеческую историю? После всех ужасов, которые люди натворили на земле, можно ли называть человеческую деятельность разумной? И неужели разумен мир, в котором возможны предательства, войны и убийства? Скорее всего, – неразумен. Значит, надо предположить, что в основе мироздания лежит не разум, а что-то совсем другое. Эти философские идеи стали называться неклассическими.

Появившись в XIX веке, они стали широко известными и приобрели большую популярность в нынешнем столетии. Поэтому философия XX века, как правило, считается неклассической.

Поскольку Гегель полагал, что в основе мироздания лежит разум и поэтому все, что существует, разумно, его философские идеи часто называют философией разума. Однако, в основной гегелевской мысли вполне можно усомниться. Спорить с тем, что разум существует и – что есть нечто разумное, никто не будет. Но можно ли утверждать, что абсолютно все разумно? Можно ли считать наш мир исключительно разумом, а не чем-то еще? Видя вокруг себя много неразумного и даже безумного (войны и преступления, например), мы должны предположить, что разум – не единственная характеристика мира, не весь мир, а только его часть, причем, скорее всего, – очень маленькая. Разум – это не вся наша жизнь, но только – ее незначительный элемент. В ней, помимо разума, есть много чего еще. Ведь если бы она была полностью разумной, то все давным-давно были бы счастливы. Однако, дела обстоят, скорее всего, наоборот, значит разум или разумность играют слишком малую роль в мире и в жизни. Жизнь намного шире и больше разума. Так что же нам тогда делать предметом философии – разум или жизнь? Конечно же, жизнь! Таким образом, гегелевская философия разума сменяется философией жизни. Именно так стали называться многие неклассические философские учения, выступавшие против гегелевских идей о всеобщей разумности и логичности.

Одно из важных утверждений философии жизни состоит в том, что жизнь представляет собой нечто единое и целое. Пусть в ней множество слагаемых, но они теснейшим образом взаимосвязаны и переплетены, проникают друг в друга и образуют органическое единство, которое невозможно разложить на первичные составляющие элементы. Так, например, дерево состоит из корней, ствола, листьев, коры и прочего. Но является ли оно простой механической суммой этих частей? Конечно же, нет. Отдельные части соединены в дереве не механически, а органически, так тесно взаимосвязаны и связаны, что без одного из них невозможно любое другое. Поэтому дерево есть нечто гораздо большее, чем просто сумма составляющих его частей, оно является удивительно организованным их единством, которое представляет собой жизнь данного предмета, то есть

качественный уровень в тысячу раз более совершенный по сравнению с простым набором несвязанных исходных элементов. Попробуйте дерево разложить на отдельные части: сами по себе лежат корни, рядышком – отпиленный ствол, поблизости – сорванная кора, подле которой – ворох оборванных листьев. Будет ли в этом случае дерево самим собой? Теперь его не существует, потому что нет его жизни, вместо него – набор ненужного хлама. Значит, только жизнь делает любой предмет самим собой. Как уничтожить его? Очень просто – разложить на составные части и тем самым убить его жизнь. То же самое можно сказать про что угодно: жизнь молекулы, например, это единство ее атомов и причем органическое (они сложным образом взаимодействуют); разложите ее на составляющие атомы, и она исчезнет. Жизнь человеческая складывается из чувств, желаний, эмоций, интеллекта, воли, памяти, воображения и много иного. Можно ли представить себе одно без другого? Только нерасчленимая, единая взаимосвязь всех этих компонентов и образует живое явление, уникальное по своей сложности и непостижимое в своей органичности и гармонии. Целостность и неразделенность, стало быть, есть главная и неотъемлемая черта любой жизни, без которой она невозможна.

Основной же особенностью нашего разума является стремление выделить в целом части и рассмотреть каждую в отдельности. Он неспособен уловить или понять целостность и единство вещи, ему необходимо для этого рассмотреть ее внутреннюю структуру, открыть элементы, из которых она состоит, и узнать их взаимодействие. Поэтому разум не может не подходить к предметам аналитически или механически, то есть – не расчленять все сложное на простые составные элементы. Но мы уже видели, что любая жизнь убивается таким разложением, и предмет перестает быть самим собой. Значит, разум оказывает себе дурную услугу: разбивая то, что он хочет изучить, на части, он получает не исследуемую вещь, а мертвый набор элементов, в котором нет ничего от первоначальной целостности и подлинности. Получается, что жизнь постоянно ускользает от разума, и он в принципе не способен постичь ее, так как своей деятельностью только омертвляет, уничтожает или постоянно теряет то, к чему направлены его познавательные усилия. Наука, построенная на разуме, тоже не в состоянии проникнуть в реальность, будучи по самой своей разумной природе безнадежно ото-

рванной от жизни. Научное познание построено на аналитической, то есть разлагающей процедуре: разбивая изучаемое на части, оно упускает главное, за сплетением корней и ветвей не видит леса. В учебниках по психологии, например, одна глава посвящена воображению, другая – памяти, третья – эмоциям, как будто каждое из этих явлений существует само по себе, а не растворено во всех других и поэтому в принципе невыделяемо, в результате чего человеческая душа, представленная механическим набором психических свойств, остается непостижимой тайной. Рассудочное мышление обречено на то, чтобы вариться в собственном соку и ничего ровным счетом не знать о жизни, которая и есть единственная существующая реальность. Она, стало быть, по природе своей **иррациональна** (от лат. *irrationalis* – неразумный), то есть построена по иным принципам, нежели разум и поэтому неподвластна ему. А может быть, в ней вообще нет никаких составных элементов и она представляет собой только целостность и вечное единство, а отдельные части – это выдумка нашего интеллекта, без которой он не может обойтись и поэтому ищет несуществующее.

В любом случае, надо искать иные, не рассудочные формы постижения действительности, которые позволят увидеть целое и органическое, а значит – истинно сущее. Таким способом познания может стать **интуиция** (от лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть) – способность к непосредственному обнаружению истины безо всяких обоснований и доказательств. Интуитивное понимание чего-либо – это именно не рассуждение, а усмотрение, когда нечто постигается вдруг, внезапно и полностью, и поэтому его часто называют озарением. Каким образом оно происходит, неизвестно, так как не подчиняется никаким законам и не построено ни на каких принципах, в отличие от рациональной деятельности (мышления). Но интуиция, будучи в принципе иррациональной, наиболее адекватна (соответствует) реальности и поэтому вполне может стать методом особого философского познания. Интуитивное постижение действительности характерно для такой формы человеческого духа как искусство. Художник ведь никогда не анализирует и не препарировывает предмет своего внимания, но пытается уловить его таким, каков он есть, во всей его сложности и непостижимости. Художественное творчество – это тоже разновидность познания, но совершенно иным образом организованная и действующая. Фи-

лософия должна сблизиться с искусством и заимствовать из его арсенала разнообразные ненаучные способы и приемы освоения мира.

Философия жизни представляет собой направление, объединяющее учения, созданные в различное время и в разных местах и существенно отличающиеся друг от друга, сходные только в наиболее общих своих положениях. Наиболее значительными ее представителями считаются немецкие философы Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Вильгельм Дильтей и французский мыслитель Анри Бергсон. Философия жизни является своеобразной идейной основой, на которой впоследствии выросли некоторые значительные философские течения XX века.

4 Не разум, а воля (Шопенгауэр и Ницше)

Одним из известных представителей философии жизни был немецкий мыслитель Артур Шопенгауэр. Гегель считал, что в основе мироздания лежит разум, говорит Шопенгауэр. Но почему же тогда все, что происходит в нашей жизни, как правило, отличается неразумностью? Может быть, в основе мира находится не разум, а что-то совсем иное. Что? Нечто неразумное, нелогичное, неподвластное уму и пониманию, бессознательное, иррациональное, непредсказуемое и непостижимое привычными способами.

Все это Шопенгауэр назвал волей и противопоставил ее разуму, о котором говорил Гегель. В основе мироздания лежит не разум, а воля, и поэтому в нем много неразумного, случайного и необъяснимого. Что представляет собой эта воля, чем является? Воля – это совокупность желаний и инстинктов, страстей и порывов, настроений и чувств, – это бессознательные побуждения, безотчетные стремления, ничем и никем не контролируемые действия. Для воли чужды вопросы зачем, почему, каким образом, с какой целью. Для нее нет никаких целей, причин, мотивов, следствий и любых других разумных оснований. Для нее достаточно только того, что она есть. Ее существование или наличие – единственная несомненная истина. Когда сорная трава с неистовой силой устремляется к Солнцу, заглушая собой культурные растения, разве руководствуется она какой-то разумной необходимостью? Конечно же, нет. Она растет благодаря заложенному в ней слепому инстинкту жизни или – воле к жизни, как говорит Шопенгауэр.

Когда лев в пустыне поедает антилопу, разве действует он в силу какого-либо осознанного мотива? Конечно же, нет. Он проявляет, таким образом, свою волю к жизни. То же самое можно сказать о любом существе на Земле.

Человек не является исключением из общего правила. У него есть разум, и поэтому нам кажется, что в отличие от всех других существ, он действует не в силу безотчетных желаний и слепых инстинктов, а в силу разумных и осознанных мотивов, действует разумно. Но это иллюзия говорит Шопенгауэр. Если человек поступает разумно, то почему же тогда он лжет, подличает, предает, почему способен убить себе подобного, сделать ему различные гадости и пожелать зла? Как то ни печально признать, но человек руководствуется в своей деятельности не разумными основаниями, а слепой неразумной волей. Все его действия и поступки есть проявления его воли к жизни, его бессознательного желания жить, его неистового и инстинктивного стремления существовать во что бы то ни стало, причем жить как можно лучше, пусть даже и за счет страданий и лишений себе подобных. А разум – это всего лишь инструмент воли к жизни, ее орудие, с помощью которого человек исполняет свои желания.

Воля, следовательно, присутствует везде и во всем, является единственным свойством мироздания, самим мирозданием. По Гегелю мир – это разум, по Шопенгауэру мир – это воля. Будучи неразумной, воля влечет нас по жизни в неведомом нам направлении. Нам кажется, что мы поступаем сознательно и свободно, на самом же деле мы просто не замечаем, что – являемся заложниками своей собственной воли, которая действует помимо нашего разума, мы – рабы ее, безотчетно исполняющие все ее прихоти и капризы, требования и приказы. Воля превращает нашу жизнь в вечную борьбу и напряжение: мы постоянно к чему-то стремимся, чего-то избегаем, мы вынуждены каждый день и час что-то делать, куда-то спешить, на что-то надеяться и чего-то бояться. Воля ни на секунду не оставляет нас в покое, наполняя жизнь агрессией, страхом, ненавистью и отчаянием. Мы сами не принадлежим себе, полностью подчиняясь воле, являемся ее бездумными исполнителями.

Как видим, воззрения Шопенгауэра представляют собой печальный и мрачный фатализм. Что же он предлагает нам? Каким видится ему выход из столь удручающей ситуации? Выход есть, говорит немецкий философ, и за-

ключается он в следующем. Если причиной нашего вечного жизненного напряжения и порождаемых им страданий является воля, то нам следует сознательно ей противостоять: направить все свои силы на то, чтобы подавить ее, искоренить, угасить. Как это сделать? Отказаться от собственных желаний, умалить потребности, ни к чему не стремиться, ни за чем не гнаться. Не потакать воле, а отказывать ей во всем, не выполнять ее требований, а отворачиваться от них. Только таким способом возможно погасить пламя воли и привести жизнь в состояние спокойствия и даже апатии. Как мы уже знаем, сознательный отказ от желаний называется в философии аскетизмом. Вспомним, именно аскетизм является одной из главных особенностей буддизма. Шопенгауэр был хорошо знаком с религиозно-философскими учениями древней Индии и Китая и многое из них заимствовал при создании своего учения. Аскетическое поведение, считал он, позволит нам избежать борьбы, напряжения и страданий, подавит волю к жизни. И пусть аскетизм не подарит нам безусловного счастья, однако ничего лучшего в нашем несовершенном и неразумном мире нам не предложено.

Другим известным представителем философии жизни был немецкий мыслитель Фридрих Ницше. Его идеи, с одной стороны, очень сходны с воззрениями Шопенгауэра. Мир представляет собой, говорит Ницше, не разумную упорядоченность и вечную целесообразность, а беспорядок и сплошную случайность, потому что в основе его лежит не разум, а воля. Мироздание – это не гармония, как считал Гегель, а хаос, в котором нет ничего устойчивого, определенного и истинного. В этом хаосе не на что ориентироваться и не на что опереться, в нем отсутствуют какие-либо нормы, правила или законы. А это значит, что жить и действовать в нем можно как угодно. Никто ничем не связан и не ограничен, никто никому ничего не должен, ничем не обязан и поэтому волен делать все, что ему заблагорассудится. Если нет ничего истинного, значит, все дозволено, говорит Ницше. Поскольку всем управляет не разум, а воля, то и человек тоже характеризуется ей. Ницше называет ее волей к власти. Однако этот термин надо понимать не в узком смысле как желание командовать или властвовать, а в широком – как волю к силе, могуществу, как волю к полноценной, мощной, яростной жизни, как стремление сбываться, воплотить, реализовать себя наиболее полно. В этом пункте заключается главное отличие идей Ницше от

взглядов Шопенгауэра. Если Шопенгауэр считал волю к жизни нашей главной бедой, приносящей только страдания и призывал ее уничтожить, то Ницше, наоборот, говорил, что воля к жизни (или к власти) – это единственная возможная истина в мировом хаосе, несомненное благо и поэтому ее надо всячески поощрять, развивать, возвращать и лелеять. Надо не гасить, как предлагал Шопенгауэр, а раздувать изо всех сил нашу волю до максимальных пределов, делать пламя жизни как можно ярче и интенсивнее. Чем сильнее горит воля к власти, тем полноценнее и значительнее наша жизнь, тем больше она из себя что-либо представляет. Жизнь, полная приключений и опасностей, борьбы и напряжения, азарта и риска, отваги и мужества, ярости и агрессии, страданий и стойкости закаляет человека, увеличивает его волю, делает его сильным и независимым, гордым и самодостаточным. Он никого не будет ни о чем просить, никого не станет бояться, он превратится в господина собственной судьбы и сможет властвовать над другими; он сделает все, что захочет, возьмет у жизни все, что ему потребуется. Конечно же, ни угрызений совести, ни раскаяний не сможет он испытать. Чувства вины и сострадания чужды ему. Он не понимает что такое добро и зло, что значит – можно, и что – нельзя. Он считает, что можно все, на что человек способен. Он полагает хорошим то, что укрепляет волю к власти и вытекает из силы, он видит пороком все, что следует из слабости.

Для такого человека добро и зло – это пустые выдумки, которые сочинили слабые для того, чтобы сдерживать произвол и агрессию сильных. Надо, говорит Ницше, встать по ту сторону добра и зла, то есть – переосмотреть и переоценить все ценности, идеалы, правила и нормы. Следует понять, что никаких правил и норм нет, а вернее, есть только одно правило или закон – сила: если ты силен – делай все, что хочешь, а если слаб – уйди с дороги и уступи жизненное пространство сильному. Если силен – беззащитно съешь любого себе подобного, а если слаб – пеняй на себя и не стони, если кто-то станет поедать тебя.

Идеал Фридриха Ницше – это Сверхчеловек, который дерзко и независимо идет по жизни, сокрушая все общепринятые установления, вековые привычки, взгляды и идеалы. Конечно же, никакого Бога, с точки зрения сверхчеловека, не существует, потому что он сам себе Бог. Христианская религия для него – это порождение трусливых и слабых, которые, сами бу-

дучи не в состоянии что-либо сделать, просят чего-то у нереального и вымышленного Бога. Их философией являются выдумки о справедливости, добре, нравственности и всем прочем из этого рода. Таких людей большинство. Им противостоит малочисленная, но в тысячи раз более сильная и совершенная группа людей, философией которых является сила, могущество и воля к власти. Их призвание и удел – господство над всеми остальными, а основное ремесло, конечно же, война. Мыслитель предсказывал наступление эпохи грандиозных катастроф и войн за господство над миром.

Сам Фридрих Ницше вовсе не был сверхчеловеком и отличался довольно мирным характером. Он не стремился властвовать над другими людьми, не совершал преступлений и вообще за всю свою жизнь не причинил никому никакого вреда. Но его философские идеи пришлись очень кстати фашистскому Третьему рейху и стали (правда в очень искаженном и примитивном виде) важной составной частью нацистской идеологии и пропаганды.

5 Я, Оно и Сверх-Я (Фрейд)

Известным представителем неклассических философских и, особенно, научных представлений о человеке был австрийский ученый, врач и психолог XIX–XX веков Зигмунд Фрейд. Классические философские представления о человеке, как и о мире, заключаются, главным образом, в том, что он представляет собой разумное или сознательное существо. Как разумен мир, так разумен и человек. Сознание или мышление является его основной отличительной чертой. Вспомним знаменитое утверждение Декарта: «Я мыслю, следовательно я существую».

В XIX веке, как мы уже видели, прозвучала идея о том, что и мир и человек, скорее всего, неразумны, а разум представляет собой маленький элемент мира и играет незначительную роль в человеческой жизни. Но это были философские утверждения. А в науке о человеке – **психологии** (от греческих слов псюхэ – душа и логос – наука) первым усомнился в его разумной природе Зигмунд Фрейд.

Нам кажется, говорит он, что человек – целиком разумное существо, которое живет и действует только рационально или логично, что он понимает мотивы своих поступков, может объяснить свои действия и всегда

осознает свои цели. Но ведь наука, в отличие от религии, считает человека не божественным творением, а дальним потомком высших млекопитающих животных. Так неужели он настолько далеко ушел от царства природы, что в нем не осталось ничего биологического? Конечно же, осталось, просто мы не хотим этого замечать. Причем, по мнению Фрейда, биологического или природного в человеке гораздо больше, чем разумного или культурного, или социального. Все биологическое в человеке, представляющее собой различные инстинкты, которые есть у любого живого существа, Фрейд назвал областью бессознательного. В силу самой своей природы (специфики) оно скрыто от нас, а вернее, – недоступно нашему сознанию или разуму. Говоря иначе, оно в нас есть, но мы его не осознаем и поэтому не знаем или не понимаем, что оно существует.

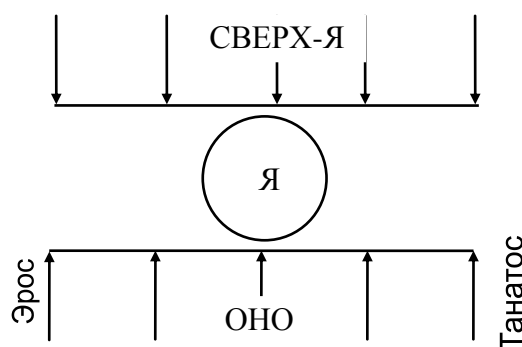
Представьте себе айсберг – огромную ледяную глыбу, плавающую в океане. Как известно, надводная, видимая его часть намного меньше подводной, невидимой. Нам кажется, что айсберг – это только то, что находится над водой, и мы не знаем его настоящих размеров, потому что они скрыты от непосредственного наблюдения. Так же и с бессознательным – оно представляет собой невидимую, скрытую часть человеческой психики, а сознание или разум человека – это видимая и незначительная ее частица. Как айсберг – это, главным образом, то, что находится под водой, а не над ней, так и человек – это, в основном, сфера его бессознательного, а вовсе – не сознания, как нам кажется. Получается, что мы по-настоящему не знаем самих себя, своей природы.

Бессознательное в человеке – это совокупность его природных качеств, первобытных инстинктов, унаследованных от животных предков. Эти-то инстинкты и определяют человеческие чувства, желания, мысли и поступки. Не в сознании или в разуме следует искать главную причину деятельности человека, а в области бессознательного. Именно оно из неведомых нам глубин направляет каждую конкретную человеческую жизнь.

Из всех бессознательных инстинктов наиболее сильным является половая или сексуальная страсть, которую Фрейд называет термином **либидо**. В либидо сконцентрирована вся жизненная энергия человека. Но, живя в обществе и в коллективе, а не в лесу и не в стаде, человек не может вполне исполнить или удовлетворить все свои сексуальные желания. Ему

приходится сознательно их ограничивать, подавлять, бороться с ними. В этом случае его половая энергия устремляется в какое-либо другое русло. Она может преобразоваться в энергию художественного творчества, научного поиска, в общественно-политическую деятельность, спортивные достижения, и – во что угодно еще. Такое вытеснение сексуальных желаний и преобразование их в иные виды деятельности Фрейд называет **сублимацией** (от латинского слова *sublimare* – возносить или переходить).

Другим сильным инстинктом после сексуального является, по Фрейду, влечение к разрушению или инстинкт смерти, который находит свое выражение в войнах, убийствах и преступлениях, сопровождающих историю человеческого общества. Таким образом, жизнь и деятельность человека, с точки зрения Фрейда, объясняются взаимодействием трех слоев или пластов его психики. Определяют человеческие мысли, действия и поступки различные биологические инстинкты, составляющие сферу бессознательного, главными из которых являются сексуальный инстинкт (в греческом – Эрос) и инстинкт смерти (в греческом – Танатос). Эту бессознательную инстинктивную область Фрейд называет термином «Оно». Кроме нее на человеческое поведение влияют различные общественные нормы, принципы и законы, которые австрийский ученый обозначает термином «сверх-Я». Само же человеческое сознание Фрейд именуется словом «Я». На приводимой ниже схеме проиллюстрирован механизм взаимодействия этих трех слагаемых человеческой психики.

Получается, что человеческое сознание (Я) не является «хозяином в собственном доме», потому что вынуждено постоянно раздваиваться, рваться пополам между бессознательными инстинктами и общественными ограничениями. Человеку всегда приходится выбирать что-то среднее между своими биологическими влечениями (желаниями) и моральными

нормами общества, в котором он живет. Говоря проще, ему чего-то хочется, и в то же время ему нельзя этого сделать. Он вынужден или подавить свои желания, или пренебречь общественными нормами. Ему трудно сделать и то, и другое.

На этой почве у человека могут возникнуть различные психические расстройства, главной причиной которых являются, по Фрейду, подавленные или вытесненные желания (как правило, сексуального характера). Австрийский ученый разработал особый метод лечения психических заболеваний, который получил название **психоанализа** (от греческих слов псюхэ – душа и аналюо – развязывать). Дословно этот термин можно перевести как развязывание или освобождение души. Сущность его заключается в том, что врач в ходе длительной беседы выясняет истинную причину психического расстройства (заболевания) своего пациента, которой оказываются, чаще всего, когда-то подавленные им сексуальные желания. Он показывает (демонстрирует) ему эти причины, и пациент, осознавая или понимая их, сам может справиться со своей болезнью, потому что с врагом видимым бороться всегда намного легче, чем с невидимым противником.

Идеи Зигмунда Фрейда, неожиданные и очень смелые для конца XIX века, потрясли Европу, вызвали как острую критику, так и восторженные отзывы, стали широко известными, завоевали огромную популярность, положили начало новому направлению в психологии и составили целую эпоху в истории наук о человеке.

6 Сизифов труд, чаша данаид и танталовы муки (экзистенциализм)

Одним из духовных наследников философии жизни стал экзистенциализм – широко распространенное направление в современной философии. Его родоначальником, а вернее, предшественником считается живший в XIX веке датский философ Сёрен Кьеркегор, а наиболее значительными представителями являются французские философы Альбер Камю и Жан Поль Сартр, немецкие философы Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс, русские философы Николай Бердяев и Лев Шестов. В ряду основных идей экзистенциалистов содержится утверждение о том, что существование человека всегда индивидуально, конкретно, единично, в то время как все общее – это

конструкция ума и реально не существует. Что такое человек вообще? Как он выглядит, где живет и что собой представляет? «Человек» есть всего лишь понятие, название, термин, которым мы обозначаем некие общие черты, присущие всем людям. Но является ли этот «человек» реальностью? Понятно, что он не существует. А что же тогда реально? Только каждый отдельный человек, в котором воплощено, реализовано, наглядно или осязаемо представлено это родовое (общее) понятие. Точно так же не обозначают никакого действительного существования такие термины как «мужчина», «женщина», «европеец», «китаец», «древний грек», «современный американец» и т.п. Очевидно, что существовать по-настоящему может только единственный, конкретный, данный человек, а не обобщенные названия его. Реальностью является индивидуальное существование или **экзистенция** (от лат. *existentia* – существование), а философия, предметом которой всегда было и есть сущее, может быть поэтому только экзистенциальной (то есть посвященной единичному, индивидуальному существованию). Все же общее: «человечество», «общество», «история» – это фантомы или фантастическая среда, так как подлинная действительность сосредоточена в отдельных людях, каждый из которых в силу своей единичности уникален и неповторим и потому является высшей ценностью и настоящим предметом философского внимания. Да и не будет ли преступлением перед самим собой единственную и бесценную жизнь растворить в некоем нереальном обществе, посвятить ее безличной истории или абстрактному человечеству? Косяк сельдей в море, говорят экзистенциалисты, зрелище, несомненно, впечатляющее, однако, каждая сельдь в нем равным счетом ничего не значит.

Но если признать, что экзистенция (индивидуальное существование человека) должна быть предметом изучения, то немедленно возникает вопрос: каким образом сделать ее этим предметом. Дело в том, что ее главным свойством является необъективируемость, то есть невозможность превратить ее в объект рассмотрения; это можно сделать с любым абсолютно предметом, но только не с экзистенцией. Нельзя же собственную жизнь (а она и является экзистенцией) сделать объектом наблюдения, то есть посмотреть на нее извне, со стороны. Наша жизнь всегда с нами и неотделима от нас, поэтому постижение ее представляет собой большую трудность. Экзистенция не поддается рациональному или научному позна-

нию, которое может иметь дело только с объектами. Значит, единственный способ постичь индивидуальное существование заключается в том, чтобы его пережить и описать так, как оно открывается в непосредственном переживании внутреннему чувству. Любая вещь, лучше всего понимается через свою противоположность. Так, например, мы знаем, что такое день только благодаря наличию его противоположности – ночи. Если, допустим, существовал бы только день, а ночи не было бы вовсе, то могли бы мы знать, что такое день? Коль скоро все познается через противоположное, то и существование или жизнь, стало быть, наиболее полно может раскрыться перед лицом смерти. Именно через нее мы можем уловить экзистенцию, увидеть ее, получить о ней некое представление. Поэтому тема смерти является одной из основных в экзистенциализме.

Почему человек задумывается о смысле жизни? Потому что есть смерть. Если бы ее не было, вопрос о смысле жизни не мог бы возникнуть. В чем он заключается? Зачем жить, если я все равно умру; и если мне суждено умереть, то, что я должен сделать в отпущенное мне время, чтобы моя жизнь что-то из себя представляла, была чем-то, была жизнью, а не пустотой или живой смертью? Что и зачем делать – вот суть всякого вопроса о смысле жизни. Но смертно ведь вообще все, отчего же только человек задается подобной проблемой? Потому что, и это главное, он знает о собственной смерти. Если бы не знал, то не ставил бы перед собой такого вопроса, как и в случае, если бы он был бессмертным. Животные тоже смертны, но не знают о смерти и потому безмятежны, боги знают о смерти, но бессмертны и потому блаженны. Между царством природы и миром богов находится человек – самое трагическое и несчастное существо, которому достался наиболее незавидный удел: и быть смертным и знать об этом. Неудивительно, что он произвольно и бессознательно пытается убежать от смерти. В чем это выражается? В его повседневной жизни. Посмотрите, как активно, полноценно, даже упоенно он живет: ставит перед собой цели, к чему-то стремится, чего-то избегает, радуется, печалится, негодует, надеется и постоянно что-то делает, борется и напрягается. Зачем все это, если в конце – смерть? К чему эти тысячи усилий? Человек живет так, будто бы смерти вовсе не будет, а если будет, то не с ним, а если и с ним, то слишком не скоро и настолько неизвестно когда, что, может

быть, и вообще не будет. В своей жизненной активности мы не только убегаем от смерти, но и боремся с ней, отрицаем ее каждым полноценным и жизнеутверждающим днем своего существования. Все сказанное прекрасно выражено в замечательных строках С.Я. Маршака:

Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет – наперекор всему, –
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

В самой основе человеческой жизни заключен парадокс: будучи неизбежно смертным и зная об этом, человек каждым мгновением своей жизни отрицает смерть. Получается, что он стремится сделать невозможное, совершить нереальное, осуществить неосуществимое. Эту трагическую и парадоксальную человеческую сущность очень хорошо уловили и выразили в мифических символах древние греки. Вспомним Сизифа, который был осужден богами вкатывать в гору тяжелый камень. Как только он достигает с неимоверными усилиями вершины горы, камень срывается и с грохотом падает вниз, а несчастный Сизиф спускается к подножию, чтобы вновь катить его, и так продолжается вечно. А дочери царя Даная должны были в подземном царстве Аида бесконечно наполнять водой с помощью ковшиков бездонный сосуд. Наказание же мифического героя Тантала заключалось в том, что он стоял по пояс в воде, томимый жаждой и голодом. Над ним висели на ветках деревьев прекрасные плоды. Как только он поднимал голову, чтобы вкусить их, ветви убегали вверх. Как только он опускал ее, чтобы напиться, вода уходила вниз, в результате чего он не мог сделать ни того, ни другого.

Но откуда у нас знание о смерти? Оттуда же, что и все остальные знания – из разумной нашей организации. Разум, а вернее сознание или духовная жизнь – главная отличительная черта человека, в силу которой у него есть то, чем не располагает ни одно другое существо на земле – свобода выбора между добром и злом. Человек знает, что хорошо и что плохо,

а значит перед его мысленным взором и душой всегда две возможности: я могу поступить дурно, но также могу совершить добродетельный поступок. Тигр, например, ничего не знает о добре и зле. Если к нему в клетку бросить цыпленка, он не может выбирать между убийством или дарованием жизни этому беззащитному существу, он ничего не знает и не может знать о хорошем и дурном, о двух принципиальных возможностях своего поведения, и именно поэтому у него нет выбора между ними. Он обречен, сделать только одно: в силу своего инстинкта хищника броситься на цыпленка и съесть его. Виноват ли он в этом случае в содеянном, несет ли за него ответственность? Не виноват и не ответственен, потому что, будучи лишенным всякого выбора, является несвободным существом. И совершенно иначе с человеком: зная о добре и зле и всегда имея возможность выбрать, он свободен в этом выборе и поэтому, если выбирает зло, то виноват в этом и несет полную ответственность. Таким образом, настоящая вина всегда свободна, где нет свободы, там нет и вины. Поэтому человек, как свободное существо, ответственен за все совершаемое им, но также – и за все, творящееся вокруг, потому что живет в происходящем, осознает его, а значит, в любом случае, является его участником.

Чувство вины и ощущение ответственности, равно как и страх перед смертью – слишком тяжелое бремя. Пытаясь избавиться от него, человек пытается растворить себя в обществе, утешаясь тем, что все когда-либо умирают, совершают маленькие или большие проступки и имеют за душой грехи, что обстоятельства порой сильнее его, а значит он не виноват в одном, не отвечает за другое и т.д. Однако, жизнь в обществе – это эфемерное, неподлинное, призрачное существование, потому что раствориться в массе людей невозможно. Свою индивидуальную жизнь или экзистенцию никуда не денешь, не спрячешь, не передашь другому. Она всегда и везде с тобой, и она – только твоя. Никто не проживет твою жизнь за тебя, никто не сможет умереть вместо тебя. Ты один на один со своей жизнью и помощи ждать неоткуда. В этом смысле каждый из нас безысходно одинок. Не лучше ли не убегать от себя, пытаясь не замечать трагических черт нашего существования, а открыто посмотреть в лицо собственной экзистенции и прожить свою жизнь так, чтобы быть оправданным перед лицом ее быстротечности и неизбежного конца?

ТЕМА 9 НАУКА В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА

1 Когда и где появилась наука

2 Особенности и критерии науки

3 Структура научного познания

4 Границы науки

5 Общие модели развития науки

6 Научные революции

1 Когда и где появилась наука?

Наука – это одна из форм духовной культуры, которая направлена на изучение естественного мира и базируется на доказательстве. Такое определение, несомненно, вызовет некоторое недоумение: если наука представляет собой форму духовной культуры, направленную на освоение естественного, или природного мира, тогда получается, что гуманитарные науки не могут быть науками, ведь природа не является объектом их изучения. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Всем известно, что науки делятся на естественные (или естествознание) и гуманитарные (также часто называемые социально-гуманитарными). Предметом естественных наук является природа, исследуемая астрономией, физикой, химией, биологией и другими дисциплинами; а предметом гуманитарных – человек и общество, изучаемые психологией, социологией, культурологией, историей и т. д.

Обратим внимание на то, что естественные науки, в отличие от гуманитарных часто называют точными. И действительно, гуманитарным наукам не хватает той степени точности и строгости, которая характерна для естественных. Даже на интуитивном уровне под наукой подразумевается в первую очередь естествознание. Когда звучит слово «наука», то прежде всего на ум приходят мысли о физике, химии и биологии, а не о социологии, культурологии и истории. Точно так же, когда звучит слово «ученый», то перед мысленным взором сначала встает образ физика, химика или биолога, а не социолога, культуролога или историка.

Кроме того, по своим достижениям естественные науки намного превосходят гуманитарные. За свою историю естествознание и базирующаяся на ней техника добились поистине фантастических результатов: от примитивных орудий труда до космических полетов и создания искусственного интеллекта. Успехи же гуманитарных наук, мягко говоря, намного скромнее. Вопросы, связанные с постижением человека и общества, по крупному счету, до настоящего времени остаются без ответов. Мы знаем о природе в тысячи раз больше, чем о самих себе. Если бы человек знал о себе столько же, сколько он знает о природе, люди, наверное, уже добились бы всеобщего счастья и процветания. Однако, все обстоит совсем иначе. Давным-давно человек вполне осознал, что нельзя убивать, воровать, лгать и т. п., что надо жить по закону взаимопомощи, а не взаимопоедания. Тем не менее, вся история человечества, начиная с египетских фараонов и заканчивая нынешними президентами, – это история бедствий и преступлений, которая говорит о том, что человек почему-то не может жить так, как он считает нужным и правильным, не может сделать себя и общество такими, какими они должны быть по его представлениям. Все это – свидетельство в пользу того, что человек почти нисколько не продвинулся в познании самого себя, общества и истории... Вот почему под понятиями *наука, научное познание, научные достижения* и т.п., как правило, подразумевается все, связанное с естествознанием. Поэтому, говоря далее о науке и научном познании будем иметь ввиду естественные науки.

Вышеобрисованные различия между естественными и гуманитарными науками обусловлены, конечно же, тем, что те и другие направлены на различные, несопоставимые друг с другом объекты и используют совершенно разные методы. Человек, общество, история, культура представляют собой неизмеримо более сложные для изучения объекты, чем окружающая нас неживая и живая природа. Естествознание широко и повсеместно пользуется экспериментальными методами, постоянно на них опирается. В области же гуманитарных исследований эксперимент является скорее исключением, чем правилом. В силу всего этого гуманитарные науки невозможно построить по образу и подобию естественных, равно как и нельзя обвинять их в недостаточной точности, строгости и малой, по сравнению с естествознанием, результативности. Ведь это, образно говоря, рав-

носило упреку, адресованному ручейку, в том, что он не водопад... Тем не менее наукой в полном смысле слова обычно считается естествознание.

Существует несколько точек зрения на время возникновения науки. Согласно одной из них она появилась еще в эпоху каменного века, около 2 млн. лет назад, – как первый опыт по изготовлению орудий труда. Ведь для создания даже примитивных орудий требуется некоторое знание о различных природных объектах, которое практически используется, накапливается, совершенствуется и передается из поколения в поколение.

Согласно другой точке зрения наука появилась только в эпоху Нового времени, в XVI–XVII вв., когда начали широко применяться экспериментальные методы, и естествознание заговорило на языке математики; когда увидели свет работы Г. Галилея, И. Кеплера, И. Ньютона, Х. Гюйгенса и других ученых. Кроме того, к этой эпохе относится и возникновение первых общественных научных организаций – Лондонского Королевского общества и Парижской академии наук.

Наиболее распространенной точкой зрения на время появления науки является та, по которой она зародилась приблизительно в V в. до н.э. в Древней Греции, когда мышление начало становиться все более критическим, т.е. стремилось в большей степени опереться на принципы и законы логики, а не на мифологические предания и традиции. Чаще всего можно встретить утверждение о том, что колыбель науки – Древняя Греция, а ее родоначальники – греки. Однако мы хорошо знаем, что и задолго до греков их восточные соседи (египтяне, вавилоняне, ассирийцы, персы и другие) накопили немало фактических знаний и технических решений. Разве смогли бы египтяне построить свои прославленные пирамиды, если бы не умели взвешивать, измерять, вычислять, рассчитывать и т. д., т.е. если бы не были знакомы с наукой? И все же ее родоначальниками считаются греки, потому что они первыми обратили внимание не только на окружающий мир, но и на сам процесс его познания, на мышление. Не случайно наука о формах и законах правильного мышления – логика Аристотеля – появилась именно в Древней Греции. Греки навели порядок в хаосе накопленных их восточными соседями знаний, решений, рецептов, придали им систематичность, упорядоченность и согласованность. Говоря иначе, они

стали заниматься наукой не только практически, но и, в большей степени, теоретически. Что это значит?

Египтяне, например, не были чужды науке, но занимались ей практически, т.е. измеряли, взвешивали, вычисляли и т.п. тогда, когда необходимо было что-либо соорудить, или построить (плотины, каналы, пирамиды и т.п.). Греки же, в отличие от них, могли измерять, взвешивать и вычислять ради самого измерения, взвешивания и вычисления, т.е. безо всякой практической нужды. Это и означает заниматься наукой теоретически. Причем практический и теоретический уровни отстоят друг от друга слишком далеко. Для иллюстрации этой мысли приведем пример-аналогию.

Каждый из нас практически начал пользоваться родным языком примерно в 2–3 года своей жизни, а теоретически мы стали его осваивать только со школьного возраста, занимаясь этим приблизительно 10 лет, и, все равно, в большинстве своем, так и не освоили до конца... Мы практически владеем родным языком и в 3 года и в 30 лет, но насколько разным является его использование в том и в другом возрасте. В 3 года мы владеем родным языком, не имея ни малейшего понятия не только о склонениях и спряжениях, но также – о словах и буквах, и даже о том, что язык этот русский, и что мы на нем говорим. В более старшем возрасте мы по-прежнему практически пользуемся родным языком, но уже – не только благодаря интуитивному знакомству с ним, но и, в большей степени, на основе его теоретического освоения, что позволяет нам использовать его намного более эффективно.

Возвращаясь к вопросу о родине науки и времени ее возникновения, отметим, что переход от ее интуитивно-практического состояния к теоретическому, который осуществили древние греки, был настоящей интеллектуальной революцией и поэтому может считаться отправной точкой ее развития. Также обратим внимание на то, что первый образец научной теории – геометрия Евклида – появилась, как и логика Аристотеля, в Древней Греции. Евклидова геометрия, которой 2,5 тысячи лет, до сих пор не устаревает именно потому, что представляет собой безупречное теоретическое построение: из небольшого количества простых исходных утверждений (аксиом и постулатов), принимаемых без доказательства в силу их очевидности, выводится все многообразие геометрического знания. Если

все признают исходные основания, то и логически вытекающие из них следствия (т. е. теория в целом) тоже воспринимаются как общезначимые и общеобязательные. Они уже представляют собой мир подлинного знания, а не просто мнений – разрозненных, субъективных и спорных. Этот мир обладает такой же неотвратимостью и непререкаемостью, как ежедневный восход солнца. Конечно, теперь мы знаем, что и очевидные основания геометрии Евклида возможно оспаривать, однако в пределах истинности своих оснований-аксиом, она по-прежнему несокрушима.

Итак, по наиболее распространенному утверждению наука появилась задолго до нашей эры в Древней Греции. В этот период и последующую за ним эпоху Средних веков она развивалась крайне медленно. Бурный рост науки начался приблизительно 400–300 лет назад, в период Возрождения, и, особенно, Нового времени. Все основные научные достижения, с которыми имеет дело современный человек, приходится на несколько последних столетий. Однако успехи науки в период Нового времени все же являются весьма скромными по сравнению с теми высотами, на которые она поднялась в XX веке. Мы уже говорили о том, что если бы можно было каким-нибудь чудом переместить средневекового европейца в нынешнюю эпоху, он не поверил бы своим глазам и ушам, счел бы все, что видит, наваждением, или сном. Достижения науки и базирующейся на ней техники (которая представляет собой прямое практическое следствие научных разработок) на рубеже веков являются действительно фантастическими и поражают воображение. Мы привыкли не удивляться им именно потому, что слишком тесно и часто с ними соприкасаемся. Для того, чтобы по достоинству оценить последние, надо мысленно перенестись всего на 400–500 лет назад, когда не было не только компьютеров и космических кораблей, но даже примитивных паровых машин и электрического освещения.

Наука XX в. характеризуется не только небывалыми результатами, но еще и тем, что ныне она превратилась в мощную общественную силу и во многом определяет облик современного мира. Сегодняшняя наука охватывает огромную область знаний - около 15 тыс. дисциплин, которые в различной степени отдалены друг от друга. В XX в. научная информация за 10–15 лет удваивается. Если в 1900 г. выходило около 10 тыс. научных журналов, то в настоящее время - несколько сотен тысяч. Более 90% всех

важнейших достижений научно-технического уровня приходится на XX век. 90% всех ученых, когда-либо живших на земле, - наши современники. Число ученых по профессии в мире к концу XX в. достигло свыше 5 млн человек.

Сегодня можно утверждать, что наука коренным образом изменила жизнь человечества и окружающей его природы. Однако вопрос о том – в лучшую или худшую сторону, является остро дискуссионным. Одни безоговорочно приветствуют успехи науки и техники, другие считают научно-технический прогресс источником многих несчастий, обрушившихся на человека в последние сто лет. Правоту тех или других покажет будущее. Мы же только отметим, что достижения науки и техники – это «палка о двух концах». С одной стороны они многократно усиливают современного человека по сравнению с людьми прошлых столетий, но с другой стороны так же многократно ослабляют его: современный человек, лишенный привычных ему технических благ, мягко говоря, намного уступает по силам и возможностям (как физическим, так и духовным) своим отдаленным и недавним предшественникам из предыдущего столетия, эпохи Нового времени, Средних веков или Древнего мира.

2 Особенности и критерии науки

Наука как самостоятельная форма духовной культуры характеризуется рядом специфических черт, отличающих ее от других форм духовной культуры. Перечислим наиболее важные особенности науки.

1 Наука изучает только то, что есть, т.е. уже существует, присутствует, наличествует само по себе и независимо от нас. Ее не интересует, почему (в конечном итоге, в смысле первопричины) это есть, что могло бы быть, что должно (в силу наших представлений и желаний) быть и, особенно, – хорошо или плохо то, что есть. Например, если мы спросим физика, что такое закон всемирного тяготения, он, конечно же, без труда ответит на этот вопрос. Однако если мы спросим его, почему существует закон всемирного тяготения, откуда он взялся, что могло бы быть вместо него, хорошо или плохо существование такого закона, и что-нибудь еще в этом роде, то он скажет, что эти вопросы не являются научными, т.е. находятся

вне компетенции науки, вне поля ее деятельности и сферы ее интересов. Неверным было бы утверждение о том, что наука не может ответить на данные вопросы, ведь если кто-то не может ответить на некий вопрос, это значит прежде всего, что он этим вопросом задается, интересуется, стремится найти на него ответ. Наука же принципиально не отвечает на подобного рода вопросы, не задается, не интересуется ими, или игнорирует их. Они находятся в ведении философии или религии, но не науки. Здесь могут сказать, что она сама себя ограничивает, преднамеренно сужая поле своей деятельности. Это действительно так. Наука не претендует на всеохватность и не стремится обрести абсолютную истину, ответив на все возможные вопросы. Но во многом благодаря этому сознательному самоограничению она с успехом решает те проблемы, которые перед собой ставит и добивается больших результатов на том поприще, которое она выбирает.

2 Наука базируется, как уже говорилось, на доказательстве, т.е. для нее имеет смысл только то, что можно подтвердить или опровергнуть. Если же некие положения (утверждения) невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, то они не имеют для науки никакого интереса, она ими не занимается. Обратим внимание на то, что и подтвердить, и опровергнуть означает доказать. Довольно часто термины «доказательство» и «подтверждение» воспринимаются как синонимы, что неверно. Подтверждение – это разновидность доказательства. Другой его разновидностью является опровержение. Подтвердить – это значит доказать истинность какого-либо тезиса, утверждения, положения, а опровергнуть – доказать его ложность. Опираясь на доказательство, научное знание характеризуется логической выводимостью одних положений из других, а также – систематичностью, упорядоченностью и согласованностью.

3 Наука стремится к большой степени точности и объективности своих утверждений, т.е. их общеобязательности и общепризнанности. Она стремится минимизировать субъективный элемент в своих построениях, добиться того, чтобы ее выводы и результаты были одинаково убедительными для всех людей, независимо от их личных особенностей, желаний, пристрастий и предпочтений (т. е. всего субъективного).

В отличие от научных знаний философские и религиозные идеи тесно связаны с факторами субъективного предпочтения. Например, некий фи-

лософ-материалист считает первоначалом мира вечную и бесконечную материю (условно говоря – мировое вещество), одной из форм которой является разумный человек, отличающийся от всех других объектов мироздания духовной жизнью, вторичной, таким образом, по отношению к материи. Другой же мыслитель-идеалист утверждает, что вечно существует и является первоначалом всего вовсе не материя, а нечто идеальное, духовное (Бог, Мировой разум, Абсолютная идея и т.п.), которое как бы развивается и воплощается во все объекты материального мира, вторичного, таким образом, по отношению к духу. Ни подтвердить, ни опровергнуть наверняка ту или другую точку зрения невозможно. Поэтому человеку ничего не остается, кроме как, по крупному счету, верить или не верить в то, что мир устроен так или иначе. Поэтому одни, в силу своих предпочтений, будут согласны с материалистами, а другие – с идеалистами. Такова, во многом, специфика философских идей.

Иначе обстоит дело с научными знаниями. Например, трудно не согласиться с тем, что два физических тела притягиваются друг к другу с силой прямо пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Несмотря на субъективные предпочтения каждый вынужден признать справедливость ньютоновского вывода о всемирном тяготении, хотя бы потому что постоянно испытывает на себе последнее и никуда не может от него деться. Обратите внимание, вполне можно сказать: «Я не согласен с тем, что первоначалом мира является материя, скорее всего в основе мироздания лежит дух...», но можно ли сказать: «Я не согласен с тем, что Земля шарообразна и вращается вокруг Солнца, по моему мнению она плоская, а Солнце вращается вокруг нее»?

4 Поскольку наука стремится к большой степени точности своих результатов, ей необходим строгий и однозначный язык, который четко фиксирует смысл и значение понятий. Естественный язык, т.е. тот, на котором мы говорим, читаем и пишем, малопригоден для этого, т.к. он содержит в себе множество предпосылок для неясности, неопределенности, неточности и размытости того содержания, которое может быть с помощью него выражено. Для иллюстрации приведем комический пример возможной двусмысленности и неопределенности естественного языка. Человек на приеме у врача-психиатра: «Доктор, мои родственники считают, что я со-

шел с ума». «Почему же они так думают?» – спрашивает врач. «Понимаете, доктор, – отвечает пациент, – я очень люблю сосиски». «Что же здесь странного? – удивляется врач, – я тоже люблю сосиски». «Правда, доктор, любите, – радостно восклицает пациент, – тогда пойдемте скорее, я покажу вам свою коллекцию». Подобных примеров неточности естественного языка можно было бы привести очень много. Причем эта неточность проявляется не только в анекдотах, но и во вполне серьезных ситуациях, тем самым создавая значительные коммуникативные помехи.

Понятно, почему наука пользуется не естественным, а искусственным языком. Что он собой представляет? Формулы, уравнения, условные обозначения, символы и т.п. Например, слово «вода» – это выражение естественного языка, а «H₂O» – выражение искусственного языка науки. В отличие от естественного языка последний намного более точен и строг; неясность и неопределенность в нем почти исключены. Кроме того, искусственный язык намного компактнее естественного и является международным: ученые всех стран могут общаться между собой на языке формул и уравнений без особенных затруднений, не страшась языковых барьеров, которые неизбежны при использовании естественного языка.

5 Помимо всего прочего наука также характеризуется тем, что интересуется не только окружающим человека миром, но и самим процессом его исследования. Она уделяет пристальное внимание методам познания природы, выделяясь среди других форм общественного сознания тем, что в ней методы получения нового знания стали предметом самостоятельного анализа. В настоящее время даже появилась самостоятельная научная дисциплина – «методология научного познания». **Методология** науки – это учение о научных методах, или теория методов. Наука критически рассматривает уже имеющиеся методы, продумывает пути более эффективного их использования, ищет новые методы, исследует саму процедуру их выработки и т.д. Методы познания – это инструменты науки. Образно говоря, она постоянно проверяет и перепроверяет свои инструменты: наводит порядок в старых, совершенствует их или заменяет более качественными, приобретает новые, учится ими пользоваться и т.д. и т.п. Всему этому и посвящена методология науки.

По большому счету человека всегда интересовали два вопроса: что такое какая-то реальность и как с ней обращаться. Метод дает ответы на вопросы второго типа, и во многих случаях именно эти ответы имеют решающее значение. В одной китайской притче щедрый рыболов делится уловом с голодным крестьянином. Но когда тот приходит за рыбой и во второй, и в третий раз, ему становится ясно, что решить проблему можно, только научив крестьянина самого ловить рыбу, вместо того, чтобы заниматься благотворительностью. Научить, как ловить рыбу, – это значит дать метод, систему правил, или приемов практической деятельности. Когда человек вооружен методом, он отчетливо видит путь реализации стоящих перед ним задач, знает, каким именно образом следует совершить требуемое действие и, скорее всего, достигнет желаемого результата. Строгость и точность научного знания, его систематичность и упорядоченность, а также значительные достижения науки во многом обусловлены тем, что одним из объектов ее исследования являются методы, с помощью которых она осваивает окружающий мир и проникает в тайны природы.

Таковы основные особенности науки. Теперь рассмотрим ее **критерии**, т. е. такие признаки, или показатели, с помощью которых можно отличить научное знание от псевдонаучного. Дело в том, что науку на протяжении всей ее истории сопровождала **псевдонаука** – совокупность различных идей и учений, только по внешним, формальным признакам сходных с научными, а на самом деле не имеющими с ними ничего общего, а также претендующими, как правило, на приобщенность к некому якобы тайному знанию, которое доступно немногим. Например, все хорошо знают, что такое астрономия, и что такое астрология. Первая представляет собой науку, вторая – псевдонауку. Однако, к сожалению, многие и по сей день воспринимают ее как науку и относятся к ней вполне серьезно. Как астрология сопровождала астрономию, так химию сопровождала алхимия, а арифметику – нумерология (якобы наука о том, что между числами, выражающими количество букв в имени, фамилии, а также – час, день, месяц, год рождения и т.п., и человеческими судьбами существует некая тайная связь, которую возможно постичь с тем, чтобы каким-то образом воздействовать на ход вещей). И если алхимия ушла в прошлое, то астрология и нумерология процветают поныне, равно как и иные псевдонауки, среди ко-

торых хиромантия, физиогномика, парапсихология, уфология и другие. Псевдонаучное знание также можно назвать лженаучным или околонуучным. Любопытно, что его представители и приверженцы обижаются на подобные эпитеты, но с благосклонностью воспринимают термины «паранаучное знание» и «паранаука». Греческая приставка «пара» переводится на русский язык как «около», т. е. «околонуучное» и «паранаучное» – это одно и то же...

Сопровождая науку на протяжении всей ее истории, псевдонаука обычно маскировалась под нее, «рядилась в ее одежды», прикрывалась ее заслуженным авторитетом. Поэтому наука выработала два критерия, на основании которых можно отграничить научное знание от псевдонаучного. Первый из них – это **принцип верификации** (от лат. *verus* – истинный и *facere* – делать), в силу которого только то знание является научным, которое можно подтвердить (так или иначе, прямо или косвенно, раньше или позже). Этот принцип был предложен известным английским философом и ученым XX в. Бертраном Расселом. Однако для отличения науки от псевдонауки одного только принципа верификации недостаточно: псевдонаука иногда так ловко и хитро выстраивает свои аргументы, что вроде бы все, о чем она говорит, подтверждается. Поэтому принцип верификации дополняется вторым критерием, который был предложен крупным немецким философом XX в. Карлом Поппером. Это **принцип фальсификации** (от лат. *false* – ложь и *facere* – делать), в силу которого только то знание является научным, которое можно (так или иначе, прямо или косвенно, раньше или позже) опровергнуть.

На первый взгляд принцип фальсификации звучит странно: понятно, что научное знание можно подтвердить, но как понимать утверждение, по которому его можно опровергнуть. Дело в том, что наука постоянно развивается, идет вперед: старые научные теории и гипотезы меняются новыми, опровергаются ими; поэтому в науке важна не только подтверждаемость теорий и гипотез, но и их опровержимость. Например, с точки зрения древней науки центром мира является Земля, а Солнце, Луна и звезды движутся вокруг нее. Это было именно научное представление, которое существовало и «работало» примерно две тысячи лет: в его рамках велись наблюдения, делались открытия, составлялись карты звездного неба, рас-

считывались траектории небесных тел. Однако со временем такое представление устарело: накопленные факты начали противоречить ему, и в XV в. появилось новое объяснение мирового устройства, по которому в центре Вселенной находится Солнце, а Земля вместе с другими небесными телами движется вокруг него. Такое объяснение, конечно же, опровергало древнее представление о Земле как центре мира, но от этого оно вовсе не переставало быть научным, а, наоборот, оставалось им, только для своего времени.

Если принцип верификации, взятый в отдельности, псевдонаука, в своем стремлении замаскироваться под науку, может обойти, то против двух принципов вместе (верификации и фальсификации) она бессильна. Представитель псевдонауки, конечно же, может сказать: «В моей науке все подтверждается». Но сможет ли он сказать: «Мои идеи и утверждения когда-либо будут опровергнуты и уступят место новым, более верным представлениям»? В том-то и дело, что не сможет. Вместо этого он скажет примерно следующее: «Моя наука древняя и тысячелетняя, она впитала в себя мудрость веков, и в ней ничто не подлежит опровержению». Когда он утверждает, что его идеи неопровержимы, он тем самым, по принципу фальсификации, объявляет их псевдонаучными. В отличие от него представитель науки, ученый, признает как подтверждаемость, на настоящий момент, так и будущую опровержимость своих идей. «Мои утверждения, – скажет он, – подтверждаются ныне так-то и тем-то, но пройдет время, и они уступят место новым представлениям, более основательным, и более верным».

Псевдонаука не может обойти принцип фальсификации, потому что она, в отличие от науки, не развивается, а стоит на месте. Сравнив достижения науки за 2,5 тысячелет с результатами псевдонауки, мы увидим, что успехи первой колоссальны, в то время как второй «похвастаться» нечем. Современные представители псевдонауки говорят человеку примерно то же самое (поменялась форма, но не содержание), что и древние шаманы, маги и колдуны.

Итак, если какое-то знание нельзя ни верифицировать (подтвердить), ни фальсифицировать (опровергнуть), то оно является псевдонаучным, лженаучным, околонучным, или паранучным, но, в любом случае, – не научным.

3 Структура научного познания

Структура научного познания включает в себя два уровня, или два этапа.

1 Эмпирический уровень (от греч. *empeiria* – опыт) – это накопление разнообразных фактов, наблюдаемых в природе.

2 Теоретический уровень (от греч. *theoria* – мысленное созерцание, умозрение) представляет собой объяснение накопленных фактов.

Нередко можно услышать ошибочное утверждение о том, что теория вытекает из фактов, или, иначе говоря, что с первого «этажа» научного познания (эмпирического) на второй (теоретический) есть плавный переход в виде некой удобной «лестницы». В действительности все обстоит иначе и сложнее. Теория не вытекает из фактов, по той причине, что они сами по себе ничего не говорят и ни о чем не свидетельствуют. Часто к слову «факты» применяется эпитет «голые». Наверняка, все сталкивались со словосочетанием «голые факты», но многие ли задумывались над тем, что оно означает? По всей видимости, данное понятие указывает на то, что факты безмолвны и из них ничего не вытекает, кроме... самих фактов. Например, существует постоянно наблюдаемый нами факт медленного дневного движения Солнца по небосводу с востока на запад. О чем он говорит? О том, что Солнце вращается вокруг неподвижной Земли? Или может быть о том, что, наоборот, Земля вращается вокруг неподвижного Солнца? Или же о том, что и Солнце и Земля вращаются друг относительно друга? А может быть не о том и не о другом, и не о третьем, а о чем-то еще? Как видим, на один факт приходится несколько различных и даже взаимоисключающих объяснений. Однако, если бы объяснение фактов, или теория вытекала непосредственно из них, то никаких разногласий не было бы: одному факту строго соответствовало бы только одно определенное объяснение.

Если теория вытекает не из фактов, тогда откуда она берется? Теория выдвигается человеческим разумом и применяется (прикрепляется) к фактам с целью их объяснения. Причем первоначально разум создает не теорию, а гипотезу, теоретическое предположение, своего рода предтеорию, которая мысленно накладывается на факты. Гипотеза – это предположение, как правило, научного характера, выдвигаемое с целью объяснения каких-

либо объектов, явлений, событий и т. п. От простого предположения, например, догадки, гипотеза отличается большей сложностью и обоснованностью. В том случае, если гипотеза согласует (состыкует) между собой факты, свяжет их в единую картину и даже предвосхитит обнаружение новых, еще неизвестных фактов, то она превратится в теорию и на долгое время займет господствующие позиции в том или ином разделе научного знания. Если же, наоборот, гипотезе не удастся согласовать между собой все имеющиеся в какой-либо области действительности факты и связать их в единую картину, то она будет отброшена и заменена новой гипотезой. Точно ответить на вопрос, почему некий ученый выдвигает для объяснения каких-нибудь фактов именно такую гипотезу, а не иную, невозможно, потому что ее создание – это во многом интуитивный акт, представляющий собой тайну научного творчества. Только после соотнесения гипотезы с фактами, выясняется ее большая или меньшая состоятельность, происходит ее подтверждение или опровержение. Как уже говорилось, гипотеза может накладываться на факты более или менее удачно, и именно от этого будет зависеть ее дальнейшая судьба.

Взаимодействие эмпирического и теоретического уровней научного познания можно условно сравнить со всем известной игрой в детские кубики, на которых изображены фрагменты различных картинок. Допустим, в набор входит девять кубиков. Каждая грань любого кубика является фрагментом какой-либо картинкой, состоящей, таким образом, из девяти частей. Поскольку у кубика шесть граней, то из набора можно составить шесть различных картинок. Чтобы ребенку было проще складывать кубики в определенной последовательности, к набору прилагается шесть картинок-трафареток, или рисунков, глядя на которые, он находит нужные фрагменты. Так вот, беспорядочно разбросанные кубики в нашей аналогии – это факты, а картинки-трафаретки – это мысленные построения (гипотезы и теории), на основе которых пытаются упорядочить и связать факты в некую систему. Если желаемая картинка из кубиков не получается с помощью выбранного трафаретного рисунка, значит выбран не тот рисунок и его следует заменить другим, соответствующим картинке, которую задумано построить. Так же, если с помощью некой гипотезы из имеющихся фактов не складывается упорядоченная картина, значит эта

гипотеза должна быть заменена какой-либо другой. Правильно выбранная трафаретка при составлении кубиков – это та самая гипотеза, которая удачно накладывается на факты, находит свое подтверждение и превращается в теорию.

Итак, научное познание состоит из двух «этажей»: нижнего – эмпирического и верхнего – теоретического. Причем второй «этаж», будучи надстроенным над первым, должен без него рассыпаться: теория для того и создается, чтобы объяснить факты (если их нет, то и объяснять нечего). Теоретический уровень познания невозможен без эмпирического, но это не означает, как уже говорилось, что теория вытекает из фактов. При всей взаимосвязи этих двух уровней, они, тем не менее, достаточно автономны: между нижним и верхним «этажами» научного познания не существует прямой и удобной «лестницы», попасть с одного на другой можно только «прыжком» или «скачком», который представляет собой не что иное, как выдвижение гипотезы с ее последующим подтверждением и превращением в теорию или же – опровержением и заменой новой гипотезой.

Большая часть современного научного знания построена с помощью **гипотетико-дедуктивного метода**, предполагающего выполнение алгоритма, который состоит из четырех звеньев. Сначала обнаруживаются определенные факты, относящиеся к какой-то области действительности. Затем выдвигается первоначальная гипотеза, обычно называемая рабочей, которая на основе некой регулярности, или повторяемости найденных фактов конструирует наиболее простое их объяснение. Далее устанавливаются факты, которые не встраиваются (не вписываются) в него. И наконец, уже с учетом этих выпадающих из первоначального объяснения фактов, создается новая, более разработанная, или научная гипотеза, которая не только согласует все имеющиеся эмпирические данные, но и позволяет предсказать получение новых, или, говоря иначе, из которой можно вывести (дедцировать) все известные факты, а также указание на неизвестные (т. е. пока не открытые). Например, при скрещивании растений с красными и белыми цветками у получающихся гибридов цветки чаще всего бывают розовыми. Это обнаруженные факты, на основе которых можно предположить (создать рабочую гипотезу), что передача наследственных признаков происходит по принципу смешивания, т.е. родительские признаки переходят к потомству в некоем промежуточном вари-

анте (такие представления о наследственности были распространены в первой половине XIX в.). Однако в это объяснение не вписываются другие факты. При скрещивании растений с красными и белыми цветками, пусть не часто, но все же появляются гибриды не с розовыми, а с чисто красными или белыми цветками, чего не может быть при усредняющем наследовании признаков: смешав, например, кофе с молоком, нельзя получить черную или белую жидкость. Для того, чтобы вписать эти факты в общую картину, требуется какое-то иное объяснение механизма наследственности, необходимо изобретение другой, более совершенной (научной) гипотезы. Как известно, она была создана в 60-х годах XIX в. австрийским ученым Грегором Менделем, который предположил, что наследование признаков происходит не путем их смешивания, а наоборот, посредством разделения. Наследуемые родительские признаки передаются следующему поколению с помощью маленьких частиц – генов. Причем за какой-либо признак отвечает ген одного из родителей (доминантный), а ген другого родителя (рецессивный), также переданный потомку, никак себя не проявляет. Вот почему при скрещивании растений с красными и белыми цветками в новом поколении могут быть или только красные, или только белые цветки (один родительский признак проявляется, а другой подавляется). Но почему появляются также растения с розовыми цветками? Потому что, нередко ни один из родительских признаков не подавляется другим, и оба они проявляются у потомков. Эта гипотеза, столь удачно объяснившая и согласовавшая между собой различные факты, превратилась впоследствии в стройную теорию, которая положила начало развитию одной из важных областей биологии – генетики.

Кстати, из-за распространенных в первой половине XIX в. представлений о наследственности, по которым при передаче признаков от одного поколения к другому происходит их смешивание, долгое время находилась под угрозой краха эволюционная теория Чарльза Дарвина, в основе которой лежит принцип естественного отбора. Ведь если происходит смешивание наследуемых признаков, значит они усредняются. Следовательно, любой, даже самый выгодный для организма признак, появившийся в результате мутации (внезапного изменения), со временем должен исчезнуть, раствориться в популяции, из чего вытекает невозможность действия естественного отбора. Британский инженер и ученый Френсис Дженкин доказал это

строго математически. «Кошмар Дженкина» на протяжении многих лет отравлял жизнь Ч. Дарвину, но убедительного ответа на вопрос он так и не нашел, иначе к его славе автора эволюционной теории добавилась бы еще и слава создателя генетики...

Обратим внимание на то, что удачность какой-либо гипотезы определяется не только численностью фактов, которые вписываются в нее (или выводятся из нее), но и количеством теоретических средств, которые для этого привлекаются. Гипотеза, а впоследствии и теория, является тем более эффективной и тем на более длительный срок определяет развитие какой-либо области научного знания, чем более малыми теоретическими средствами она объясняет по возможности больший круг явлений. Например, закон всемирного тяготения выражается довольно простым принципом: любые два тела притягиваются друг к другу с силой прямо пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Однако этим принципом объясняется очень широкий круг явлений окружающего мира: от падения яблока на землю до движения планет вокруг Солнца. Здесь следует отметить, что сказанное относится, по преимуществу, к общим гипотезам. Помимо общих, гипотезы также бывают частными и единичными.

С точки зрения логики гипотезы представляют собой высказывания, истинность или ложность которых еще не установлена. Поэтому наиболее простая их классификация опирается на форму суждений, в которых они выражаются. Таким образом, гипотезы, как и суждения, разделяются на общие, частные и единичные. Общие – это предположения обо всем множестве изучаемых объектов, частные – о некоторых элементах какого-либо множества, единичные – о конкретных, отдельных объектах или явлениях. Например, гипотеза: *Возможности любого человеческого организма в обычных условиях жизни задействованы в очень незначительной степени* является общей, гипотеза: *Некоторые звезды нашей Галактики имеют спутники-планеты, на которых есть благоприятные условия для зарождения и дальнейшей эволюции различных форм жизни* относится к частным, а гипотеза: *Солнечная система произошла из гигантской газовой-пылевой туманности под влиянием электромагнитных и гравитационных сил приблизительно 5 млрд лет назад* – к единичным.

4 Границы науки

Как уже говорилось, бурное развитие науки началось примерно в XVI–XVII вв. В эпоху Нового времени, с ней связывали большие надежды, ожидая от нее решения чуть ли не всех проблем человечества. Тогда казалось, что она всемогуща, и в скором времени, научное познание, нигде не встречая преград, проникнет во все тайны природы и достигнет исчерпывающего знания о мире, на основе которого станет возможным всеобщее благоденствие.

XVIII век вошел в историю под названием «века Просвещения». Философы и ученые этого периода потому и стали называться просветителями, что в числе их основных идей было утверждение, по которому все человеческие проблемы и несчастья связаны с недостаточным количеством знаний, с малой просвещенностью людей. Надо приумножить знания с помощью науки, считали они, просветить умы, и тогда жизнь обязательно изменится к лучшему.

В XIX в. восторженных ожиданий стало меньше: наука явно не справлялась с возлагаемыми на нее надеждами по достижению всеобщего процветания. Знаний было накоплено немало, люди стали намного более просвещенными по сравнению с предыдущими столетиями, а жизнь не менялась к лучшему: по-прежнему в обществе царили раздор, ложь, несправедливость. После XIX в. минуло еще сто с лишним лет, уровень знаний и просвещения поднялся на небывалую высоту, а общественное благоденствие остается сегодня, как и на заре человеческой истории, несбыточной мечтой. На рубеже XX–XXI вв. люди создали искусственный интеллект, стали осваивать бескрайние просторы космоса, но и сейчас, как тысячи лет назад, они ничего не могут поделать с тем, что живут по закону взаимопоедания, когда благополучие одних строится за счет страданий других. Получается, что дело не в знаниях, просвещении и научно-техническом прогрессе, а в чем-то совершенно другом... Теперь, с высоты прошедших столетий мы видим, что стоявшие у истоков бурного роста науки мыслители XVII в., которые предсказывали ее будущее всемогущие, и философы-просветители XVIII в., возлагавшие на нее большие надежды по преобразованию человеческой жизни, скорее всего, заблуждались. Более того, как

мы уже отмечали в начале этих лекций, неизвестно, куда заведет человечество прогресс науки и техники, под знаком которого прошел XX век.

Если в XIX в. люди всего лишь усомнились в неограниченных возможностях науки, то в настоящее время говорят о ее фундаментальных границах, т.е. о таких, которые она не сможет преодолеть никогда.

Первая граница обусловлена объектами и методами научного познания. Выше говорилось о том, что наука изучает только нечто уже данное, существующее и опирается на доказательство, т. е. включает в сферу своего внимания то, что можно подтвердить или опровергнуть. Понятно, что при этом огромное количество вопросов и проблем, причем очень широких и важных (например: Откуда произошел мир? Реальностью или иллюзией он является? Такой ли он на самом деле, каким мы его видим? Материя или дух лежит в основе всего? Кто такой человек, и в чем смысл его жизни? и т.п.), остается вне сферы ее интересов. Она принципиально не задается этими вопросами и никогда не будет искать ответы на них. Понятно, что если бы наука занималась подобными вопросами, она не была бы наукой. Получается, что данная ограниченность – это ее неотъемлемый признак, без которого она не будет самой собой. Поэтому она и является всего лишь одной из форм духовной культуры, наряду с другими ее формами, наиболее важные из которых – это философия, религия и искусство.

Занимаясь только тем, что есть, наука включает в поле своего зрения все, что так или иначе поддается наблюдению, описанию, измерению, вычислению и т.д. и предпочитает иметь дело с точными понятиями. Обратим внимание на то, что в естествознании повсеместно и широко употребляется понятие «Вселенная», но в то же время оно намного реже оперирует понятиями «мир», или «мироздание». В обыденном представлении Вселенная и мир – это, чаще всего, одно и то же: термин «Вселенная», как и «мир», обозначает все существующее. Однако наука, отдавая предпочтение строгим и определенным понятиям, никогда не стала бы иметь дело со «всем существующим», поскольку это нечто настолько неопределенное, что непонятно, как о нем вообще можно что-либо говорить а, тем более, делать предметом исследования. Поэтому, если под миром подразумевается «все существующее», то естествознание стремится избегать терминов «мир», или «мироздание». Зато «Вселенная» – это вполне научный, физи-

ческий термин, потому что он обозначает не «все существующее» (несмотря на то, что в нем вроде бы присутствует слово «все»), а всего лишь малую часть мироздания, которая доступна наблюдению, описанию измерению, вычислению и т.п. Обыденному сознанию может показаться странным, что у той Вселенной, о которой говорит наука и которая вовсе не является всем, есть и размеры, и время жизни и множество прочих параметров, поддающихся точному, математическому описанию. Но если Вселенная – это всего лишь часть мира, то могут быть и другие Вселенные, скажете вы и будете совершенно правы. Мы живем на планете Земля, однако есть и другие планеты. Мы находимся в Солнечной системе, но существует огромное множество иных планетных систем. Мы живем в галактике Млечный путь, но есть мириады других галактик. Наконец, мы находимся во Вселенной (или – нашей Вселенной, не имеющей никакого имени), но есть и другие вселенные, о которых, впрочем, говорит наука, нам ничего не известно, потому что максимум, с чем мы можем иметь дело (т. е. наблюдать, исследовать, изучать), – это как раз наша Вселенная.

Для иллюстрации вышесказанного приведем аналогию. Представьте себе темноту, в которой горит лампочка, освещая небольшое пространство вокруг себя. Мы можем говорить о лампочке и освещенном участке, потому что видим и то, и другое. Мы можем измерить эту освещенную область, потому что наблюдаем ее границы. Но что мы можем сказать обо всей прочей темноте? (Где она начинается? Где заканчивается? Велика ли по своим размерам? Что в ней есть помимо горящей лампочки?) Не очевидно ли, что ничего не можем сказать о ней? Так вот, освещаемое во мраке пространство – это, для науки, Вселенная, а вся остальная темнота – мир, или мироздание. Объектом изучения науки является Вселенная, потому что о ней можно говорить, в известной мере, строго и определенно; а мир, наоборот, не интересуется науку, потому что ничего точного и определенного о нем сказать нельзя. Неточные и неопределенные рассуждения о мире она оставляет философии и религии. Понятно, что исследуя Вселенную и отказываясь ставить более широкие вопросы, связанные с мирозданием, наука сознательно создает себе принципиальную и непреодолимую границу. Во избежание недоразумений следует отметить, что в научном обиходе иногда употребляется термин «мир» (например, в словосочетании «науч-

ная картина мира)), но – не как обозначение всего существующего, а в качестве синонима термина «Вселенная» в его строгом и определенном естественнонаучном смысле (т.е. «научная картина мира» – это то же самое, что и «научная картина Вселенной»).

Вторая граница науки порождается ее инструментальным характером. За время своего существования наука добилась колоссальных результатов и ответила на огромное количество вопросов. Теперь она знает, как добраться до Луны или Марса, как создать искусственный интеллект и даже – как клонировать самого человека. Однако, будучи в состоянии ответить на эти и множество других сложных вопросов, наука никогда не сможет ответить на один, с виду очень простой и бесхитростный вопрос, – зачем все это нужно (добраться до Марса, создавать искусственный интеллект, клонировать живые организмы и т.д.)? На этот вопрос может ответить только человек, наделенный свободой воли, т.е. свободой выбора между добром и злом; а наука всегда будет оставаться пассивным инструментом в его руках, который можно использовать как в благих, созидательных, так и в дурных, разрушительных целях.

Третья граница науки обуславливается специфическим характером научного познания, которое имеет одну важную и примечательную черту: чем больше наука открывает, тем большим становится количество принципиально невозможных вещей, т.е. тем больше она «закрывает». Например, открытие законов термодинамики (вспомним, основной ее закон – сохранения и превращения энергии – гласит, что энергия не может браться из ниоткуда и исчезать в никуда) показало принципиальную невозможность вечного двигателя – чудесной машины, над созданием которой много веков трудились ученые и изобретатели (только во второй половине XVIII в. Парижская академия наук приняла постановление не рассматривать более проектов вечного двигателя). Как классическая термодинамика «запретила» вечный двигатель, так же и теория относительности наложила строжайший запрет на превышение скорости света. Уже упоминавшийся нами философ Карл Поппер даже утверждал, что чем больше некая теория что-то запрещает, тем она лучше. Открывая человеку большие возможности, наука одновременно показывает и области невозможного. Причем, чем более она развита, тем больше «площадь» запрещенных областей.

Наука не является волшебницей, поэтому и мечтать рекомендует исключительно в «разрешенных» ей направлениях.

Четвертая граница науки связана с возрастом человечества. По современным научным представлениям Вселенная существует приблизительно 20 млрд лет, а человек современного типа – примерно 40 тыс.лет. Первые цивилизации появились приблизительно 5 тыс.лет назад, а возраст науки, как уже говорилось, насчитывает всего 2,5 тыс.лет. Срок жизни человечества и время существования науки неизмеримо малы на фоне возраста Вселенной, ведь 20 млрд лет по сравнению с 40 тыс.лет – это почти бесконечность. Понятно, что если бы человек прожил намного больше, и его возраст был бы хоть как-то сопоставим с возрастом Вселенной (например, 1 млрд лет вместо 40 тыс.), то он и знал бы о ней намного больше, чем знает сейчас. Иначе говоря, сколько бы еще человек не прожил и сколько бы не накопил научных знаний, все равно срок его жизни и все его знания по отношению к возрасту Вселенной будут оставаться ничтожно малыми.

Пятая граница науки определяется природой человека. По современным научным представлениям окружающая нас действительность подразделяется на три большие области, или сферы. Первая из них называется **макромиром** (от греч.makros – большой). Это то, что повседневно нас окружает. Расстояния в макромире измеряются миллиметрами, сантиметрами, метрами и километрами, а время – секундами, минутами, часами, месяцами и годами. Однако, по современным представлениям, помимо макромира есть еще две области природы. Одна из них – это **микромир** (от греч.mikros – маленький) – сфера необычайно малых объектов, – атомов и элементарных частиц, – где расстояния измеряются величинами от 10^{-8} до 10^{-16} см, а время жизни от бесконечности до 10^{-24} сек. Для пояснения скажем, что 10^{-10} см это величина, равная одной миллиардной части миллиметра, то есть, если один миллиметр на вашей линейке вы мысленно разделите на миллиард частей, то одна такая часть будет равна 10^{-10} см. Величина 10^{-16} см в миллион раз меньше, чем 10^{-10} см, то есть для того, чтобы представить себе величину 10^{-16} см надо один миллиметр поделить на миллион миллиардов частей и мысленно представить себе одну эту часть. Она будет равна 10^{-16} см. Что касается временных промежутков, то, 10^{-9} сек, например, – это одна миллиардная часть секунды. Другая область

природы – это **мегамир** (от греч. *mezas* – огромный) – сфера колоссальных космических расстояний и громадных временных промежутков. Расстояния в нем измеряются световыми годами, а время существования различных объектов – миллионами и миллиардами лет. Например, ближайшая к нам галактика – туманность Андромеды – находится от нас на расстоянии приблизительно 2 700 000 световых лет. Это значит, что для достижения этой галактики нам надо 2 700 000 лет (а один год, как известно, – это 365 дней) лететь к ней со скоростью света – 300 000 километров в секунду.

Человек родом из макромира или, говоря иначе, он обладает макроприродой, и поэтому ему довольно трудно исследовать то, что происходит в микро- и мегамирах, ведь для полноценного постижения этих областей ему надо быть, условно говоря, размером с электрон или с галактику. Но неужели современная наука не изучает микро- и мегамир, спросите вы. Конечно же, изучает, но не так успешно и эффективно, как макромир. Насколько благополучно обстоят дела в изучении последнего, настолько же с малыми результатами продвигается естествознание в освоении двух других областей природы. Насколько много существует твердых положений и точных теорий, посвященных макромиру, настолько же мало в науке чего-либо надежно установленного и общепризнанного, относящегося к микро- и мегамиру: до настоящего времени там царят, по большей части, гипотезы и догадки. Здесь может возникнуть вопрос: как можно говорить о малой результативности тех областей науки, которые занимаются изучением микромира, если в нашу жизнь давно уже вошли атомные электростанции, например, и ядерное оружие – технические результаты научных исследований микромира? По этому поводу авторы одной известной научно-популярной книги говорят, что ученые, изучающие микромир, находятся в настоящее время «...в таком же примерно положении, как каменщик, который умеет складывать из кирпичей здание, но о многих свойствах самих кирпичей, может быть, даже о том, как они делаются, имеет лишь смутное представление». (Григорьев В. И., Мякишев Г. Я. Силы в природе. Издание седьмое. М.: Наука, 1988. С. 277).

Человек познает природу с помощью мышления, а полученные им знания находят свое выражение в языке. Таким образом, мышление и язык – это инструменты познания. Однако человек неизбежно обладает макро-

мышлением и макроязыком. И с этими макроинструментами он пытается исследовать микро- и мегаобласти окружающего мира. Получается, что инструмент познания не соответствует его объектам. Приведем аналогию: вам предлагают покрасить шестнадцатизэтажный дом... акварельной кисточкой или, наоборот, – нарисовать маленькую акварельную картинку размером 5х5 сантиметров с помощью... малярного валика. Понятно, что и в том и в другом случае ничего не получится именно по причине несоответствия объектов и направленных на них инструментов. Здесь могут возразить, что существует универсальный язык для описания каких угодно объектов – язык математики, который, будучи предельно абстрактным, вполне может быть одним из эффективных инструментов для освоения микро- и мегамира. Однако и божественная (как говорили древние философы) математика родом из привычного нам макромира, ведь она родилась из практических потребностей и интересов, которые, конечно же, имеют макроприроду.

5 Общие модели развития науки

До XX в. считалось, что наука развивается плавно, постепенно, эволюционно: год за годом накапливаются новые факты, делаются научные открытия, приумножаются теории, в результате чего люди узнают о природе все больше и больше. Рост научного знания, по этим представлениям, можно условно сравнить с постепенным подъемом уровня жидкости в сосуде, в который она непрерывно наливается: с каждой секундой этот уровень становится все выше.

В XX в. представление радикально изменилось: теперь считается, что в развитии науки есть не только эволюция, которая выражается в постепенности, плавности и последовательности, но и революции, т.е. кризисы, обвалы, скачки, перестройки и т.п. В настоящее время существует множество общих моделей развития науки. Наибольшую известность приобрели в XX в. модель американского ученого Томаса Куна и модель британского ученого Имре Лакатоса.

С точки зрения Куна развитие науки представляет собой смену научных парадигм. Парадигма, в широком смысле слова, – это совокупность каких-либо идей, взглядов, положений и т.п. **Научная парадигма** пред-

ставляет собой систему наиболее общих, широких научных представлений об окружающем мире. Приведем несколько примеров научных парадигм.

1 Геоцентрическая парадигма (греч. *ge* – Земля) Аристотеля-Птолемея – представление, по которому в центре окружающего мира находится неподвижная Земля, а Солнце, Луна, звезды и другие небесные тела движутся вокруг нее. Эта парадигма просуществовала приблизительно 2000 лет.

2 Гелиоцентрическая парадигма (греч. *helios* – Солнце) Коперника-Галилея-Ньютона – представление, по которому в центре Вселенной находится Солнце, а Земля, вместе с другими небесными телами, движется вокруг него. Эта парадигма просуществовала примерно 500 лет.

3 Релятивистская парадигма Эйнштейна – представление, по которому у Вселенной вообще нет центра, равно как и границ, а вернее ее центром можно считать любую точку, только это будет условный, относительный центр (лат. *relativus* – относительный). Эта парадигма существует примерно 100 лет.

Можно привести и другие примеры научных парадигм, среди которых механика Ньютона, теория относительности Эйнштейна, теория эволюции Дарвина и т.п.

Та или иная парадигма какое-то время господствует в науке, определяет направление ее развития; в рамках парадигмы накапливаются факты, делаются научные открытия, создаются новые теории. Содержание научной парадигмы отражено в трудах крупнейших ученых и учебниках, а основные ее идеи проникают даже в массовое сознание через научно-популярную литературу. Причем во время господства той или иной парадигмы, ее положения признаются и разделяются всеми представителями научного сообщества: никто, как правило, не сомневается в ее верности и эффективности. Кстати, отправным пунктом размышлений Куна над проблемами эволюции науки стал отмеченный им любопытный факт: ученые-обществоведы и гуманитарии славятся своими разногласиями по фундаментальным вопросам, исходным основаниям своих теорий; в то время как представители естествознания по такого рода проблемам дискутируют редко, большей частью – в периоды так называемых кризисов в их науках. В обычное же время они относительно спокойно работают и как бы молчаливо поддерживают неписаное соглашение: пока храм науки не шатается,

качество его фундамента не обсуждается. Возможно, в этом заключается одна из причин большой результативности естественных наук и весьма скромных достижений гуманитарных: первые, построив фундамент, давно приступили к сооружению самого здания, а вторые, в основном, занимаются только тем, что постоянно строят и перестраивают фундамент.

В естествознании также случаются перестройки фундамента научного знания, но крайне редко. Это происходит тогда, когда очередная парадигма устаревает, т.е. уже с трудом справляется с объяснением новых фактов, утрачивает прежнюю широту научного видения мира, начинает тормозить дальнейшее поступательное развитие науки. В этом случае происходит научная революция, и старая парадигма меняется новой. Причем появляется несколько альтернативных вариантов новой парадигмы, и прогрессивное научное сообщество выбирает одну из них, как считает Кун, во многом стихийно, случайно, немотивированно, или иррационально, т.е. не на основе логики и жесткого расчета, а, в большей степени, на основе ощущения, интуиции, интуиции.

Переходы от одной научной парадигмы к другой Кун сравнивал с обращением людей в новую религиозную веру: мир привычных объектов предстает в совершенно ином свете благодаря решительному пересмотру исходных объяснительных принципов. Аналогия с обращением в новую веру понадобилась ему для того, чтобы подчеркнуть, что смену парадигм нельзя объяснить строго рационально, т.е. с помощью одной только логики. Утверждение новой парадигмы осуществляется в условиях мощного противодействия сторонников прежней. Причем новаторских подходов, как уже говорилось, может оказаться несколько. Поэтому выбор принципов, которые составят будущую успешную парадигму, осуществляется учеными не столько на основании логики или под давлением эмпирических фактов, сколько в результате внезапного озарения, просветления, иррациональной веры в то, что окружающий мир устроен именно так, а не иначе.

По Куну развитие науки можно условно сравнить не с ростом симметричного дерева, тянущегося строго вверх, к солнцу, появление каждой ветки которого предсказуемо; а с ростом несимметричного кактуса, прирост которого может начаться с любой точки его поверхности и продолжаться в любую сторону. Причем, с какой стороны научного «кактуса»

возникнет вдруг «точка роста» новой парадигмы, принципиально непредсказуемо. Какая именно точка из многих возможных «пойдет в рост», зависит от случайного стечения обстоятельств. Из всего сказанного следует, что наша сегодняшняя научная картина мира могла бы быть совершенно другой. Какой именно, сказать невозможно (современная научная парадигма уже выбрана – примерно сто лет назад), но наверняка – не менее логичной, обоснованной и последовательной, чем нынешняя.

Другую общую модель развития науки предложил британский ученый Имре Лакатос. Она в общих чертах похожа на модель Куна, однако имеет одно принципиальное отличие от нее. По Лакатосу смена парадигм, или, по его словам, научно-исследовательских программ происходит не стихийно, а рационально, т.е. на основе жестких логических критериев. Итак, вместо термина «парадигма» Лакатос употребляет термин «научно-исследовательская программа». Также, он говорит об определенной структуре такой программы, включающей в себя три элемента.

1 «Жесткое ядро» – это основные, или базисные положения (идеи) научно-исследовательской программы, которые подвергаются сомнению в последнюю очередь. Например, для геоцентрической научно-исследовательской программы (модели, парадигмы) главным положением является идея о том, что неподвижная Земля находится в центре окружающего мира, а все небесные тела вращаются вокруг нее.

2 «Негативная эвристика» (лат. *negativus* – отрицательный и греч. *heurisko* – находить) – это своеобразный «защитный пояс» для «жесткого ядра», представляющий собой предположения и допущения, которые призваны преодолеть противоречия, возникающие между ним и какими-либо вновь обнаруженными фактами. Например, с точки зрения геоцентрического представления все небесные тела должны совершать для земного наблюдателя одни и те же движения с одинаковыми траекториями: ведь Земля неподвижна, а они вращаются вокруг нее. Однако наблюдение показывает, что небесные тела движутся по-разному: одни из них имеют правильные круговые траектории, другие совершают странные петлеобразные движения. Таким образом, между «жестким ядром» геоцентризма и фактами есть противоречие. Понятно, что при этом никто не ставит под сомнение геоцентрическую модель и не предполагает, что Земля находится не в

центре всего, а тоже движется вокруг какого-то другого центра. Вместо этого можно предположить, что некачественно проведено наблюдение, присутствуют некие возмущающие факторы, которые искажают ту картину вещей, которую мы должны видеть, а также, в иных случаях, – неточны измерения, ошибочны расчеты и т.п.

3 «Позитивная эвристика» (лат. *positivus* – положительный и греч. *heurisko* – находить) – это создание таких положений и идей, которые направлены на изменение и развитие «опровержимых вариантов» научно-исследовательской программы, или, говоря иначе, на – своего рода улучшение, совершенствование, модернизацию ее «жесткого ядра». Например, создатель геоцентрической модели Птолемей, пытаясь объяснить разницу в траекториях небесных тел, говорил, что одни из них непосредственно движутся вокруг Земли по своим орбитам, а другие совершают двойное движение: они вращаются вокруг неких своих центров, которые сами движутся вокруг Земли; в силу чего, для земного наблюдателя, эти небесные тела совершают не правильные круговые, а петлеобразные движения. Обратим внимание, все это построение направлено на то, чтобы улучшить и упрочить геоцентрическую идею, развить и усовершенствовать ее.

Благодаря «позитивной эвристике» ученые, работающие внутри какой-либо научно-исследовательской программы, могут долгое время игнорировать критику и противоречащие факты. Они вправе ожидать, что «позитивная эвристика» приведет в конечном итоге к объяснению непонятных, или «непокорных» фактов.

Однако рано или поздно позитивная эвристическая сила той или иной научно-исследовательской программы исчерпывает себя, т.к. «жесткое ядро» когда-то устаревает и не поддается больше улучшению и модернизации, подобно тому, как реконструкция здания не может продолжаться бесконечно: в некий момент его необходимо сломать и построить новое. Замена «жесткого ядра» означает смену научно-исследовательской программы. Вытеснение одной программы другой представляет собой научную революцию. Причем качество и эффективность конкурирующих программ оценивается учеными вполне рационально. Вот что говорит по этому поводу Лакатос: «программа считается прогрессирующей тогда, когда ее теоретический рост предвосхищает ее эмпирический рост, т.е. когда она с

некоторым успехом может предсказывать новые факты ... программа регрессирует, если ее теоретический рост отстает от ее эмпирического роста, т.е. когда она дает только запоздалые объяснения либо случайных открытий, либо фактов, предвосхищаемых и открываемых конкурирующей программой» (Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С.219–220).

Итак, с точки зрения Куна развитие науки представляет собой последовательную смену научных парадигм, которая происходит, главным образом, иррационально; а согласно Лакатосу – смену научно-исследовательских программ, происходящую рационально. Причем и по Куну, и по Лакатосу эта смена находит свое выражение в научных революциях, которые, таким образом, играют главную роль в развитии науки, представляют собой некие узловые, этапные моменты ее истории. Понятно, что между научными революциями (которые совершаются редко), в периоды господства какой-либо парадигмы, или научно-исследовательской программы происходит спокойное, безкризисное развитие науки – научная эволюция.

6 Научные революции

Мы уже знаем, что ведущая роль в развитии науки принадлежит научным революциям, которые, случаясь довольно редко, тем не менее, являются главными и наиболее важными моментами в ее истории.

Слово «революция» означает переворот. В применении к науке, следовательно, – радикальное изменение всех ее элементов: фактов, закономерностей, теорий, методов. Некоторое недоумение может вызвать утверждение об изменении фактов. Разве можно их изменить? Конечно же, твердо установленные факты изменить нельзя. Однако, как уже говорилось при рассмотрении взаимодействия эмпирического и теоретического уровней научного познания, в науке имеют значение не сами факты, а их интерпретация, или объяснение. Факт, не включенный в какую-либо объяснительную схему, науке безразличен. Только вместе с той или иной интерпретацией он получает смысл, становится «хлебом науки». В то же время объяснения фактов подвержены порой самым радикальным изменениям. Вспомним, наблюдаемый ежедневно факт движения Солнца по небосводу с Востока на

Запад поддается нескольким различным интерпретациям. В данном случае переход от одного способа объяснения к другому и есть научная революция.

Объяснительные схемы для фактов предлагаются различными теориями. Множество теорий, в совокупности описывающих известную человеку природную реальность, образуют **единую научную картину мира**, которая является, таким образом, целостной системой представлений о наиболее общих принципах и законах устройства Вселенной. Обратим внимание на то, что в словосочетании «научная картина мира» слово «мир» понимается не в предельно широком и неопределенном смысле как «все существующее», а вполне определено и конкретно – как окружающий человека мир, природа, Вселенная, или, говоря иначе, как доступная научному наблюдению, описанию и исследованию действительность.

О глобальном перевороте (революции) в области науки можно говорить лишь в том случае, когда налицо изменение не только отдельных принципов, методов или теорий, но – обязательно всей научной картины мира. Понятно, что поскольку последняя характеризуется прежде всего широтой и обобщенностью, ее радикальное изменение невозможно свести к отдельному, пусть даже крупнейшему научному открытию. Оно, однако, может породить некую цепную реакцию, способную дать целую серию научных открытий, которые и приведут в конечном итоге к смене научной картины мира. В этом процессе наиболее важны открытия в фундаментальных науках, в частности в физике и астрономии. Также, если вспомнить о том, что наука – это, прежде всего метод, то нетрудно предположить следующее – смена научной картины мира должна означать и значительную перестройку методов получения нового знания.

Четко и однозначно фиксируемых радикальных смен научных картин мира, или научных революций в истории развития естествознания можно выделить три. Если персонифицировать их по именам ученых, сыгравших в этих событиях наиболее заметную роль, то три глобальные научные революции должны называться: аристотелевской, ньютоновской и эйнштейновской. Эти революции сформировали и соответствующие научные картины мира, о которых более подробно пойдет речь в следующих лекциях.

Три научные революции обусловили три длительных стадии развития науки, каждой из которых соответствует своя картина мира. Это, конечно

не означает, что в истории науки важны одни лишь революции. В промежутках между ними также делаются научные открытия и создаются новые теории. Однако несомненно, что именно революционные изменения, затрагивающие основы науки, определяют общие контуры научной картины мира на длительный период.

Между аристотелевской и ньютоновской революциями лежит исторический период почти в 2000 лет; Эйнштейна от Ньютона отделяют немногим более 200 лет. Но не прошло и 100 лет со времени появления нынешней научной картины мира, как у многих ученых возникло ощущение близости новой научной революции. Таким образом, можно утверждать, что историческое развитие науки происходит с ускорением.

Однако научные революции (в отличие от общественно-политических) не пугают людей. Наоборот, среди ученых утвердилась вера в то, что эти революции, во-первых, представляют собой необходимый элемент в развитии науки, а во-вторых, не только исключают, но, напротив, предполагают взаимосвязь между старыми и новыми научными знаниями и представлениями. Известный датский ученый XX века Нильс Бор сформулировал так называемый **принцип соответствия**, который гласит: всякая новая научная теория не отвергает начисто предшествующую, а включает ее в себя на правах частного случая, то есть устанавливает для прежней теории ограниченную область применимости. И при этом обе теории (старая и новая) вполне могут мирно существовать. Для иллюстрации этого принципа приведем несколько примеров.

Гелиоцентрическое представление об окружающем мире вроде бы полностью отрицает собой геоцентрическое, навсегда отвергает его. Примем гелиоцентрическую модель за верную и рассмотрим небольшую область Вселенной, маленький ее фрагмент, а именно – Землю и ближайшее окружающее ее пространство, например, до Луны, не дальше. Теперь зададимся вопросом: что будет центром в этой области, или фрагменте окружающего мира? Конечно же, Земля. Причем утверждение о ней как о центре всего для данного избранного нами масштаба является вполне справедливым, и если нам придется вести какие-либо научные наблюдения, измерения или исследования применительно к этому небольшому пространству Вселенной, мы будем исходить из утверждения о центральном

положении Земли. Получается, что в указанном масштабе древний геоцентризм является верным и отнюдь не отрицается гелиоцентризмом. Говоря иначе, гелиоцентризм не исключает геоцентризм, а включает его в себя на правах частного случая, момента, фрагмента, детали и т.п., устанавливает для него ограниченную область применения.

Рассмотрим еще один пример. В глубокой древности люди считали Землю плоской. На первый взгляд утверждение о том, что Земля шарообразна, напрочь отрицает, или отвергает представление, по которому она плоская. Возьмем какой-нибудь небольшой участок Земли в масштабах, например, района, в котором вы живете или города и зададимся вопросом: плоской или круглой она является в этом случае? Конечно же, плоской, потому что кривизна или шарообразность ее поверхности в избранных нами пределах ничтожно мала, равна почти нулю. Причем проводить какие-либо измерения, делать вычисления или составлять карту местности в данной ситуации мы будем, исходя из того, что Земля является не круглой, а плоской. Получается, идея о том, что Земля плоская не отрицается положением о ее шарообразности, а, наоборот, включается в него, но в качестве частного случая.

Наконец, самый простой пример, с которым, наверное, все когда-либо сталкивались, заключается в следующем. Когда мы едем на автомобиле по МКАДу, т.е. по кольцу, то почему-то не замечаем никакого кольца, и движемся по ровной и прямой линии, уходящей вдаль и никуда не поворачивающей. Понятно, что это недоразумение объясняется элементарно: каждый конкретный небольшой участок огромной по протяженности кольцевой дороги, представляет собой не кривую, а прямую линию, в силу того, что кривизна в данном случае не принимается в расчет. Таким образом, тезис о том, что путь прямой, не исключается утверждением о его кольцеобразности, а включается в него на правах фрагмента.

Итак, каждая новая теория в частности, равно как и научная картина мира в целом не уничтожает предыдущую, а, являясь более широкой, включает ее в себя. Кроме того, не будем забывать о том, что без предыдущего не могло бы быть и последующего, или, говоря иначе, любые новые взгляды, идеи и теории обязаны своим появлением на свет всем старым представлениям, существовавшим задолго и незадолго до них.

ТЕМА 10 ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

- 1 Обратная сторона прогресса*
- 2 Истощение земных ресурсов*
- 3 Загрязнение окружающей среды*
- 4 Рост радиационной опасности*
- 5 Увеличение численности населения*
- 6 Пути выхода из кризиса*

1 Обратная сторона прогресса

По поводу возможного будущего человечества в современной науке существуют различные точки зрения. Одни ученые говорят, что человеческое общество движется по пути прогресса и в дальнейшем поднимется на более высокую ступень развития. Другие же, наоборот, считают, что человечество идет путем регресса, и в будущем обречено на гибель. Хорошо, если правы первые. Но если может быть так, как предсказывают вторые, необходимо безотлагательно задуматься над их прогнозом и что-либо предпринять. Как то ни печально, но к концу XX века стало совершенно очевидным, что оснований для безрадостных прогнозов более, чем достаточно. Современный мир столкнулся с такими проблемами, которые в недалеком будущем смогут столкнуть человечество в бездну уничтожения. Это проблемы не конкретных стран, народов или континентов. Перед их лицом абсолютно равны все нации и государства. Это проблемы всего человечества, они носят планетарный масштаб и поэтому часто называются глобальными. Понятно, что и решить их возможно только совместными усилиями всех жителей одного большого дома, имя которому – планета Земля.

Для утверждения о том, что человечество движется по пути прогресса есть немало оснований. Во многих областях нашей жизни прогрессивное развитие налицо. Например, в экономической сфере за свою недолгую историю человек достиг грандиозных результатов. Всего за 5 тысяч лет (в то время как Homo Sapiens существует приблизительно 40 тысяч лет) мы

продвинулись по экономическим показателям далеко вперед. Из каменных пещер люди перебрались в комфортабельные квартиры, а вместо звериных шкур стали одеваться в удобную и модную одежду. Теперь нам не надо день и ночь сторожить огонь, который может погаснуть и тем самым привести нас к верной гибели от холода и голода. В отличие от наших первобытных предков мы не приходим в ужас от стихийных бедствий и природных катаклизмов, потому что знаем их причины и умеем с ними бороться. Нам не надо постоянно спасаться и прятаться от хищных зверей и других опасностей, которые не так давно подстерегали человека на каждом шагу. Мы сейчас более или менее уверены в себе и в завтрашнем дне, чего никак нельзя сказать о наших первобытных предшественниках, жизнь которых была настолько тяжела, опасна и непредсказуема, что могла оборваться в любую минуту. Одним словом, с экономической точки зрения мы ныне живем в сотни раз лучше, чем 5 тысяч лет назад, а это значит, что наличие прогресса в данной сфере никак нельзя отрицать.

Очевиден также прогресс в области образования. Мы сейчас знаем гораздо больше, чем наши далекие предки. Когда-то умение читать и писать было привилегией немногих богатых и знатных людей, теперь же трудно встретить человека, который не умел бы этого делать. Некогда в тайны природных явлений были посвящены только представители особой исключительной касты (сословия) жрецов, ныне невозможно найти человека, который не знал бы почему меняются времена года, как размножается живая природа, сколько планет вращается вокруг Солнца, из чего состоят все физические тела, каким образом вода превращается в пар и лед, что представляют собой пролетающие над нами кометы, в чем причина солнечных затмений и многое другое. Конечно же, нынешний уровень знаний – это результат огромного опыта, накопленного сотнями прошедших по Земле поколений. По крупному счету, нам нечем гордиться, так как все, что мы сейчас знаем и умеем обусловлено жизнью и деятельностью наших далеких и недавних предков. Но несомненно, что современный школьник подчас знает больше, чем древний или средневековый ученый, из чего следует явное наличие образовательного прогресса.

Также можно отметить прогресс в области медицины или здравоохранения. Давно ушли в прошлое времена, когда некоторые страшные болез-

ни, например, чума, оспа или холера казались неизлечимыми, выкашивали целые города и даже континенты и считались божественным наказанием, посланным людям за их земные грехи. Медицина нашла эффективные и надежные средства борьбы с этими и многими другими недугами, благодаря чему они не представляют в настоящее время серьезной опасности. Правда, вместо старых появились новые страшные болезни, но несомненный исторический прогресс в области медицины позволяет надеяться, что с течением времени человек будет в состоянии справиться и с ними.

Невозможно не заметить прогресса в сфере правосознания, то есть очевидно, что человек все более понимает права и обязанности каждого по отношению к любому другому, что человечество все более осознает те принципы и нормы, соблюдение которых сможет сделать общественную жизнь лучше и справедливее. Когда-то человек понял, что нельзя есть людей из своего племени, потом осознал, что нежелательно поедать и представителей чужого племени, через какое-то время он понял, что вообще нельзя не только поедать, но и убивать себе подобного и, наконец, в настоящее время жизнь, свобода и собственность считаются неотъемлемыми человеческими правами: они дарованы каждому из нас самой природой и поэтому никто не вправе покушаться на них. Права человека, конечно же, повсеместно нарушаются в современном мире, но несомненно, что человеческая жизнь теперь является гораздо большей ценностью, чем в дикие времена пятитысячелетней давности, когда она почти ничего не стоила и могла в одночасье сгинуть без суда и следствия.

Можно назвать и другие виды прогресса, но, наверное, наиболее важным является научно-технический прогресс, от которого прямо или косвенно зависят все перечисленные выше виды прогресса. Невозможно не поразиться тем колоссальным достижениям, которые сделала наука и техническая мысль всего за 5 тысяч лет. За это время от примитивного каменного топора люди перешли к сложнейшим машиностроительным станкам, от звериных шкур, сырых пещер и борьбы за огонь – к современным небоскреbam и мощным электростанциям, от собирательства и охоты – к выведению новых видов растений и животных. Трудно представить себе этот грандиозный научно-технический шаг, ведь если бы мы лет 500 назад сказали любому жителю средневековой Европы, что он, не выходя из своего

дома, сможет видеть происходящее на другом конце планеты и разговаривать с другом, находящимся за тридевять земель от него, он ни за что не поверил бы нам, назвав все это небылицами, сказками, колдовством, волшебством или еще чем-нибудь в этом роде. Если бы мы сказали древнему египтянину или индусу, или греку, что человек способен лететь по небу со сверхзвуковой скоростью, на многие километры опускаться в глубины океана, ходить по поверхности Луны, все они, наверное, сочли бы нас сумасшедшими. Сегодня же все это – повседневная и привычная реальность, в которой нет ничего удивительного.

Приспособления, созданные человеком и намного превосходящие его физические возможности, никого не удивляют уже 300 лет. Человек победил свою мускульную силу в XVII веке: появилась паровая машина. С тех пор всем стало ясно: как бы ни были сильны и быстры ноги, совершенно бесполезно пытаться обогнать паровоз. В настоящее время научная мысль продвинулась гораздо дальше: в XX веке человек преодолел уже не физическую, а интеллектуальную (умственную) свою мощь, создав компьютер. Этот шаг является принципиально новым в истории научно-технических достижений и открывает собой целую эпоху. Ведь все ранее изобретаемые машины были рассчитаны на физические действия: поднимать, передвигать, забивать, резать, качать, нагревать, прессовать и т.д. и т.п. Они должны были заменить мышцы наших слабосильных рук и ног. Теперь же человек создал машину, которая рассчитана на интеллектуальные действия и может заменить человеческий разум. То, что компьютер гораздо лучше человека может производить сложнейшие математические расчеты и запросто обыгрывает своего создателя в шахматы, уже никого не удивляет. В настоящее время машина может сочинять музыку, рисовать картины, писать художественные романы и делать многое другое. Более того, искусственный интеллект (разум) – компьютер каждый год совершенствуется и постоянно увеличивает свои возможности. Правда, правильнее говорить, что эти возможности увеличивает человек, постоянно совершенствуя созданную им машину. Однако не исключено, что наступит время, когда доведенная до высокой степени совершенства машина сможет самоусложняться и самосовершенствоваться, эволюционировать дальше самостоятельно. В этом случае возможно, что она когда-то интеллектуально пре-

взойдет человека и выйдет из под его контроля, перестав ему подчиняться. Как он, некогда созданный природой, превзошел ее своей научно-технической силой, начал покорять и истреблять ее, ставить себе на службу, так и машина, созданная человеком, может превзойти его своей мощью и начать войну против собственного создателя. Таким образом, не исключено, что всем хорошо известный фантастический сюжет о Терминаторе (машине, восставшей против человека) может стать реальностью XXI века. Но машина, стремящаяся истребить человека и занять его место на планете – это результат и достижение научно-технического прогресса. Стало быть, у него есть обратная сторона: прогресс может обернуться регрессом и гибелью.

Однако если даже не принимать в расчет возможность превращения фантастики в реальность, все большее проникновение компьютера в нашу жизнь несет не только ее облегчение и улучшение, но и таит в себе невидимую, но большую опасность. Как известно, компьютер способен создавать **виртуальную** (лат. *virtualis* – возможный) реальность, то есть создавать видимость или иллюзию нереальных или несуществующих вещей и ситуаций. Например, с помощью виртуальной реальности человек может, не выходя из комнаты, ощутить себя летящим на сверхзвуковом самолете, мчащимся на гоночном автомобиле, купающимся в волнах далекого Средиземного моря. Что же в этом плохого и опасного, с удивлением спросите вы. Опасность заключается в том, что когда человек чересчур увлекается виртуальной реальностью, он может забыть о подлинной реальности, в которой протекает его настоящая жизнь. И тогда он перестает быть самим собой, теряет ориентацию в вещах и явлениях, начинает плохо понимать происходящее, в его сознании меняются местами понятия, переворачиваются привычные представления, рушатся традиционные человеческие идеалы. В этом случае он может перестать понимать, что можно делать, а что – нельзя, где совершается добрый поступок, а где – преступление, может утратить ощущение добра и зла, чувство вины и ответственности, забыть понятия долга и совести, а значит – потерять самого себя. Расставшись со всем человеческим в себе, он может перестать быть человеком.

Прочитайте короткий и зловещий рассказ известного писателя-фантаста Рея Брэдбери, который называется «Вельд». В нем идет речь о

семье, живущей в суперсовременном, полностью автоматизированном доме. Главной примечательностью этого жилища является виртуальная комната. Каждый человек, который заходит в нее, может вообразить себе любую картину или ситуацию, после чего комната реализует этот его замысел, то есть превращается в то, что он себе представил. Дети (мальчик и девочка) очень любили с помощью этой комнаты играть в африканский вельд – выжженную солнцем пустыню, по которой бродят голодные львы. Со временем родителей серьезно беспокоило это увлечение детей, которые играли только в вельд и ни во что больше. Посоветовавшись со знакомым врачом-психиатром, они решили увезти их на время в деревню, чтобы дети там немного отвлеклись от всех «удобств» их автоматизированного и компьютеризированного городского дома. Родители сказали детям о своем намерении отключить на время виртуальную комнату, что вызвало у них длительную и бурную истерику. Ночью дети тайно проникли в эту комнату и что-то хитро перепрограммировали в ней таким образом, что виртуальный африканский вельд превратился в реальность. На следующий день они выпросили у родителей разрешения последний раз перед отъездом в деревню поиграть в виртуальной комнате. Через некоторое время дети, якобы для какой-то надобности, позвали в комнату родителей, выскочили из нее и заперли их внутри, оставив на растерзание настоящим голодным львам. После этого мальчик и девочка спокойно сели завтракать, счастливые от того, что больше никто и никогда не сможет отключить виртуальную комнату и – не запретит им играть в африканский вельд...

В настоящее время мы должны признать большую зависимость человека не только от компьютера, но и от всех прочих технических средств. А обретение зависимости в результате научно-технического прогресса заставляет усомниться в его безусловности. Как видим, прогресс подчас оказывается мнимым и иллюзорным, ведя нас не к процветанию и совершенству, а к бедам и деградации. Некоторые люди поняли это еще в древности.

Греческие киники (представители одной из философских школ Древней Греции) говорили, что блага цивилизации и прогресса не ведут человека к счастью, а, наоборот, ввергая его в зависимость от них, делают несчастным и призывали вернуться к первобытному единству с природой, обрести гармонию естества, чтобы быть такими же безмятежными, как

птицы в небе или звери в лесу, которые не ведают алчности и зависти, лжи и ненависти.

По преданию, один из кинических философов – Диоген – жил в бочке и призывал людей вернуться назад к природе, ибо движение вперед, по его мнению, – это путь не в светлое будущее, а в бездну самоуничтожения. На вопрос Александра Македонского, что он может сделать для него, Диоген ответил: «Отойди и не загораживай мне Солнца». Что он хотел этим сказать? По всей видимости – следующее: «Ты воображаешь себя сейчас властелином мира, юный Александр, перед тобой трепещут народы и царства, ты прольешь реки крови и создашь необъятную империю. Но пройдет время, и твое могучее царство рухнет, и все, с таким трудом тобой создаваемое, пойдет прахом, и от дел твоих ничего не останется, равно как и от тебя самого, твоего величия и славы. И после тебя по Земле пройдут еще тысячи таких же тщеславных александров, которые так же превратятся в прах и тлен, а безмолвное Солнце будет так же неспешно ходить по лазурному небосводу, освещая и согревая всех, как и миллионы лет до тебя, Александр, и миллионы – после. Что ты по сравнению с вечностью мира? Не бесконечно ли смешны и жалки твои честолюбивые планы и наивное сознание собственного иллюзорного величия? Неужели суетным, вздорным и мимолетным делам человеческим должны посвящать мы свои взоры и помыслы, а не вечной красоте и гармонии необъятного мироздания, простому естеству природы и человека? ».

Известный французский философ XVIII в., один из представителей Просвещения – Жан Жак Руссо – также резко противопоставлял природное (все естественное, не созданное человеком) и социально-культурное (все искусственное, созданное человеком) и выступал с отрицательной оценкой последнего.

Между естественной и гармоничной жизнью чувства и искусственностью и односторонностью рассудочного мышления, говорит Руссо, существует неразрешимое противоречие. Чувство – это первичная форма духовной деятельности, которая появляется в историческом пути человечества и в индивидуальном развитии каждого человека гораздо раньше, чем разум, и обуславливает пусть инстинктивные и несознаваемые, но в то же время в высшей степени целесообразные движения и действия, делает че-

ловека единым со всем мирозданием, а также – внутренне целостным и потому счастливым. Развитие разума и цивилизации, с точки зрения Руссо, разрушило в человеке первоначальную гармонию, нарушило правильное отношение между потребностями и способностями, ослабило естественную мощь человека. Главная причина человеческих страданий – это разорванность, раздвоенность человека, порожденная выпадением его из первоначального естественного (природного) и гармоничного состояния и превращением его в разумное, цивилизованное, социальное существо. В этом своем состоянии человек раздваивается между своими возможностями и желаниями, долгом и склонностями, природной организацией и социальными учреждениями и т.д. и т.п., то есть, говоря иначе, не принадлежит самому себе. «Сделайте человека вновь единым, – говорит Руссо, – и вы сделаете его таким счастливым, каким он только может быть».

Идеи киников и Руссо о совершенстве природы и несовершенстве общества, о разрушительной силе цивилизации разделял русский писатель и философ Л. Н. Толстой. Вспомним, в романе «Война и мир» есть знаменитая сцена, почти полностью по смыслу совпадающая со встречей Диогена и Александра. Раненый князь Андрей лежит на поле Аустерлица. Он шел на войну 1805 года, завидуя славе и величию Наполеона и тайно мечтал так же прославиться. Он бросился вперед со знаменем в руках, увлекая за собой солдат и был сражен, лежал на поле и видел над собой бездонное небо, вечное и безмолвное, под которым люди от века убивали и предавали друг друга, отчаянно стремились к богатству и славе, суетились и сменяли друг друга поколение за поколением; тщетные помыслы и дела человеческие быстро проходили и навсегда исчезали, а это бескрайнее небо всегда оставалось. Около раненого Андрея оказался Наполеон, объезжавший поле битвы. Болконский смотрел на него, своего недавнего кумира, и понимал насколько смешон и жалок этот маленький тщеславный человек, мнящий себя сейчас властелином мира, насколько он ничтожен со всеми своими планами и делами перед глубиной и вечностью бескрайнего неба: ведь скоро ни от самого Наполеона, ни от его свершений ничего не останется, по Земле пройдут и сгинут неведомо куда еще тысячи таких же честолюбивых наполеонов, а небо останется, и будет так же молчаливо смотреть на людскую суету, как смотрело тысячи лет назад. В эти минуты Андрей по-

нял, что чем-то подлинным, вечным и истинным является естественная жизнь человека и природы, а не суетная жизнь социального организма, гордо называющего себя цивилизацией.

Все эти идеи, противопоставляющие природное и социокультурное и резко критикующие второе не казались особенно серьезными и не имели широкого распространения ни на заре человеческой истории, ни в Новое время. Над греческими киниками их сограждане и современники по преимуществу смеялись, Руссо был единственным известным представителем французского Просвещения, который выступил против апологии сухой рассудочности, науки, прогресса и вообще культуры, антицивилизационные идеи Л. Н. Толстого вызывали удивление и раздражение у многих его современников. Однако ситуация значительно изменилась к настоящему времени. Пессимистических прогнозов будущего, которое ожидает человеческое общество, становится все больше. И это неудивительно, ведь мы – люди рубежа тысячелетий – можем уже по-настоящему заглянуть за край той бездны, на котором стоим, приведенные туда пресловутым прогрессом цивилизации.

2 Истощение земных ресурсов

Обратная сторона прогресса заключается не только в ослаблении и деградации человеческой природы. Она выражается также в крайне отрицательном воздействии технических достижений цивилизации на окружающую среду. Причем это воздействие имеет огромный или планетарный масштаб.

Что представляют собой все созданные человеком технические приспособления? Вернее, из чего сделано все то, что повседневно нас окружает? Города и машины, дороги и мосты, сложные приборы и космические корабли, а также многое другое сделано из природного (естественного) материала (сырья). Все, созданное человеком, – это преобразованная им природа. Это древесина, металлы, уголь, нефть, газ и другие природные богатства, которые в результате человеческой деятельности стали жилищами, заводами, станками, кораблями, паровозами и всеми прочими объектами цивилизации.

Как известно, старая техника со временем изнашивается и заменяется новой. Поэтому человек вынужден постоянно создавать новые технические приспособления. Но ведь для этого требуются новые материалы и источники сырья. Получается, что мы постоянно берем их у природы, ничего не отдавая ей взамен. Ни для кого не секрет, что природные богатства не бесконечны, что запас их, каким бы большим он ни был, ограничен и поэтому никак не вечен.

Наша планета – не слишком крупное космическое тело, и все, что она в себе содержит, может когда-либо иссякнуть. Не за горами то время, когда опустошенная нами природа не сможет больше ничего давать человечеству, а без ее даров, оно обречено на гибель. Представьте себе, что истощенная земля перестанет давать урожай. В этом случае человек лишится растительной пищи. Однако его не спасет и животная пища, потому что ее тоже не будет. Ведь животные сами питаются плодами земли, а если она опустеет, превратившись в бесплодную пустыню, они будут обречены на вымирание. Если иссякнут природные запасы нефти, угля и газа, которые называются энергетическими, то наши дома лишатся света и тепла, остановятся электростанции и заводы, перестанут ходить поезда и не смогут летать самолеты.

Представьте себе человека, которого заперли в каком-либо помещении, полностью изолировав от внешнего мира, и оставили ему некий запас продовольствия. Через какое-то время человек съест весь этот запас (пусть даже очень медленно и экономно) и вынужден будет умереть от голода. Так вот наша планета – это замкнутое и изолированное от всего космоса большое жилище. Летать на другие планеты мы пока не умеем, а если бы даже и умели, то это нас несколько не спасло бы, потому что там ничего хорошего нет (то есть – условий или запасов, пригодных для жизни), по крайней мере, – в Солнечной системе. Хотя и за ее пределами, наверное, все обстоит точно так же. Человечество является единственным запертым жителем огромного дома – планеты Земля. У этого жителя есть большой запас продовольствия и всего прочего, необходимого для жизни, который, однако, постепенно уменьшается, с каждым годом – все больше и больше. Через какое-то время он будет полностью проеден и прожит, после чего человечество, как и несчастный узник в опустошенной камере, должно бу-

дет погибнуть. Эта перспектива, конечно же, безрадостна, но также – вполне реальна.

Ситуация усугубляется еще и тем, что расход природных богатств постоянно, вместо того, чтобы уменьшаться, с каждым днем набирает темпы. Как то ни удивительно, но за 100 последних лет человечество израсходовало природных ресурсов больше, чем за всю свою предыдущую историю. Правда, постоянно увеличивается численность населения планеты, возрастают масштабы жизни и поэтому кажется, что в каждый последующий год должно расходоваться больше природных богатств, чем в предыдущий. Однако вполне возможно из небольшого количества ресурсов создать максимум жизненных средств. Для этого только нужен разумный или грамотный подход к их использованию. Если же поступать неразумно, или бездумно, или бестолково, то получается как раз, наоборот: из огромного количества природных богатств создается минимум жизненных средств. Все остальное просто превращается в отходы. Понятно, что в этом случае необходимо все более интенсивно использовать новое сырье. К сожалению, именно таким образом в настоящее время и живет человечество на Земле – неграмотно и бездумно, совершенно не заботясь о завтрашнем дне, не задумываясь ни о собственном будущем, ни о перспективах планеты. Оно поступает сегодня точно так же, как и печально известный в истории французский король Людовик XV, который любил повторять: «На наш век хватит, а после нас – хоть потоп». При нынешнем использовании природных ресурсов примерно 90% их (!) становится отходами и только из 10% человечество создает различные жизненные блага.

3 Загрязнение окружающей среды

Большая часть природного материала производственной деятельностью человека превращается в отходы, которые ни при каких условиях не могут вновь стать исходным сырьем, вернуться в природу. Они становятся специфическим элементом, имеющим ныне большие масштабы и играющим огромную роль в жизни планеты. Они являются грандиозным мировым мусором, засоряющим и отравляющим почву, воду и воздух. Природа не знает отходов, в ней ничто не выбрасывается и не становится мусором.

Наоборот, вечный круговорот вещества оставляет ее всегда прекрасной и чистой. Если дерево сбросило осенью листья, то они превращаются в перегной, из которого оно следующей весной тянет питательные соки. Совершенно иначе обстоит дело с отходами человеческой деятельности: отработанные газы, ядовитые металлы, сточные воды попадают в природу, которая не в состоянии в них справиться, потому что они имеют не природное (естественное), а производственное (искусственное) происхождение. Они представляют собой инородное тело в природе, которое порождает различные ее заболевания: почвы теряют свое плодородие, высыхают реки, разрушается атмосфера, образуя озоновые дыры, через которые жесткие солнечные лучи начинают беспощадно сжигать все живое. Представьте себе человека, который, допустим, проглотил вилку. Этот предмет является инородным телом в его организме, и если его вовремя не вытащить, то несчастный, скорее всего, заболеет и умрет. Так и отходы, попавшие в организм природы, ведут ее к гибели. К сожалению, в настоящее время человечество пока не умеет (или не хочет?) извлекать ядовитые отходы из природного организма или обезвреживать их. Они с каждым годом все в больших количествах выбрасываются в окружающую среду, все более отравляют ее.

Самое главное заключается в том, что человек – это неотъемлемая часть природы, существующая в неразрывном единстве с ней. В XX веке стало очевидным заблуждение философии и науки Нового времени, по которому человек является неким независимым, самодостаточным объектом, находящимся вне природы, никак с ней не связанным и поэтому могущим делать все, что угодно по отношению к ней. Теперь совершенно понятно, что будучи одним целым с природой, человек, вредя ей, наносит вред и самому себе, истребляя природу, он идет к самоуничтожению. Как известно, любой из нас может прожить без воздуха 5 минут, без воды – 5 дней, без пищи – 5 недель. А поскольку отходы производственной деятельности наполняют собой почву, воду и воздух, то не удивительно, что каждый день мы дышим загрязненным воздухом, пьем воду с ядовитыми примесями и едим отравленную пищу. Если бы первобытный человек 3 минуты постоял на одной из улиц современного крупного города, он задохнулся бы угарным газом. Небывалое загрязнение окружающей среды является

одной из главных причин резко возросшего к концу XX века во всем мире количества тяжелых заболеваний. Не исключено, что такие страшные и пока неизлечимые болезни как лучевая, СПИД, рак, олигофрения, а также многочисленные врожденные, наследственные дефекты и уродства вызваны в первую очередь резко ухудшающимися условиями среды нашего обитания. В настоящее время на планете существует немалое количество областей, в которых не только жить, но даже временно находиться опасно для здоровья. Как то ни печально, но в таких местах поколение за поколением живут люди, зная полностью или отчасти, или не подозревая вовсе о тех условиях, в которых они находятся.

Несмотря на столь удручающее положение дел, существует точка зрения, по которой все не так уж плохо. Сторонники ее утверждают, что земные ресурсы еще далеко не исчерпаны, а окружающая среда загрязнена не так сильно, как об этом говорят. То есть, по их мнению, человечество может вполне безбедно существовать на планете еще не одну сотню лет, а катастрофа пока столь далека, что о ней не стоит и думать. Однако вполне возможно, что их оптимизм безоснователен, и даже завтрашний день может стать последним. Для подтверждения этой мысли приведем пример. Всем хорошо известно такое математическое явление как геометрическая прогрессия: каждое последующее число в ряду во сколько-то раз больше, чем предыдущее (например, если – в два раза, то получится – 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, 512 и так далее). Представьте себе пруд, в котором растет один лист лилии. Каждый день число листьев удваивается. Допустим, известно, что полностью пруд будет покрыт листьями лилии через 100 дней. Попробуйте определить на какой день он будет покрыт ими наполовину. Возникает соблазн сказать, что на 50-ый день. Однако если немного подумать, то получится, что на 99-ый день: в этот день половина пруда будет покрыта листьями лилии, на следующий день их количество удвоится (вспомните условие), и вторая половина пруда также станет покрыта ими. Истощение земных ресурсов и загрязнение окружающей среды происходит все более ускоряющимися темпами, то есть возможно, что – в геометрической прогрессии. И если сегодня нам кажется, что впереди у человечества еще половина жизненного пути, то не исключено, что на самом деле уже сегодняшний день может стать предпоследним.

4 Рост радиационной опасности

Одной из глобальных проблем современного мира является увеличение радиационной опасности. Как мы уже знаем, радиоактивность – это самопроизвольное превращение атомов одних элементов в атомы других, сопровождающееся излучением, которое является смертоносным для всего живого на Земле. После второй мировой войны человек изобрел самое страшное оружие – атомное или ядерное. Оно по своей разрушительной силе и по последствиям, которые влечет за собой его применение, не может даже близко сравниться ни с одним видом вооружения. Одна небольшая атомная бомба способна начисто уничтожить огромный город. Однако главное заключается в том, что после взрыва такой бомбы все вокруг: воздух, вода, почва наполняются радиоактивным излучением или, проще, радиацией, которая представляет собой несметное количество мельчайших, невидимых частиц, беспрепятственно проникающих в любой предмет и в любой организм. Эти радиоактивные частицы в очень короткий срок уничтожают изнутри любое живое существо. Ситуация усложняется тем, что радиацию невозможно увидеть или воспринять любым другим органом чувств, ее фиксируют только специальные приборы. Человек может находиться в лесу или на озере, или в горах, дышать свежим воздухом, любоваться прекрасными живописными видами и не подозревать, что и бодрящий воздух, и прозрачная вода, и вековые сосны, источающие лесной аромат – все пропитано страшными частицами, все дышит смертью.

После взрыва даже небольшой атомной бомбы огромная территория заражается радиацией, которая может сохраняться многие десятки лет. Понятно, что если бы произошла война между несколькими странами с применением такого оружия, то вся Земля окуталась бы гигантским радиационным облаком, в котором погибли бы все формы жизни. В настоящее время ведущими мировыми державами накоплено ядерного оружия столько, что 5% его хватит на то, чтобы уничтожить нашу планету. Произведя простой математический подсчет, увидим, что с помощью современного мирового ядерного арсенала можно уничтожить Землю 20 раз, или – 20 планет, подобных нашей Земле. Следовательно, если произойдет третья мировая война (ядерная), то она будет последней в истории человечества.

Уже в 1962 году, во время Карибского кризиса, мир стоял на грани уничтожения. Тогда чудом удалось избежать катастрофы: рассудок и здравый смысл победили безумие. Но сможет ли человечество и в дальнейшем прислушиваться к голосу разума? Правда, в последние два десятилетия международная напряженность значительно разрядилась, и угроза третьей мировой войны стала значительно меньше. Однако она не исчезла полностью и до сих пор является одной из возможных страшных перспектив нашего будущего.

Даже если не принимать в расчет возможность ядерной войны, радиационная опасность все равно остается. Она исходит и из других источников. Так, например, до сих пор продолжает разрабатываться и испытываться новое ядерное оружие, а его испытания проходят глубоко под водой, под землей и в атмосфере, что приводит к значительному радиоактивному заражению водного, почвенного и воздушного покрова планеты. Кроме того, атомная энергия, как известно, используется и в мирных целях, что далеко не безопасно. Любая авария на какой-нибудь атомной электростанции приводит к огромным человеческим жертвам и на долгие годы превращает большие территории в смертельно опасные зоны. И наконец, что происходит с отходами радиоактивного производства? Они так же, как и отходы других производств, или обезвреживаются частично, или вообще не обезвреживаются, а закапываются в землю, топятся в океане, выбрасываются в атмосферу, отравляя среду нашего обитания. Как правило, это делается в целях экономии и чьей-то личной наживы. Ведь утилизация (обезвреживание) ядерных отходов стоит больших денежных средств. Так не лучше ли, рассуждает кто-то, сэкономить деньги и тайно закопать смертоносный мусор где попало. Конечно же, то, что в этом месте могут жить люди или играть дети, совершенно не принимается в расчет.

В результате всего этого в настоящее время мы получили ужасающую картину. Проникая во все и распространяясь на большие территории, радиация ныне может содержаться в бетонных стенах жилых домов, на мусорных свалках, в различных хозяйственных товарах, продуктах питания, денежных купюрах и многом другом. Иногда в корыстных целях из радиоактивного сырья (будучи смертельно опасным, оно намного дешевле – почти бесплатное) производятся различные потребительские изделия. А торгов-

цы, даже знающие о смертоносном товаре, но преследующие только одну цель – продать его, беззащитно скрывают от покупателя его истинное происхождение.

Ученые полагают, что многие современные заболевания напрямую связаны с сильным повышением уровня радиации в последние десятилетия. Если человечество в целом и каждый отдельный его представитель не в будущем, а сегодня же не опомнится в ужасе от содеянного и не предпримет каких-либо радикальных мер, то незримая, но самая страшная опасность будет грозно расти, постепенно, но верно уничтожая жизнь на Земле.

5 Увеличение численности населения

Серьезную проблему современного мира составляет постоянное увеличение численности населения. С каждым годом жителей планеты становится все больше и больше. Еще в середине XX века на Земле было примерно 3 миллиарда человек. На сегодняшний день на планете живет приблизительно 6 миллиардов человек. Понятно, что чем больше становится людей, тем больше территорий, продуктов питания и других жизненных средств требуется человечеству. Выше шла речь о том, что земные ресурсы постепенно истощаются. Следовательно, чем выше численность населения, тем труднее планете прокормить своих жителей и снабдить их всем необходимым для жизни.

Некоторые ученые полагают, что нормальные условия существования Земля может обеспечить приблизительно одному миллиарду человек. Сейчас нас в шесть раз больше. В науке даже появилось понятие «золотого миллиарда». «Золотой» надо понимать в том смысле, что это предельно допустимая норма, высшая (золотая) отметка численности населения, которую нельзя переходить. Но также термин «золотой» обозначает и то, что этот миллиард жителей будет в буквальном смысле золотым, то есть сможет жить не только нормально или достойно, или хорошо, а прекрасно, шикарно, ни в чем себе не отказывая. А разве любой из нас лишен на это права? Ведь каждый живет всего один раз... Но, как то ни печально, миллиард людей может купаться в роскоши, а остальные 5 миллиардов вы-

нуждены не полноценно жить, а влачить жалкое существование. Не нужно никаких хитрых умозаключений, чтобы понять, что «золотой» миллиард блаженствует именно за счет лишений остальных «не золотых» миллиардов людей, а они страдают именно по причине блаженства немногих «золотых» жителей планеты. А ведь рождаются все, как правило, с одинаковыми жизненными возможностями. Наследственность, конечно же, влияет на формирование будущего человека и его судьбу, однако решающая роль в этом принадлежит той социальной (общественной) среде, в которой он появляется на свет, воспитывается и растет. Одинаковые стартовые возможности жизни порождают и равенство человеческих прав на счастье, которые, тем не менее, нигде и никогда не соблюдаются. Грандиозная несправедливость, на которой строится жизнь человечества ведет к постоянной напряженности в обществе, конфликтам и преступлениям.

В XIX веке английский экономист Томас Мальтус вывел так называемый «закон народонаселения», по которому количество людей на планете увеличивается в геометрической прогрессии (каждое число в ряду больше предыдущего *во* сколько-то раз), а количество жизненных благ – в арифметической (каждое число в ряду больше предыдущего *на* какое-то количество). То есть планета постоянно не справляется со все возрастающими потребностями ее населения. Именно поэтому, говорит Мальтус, и происходят различные социальные (общественные) и естественные (природные) бедствия: войны, эпидемии, наводнения, засухи, землетрясения и другие. Они регулируют стремительно растущую численность населения. Но ведь различные несчастья случались и на заре человеческой истории, когда жителей на планете было в сотни раз меньше, чем теперь. Тогда возможности Земли являлись намного большими, чем требовалось проживающим на ней людям, но стихийные бедствия и войны все равно сопровождали человечество. Следовательно, теория Мальтуса (или мальтузианство), скорее всего, несостоятельна и представляет собой замаскированное оправдание массовому истреблению одних людей другими.

Проще всего решить проблему перенаселения планеты массовым убийством. Но смогут ли после этого оставшиеся в живых безмятежно существовать на Земле и называться людьми? Очевидно надо искать совершенно иные способы решения проблемы, которая обостряется с каждым годом.

6 Пути выхода из кризиса

Несмотря на всю остроту глобальных проблем современного мира люди в большинстве своем довольно спокойно воспринимают происходящее и почему-то надеются, что каким-то непостижимым образом человечеству удастся избежать планетарной катастрофы, и все само собой образуется и благополучно разрешится. К большому сожалению, лишь немногие нынешние жители планеты понимают, что, скорее всего, ничего не образуется и не разрешится, тем более – само собой. Они создают различные организации, устраивают коллективные мероприятия, выступают в средствах массовой информации с целью пробудить общественное сознание, заставить людей по-иному взглянуть на сегодняшнее положение вещей. Они пытаются показать им, что помимо личных дел и интересов (родных, близких, друзей, работы, имущества, развлечений и всего прочего), а также помимо забот национального или государственного масштаба есть еще проблемы всеобщего, планетарного характера, пренебрежение которыми напрямую ударит и по национальным, государственным, и по сугубо личным интересам. Сегодня необходимо осознать, что масштабы глобальные (земные) и минимальные (личные) тесно взаимосвязаны: если погибнет планета, то исчезну и я, и все, что мне близко и дорого. Если опасность угрожает некому городу, в котором я живу, или даже – стране, я вполне могу переехать, при наличии, конечно же, немалых денежных средств, в другой город или в другую страну, где все хорошо и благополучно. Но если опасность уничтожения грозит всей планете, то, даже при наличии очень больших денег, бежать некуда! Спасти себя невозможно, и поэтому надо, забыв о личном, корыстном и сиюминутном, направить свои силы на то, чтобы как-то предотвратить наступающее бедствие.

На все это любой обычный человек скажет нам примерно следующее: «Ну что я могу один сделать? Не смешно ли мне в одиночку спасти планету, в то время как все остальные ее губят и, конечно же, погубят окончательно, не спрашивая моего мнения». Вот эта-то позиция является самым главным заблуждением, с которого и начинается земная катастрофа. Ведь если каждый скажет себе так, то никто ничего не предпримет, и с молчаливого согласия всех и планета, и человечество смогут погибнуть. Для того,

чтобы совершить какие-либо изменения на практике, их надо сначала проинформировать в сознании людей. Ведь если каждый из нас вместо того, чтобы говорить себе: «Я ничего не могу сделать, все и без меня давно решено»; скажет себе: «Я могу что-либо сделать, и от меня что-то зависит» и совершит какие-то действия (обратите внимание – каждый из нас – то есть все 6 миллиардов жителей Земли начнут что-либо предпринимать для ее спасения), тогда будет вполне возможно решить глобальные проблемы планеты и предотвратить печальный исход. Вспомним сказку о том, как умирающий отец позвал к себе сыновей и велел им принести с собой веник. «Сломайте его», – сказал он им. Сыновья пытались это сделать, но у них ничего не получилось. «Теперь развяжите веник, – сказал им отец, – и ломайте по прутику». Это получилось у них запросто: прутики легко ломались. Отец сказал им: «Вот так и с вами: в одиночку любая беда сломит вас, и по отдельности никто из вас ничего не сможет сделать, а если будете держаться вместе, то никакие напасти вам не страшны, и сообща вы сможете сделать многое». Так же и со всеми нами: коллективными усилиями вполне возможно предотвратить планетарную катастрофу. Но для того, чтобы все стали совершать эти усилия, надо, чтобы их совершал и каждый в отдельности.

Но что же возможно сделать каждому из нас, спросите вы. Неважно какими будут ваши действия – большими или маленькими – важно, чтобы они были. А могут они быть какими угодно в зависимости от конкретной ситуации. Допустим, вы возглавляете строительство жилого дома и знаете, что он должен стоять на месте, где была свалка радиоактивных отходов. Рискуя своей работой, должностью, карьерой, заработками, не допустите этого строительства. Или вы продаете фрукты и овощи и знаете, что они поступили из опасных для жизни территорий. Как бы вам не хотелось, потеряв часть прибыли, уничтожьте свой отравленный товар. Или в ваш город приехали активисты бороться со строительством опасного для жизни и здоровья населения металлургического завода или атомной электростанции. Вместо того чтобы смеяться над ними или равнодушно проходить мимо их действий, поддержите их, вступите в борьбу. Или, наконец, что проще простого – вы пошли с друзьями в городской парк или пригородный лес на шашлыки. Когда будете уходить, возьмите с собой весь оставшийся мусор (пластиковые и стеклянные бутылки, консервные банки, бумаги и

прочее) и выбросите его в городской мусорный контейнер. Здесь может возникнуть недоуменный вопрос: неужели небольшая кучка мусора может серьезно загрязнить лес, испортить природу и, тем более, быть каким-то образом связанной с глобальными проблемами планеты. Однако представьте себе, что не только вы, но и каждый из многих миллионов других людей оставит где-либо свою небольшую горсть мусора неубранной, в надежде на то, что она никому не мешает и не принесет никакого вреда. В этом случае уже не маленькие кучки, а гигантские горы мусора возвысятся повсюду, и каждому из нас негде будет гулять, отдыхать и наслаждаться природой, потому что от нее ничего не останется. Как видим, и здесь надо обращать внимание в первую очередь не на то, что мусорят все, а на то, чтобы не делать этого самому.

Подобные примеры можно продолжать сколь угодно долго. Как ни странно это звучит (хотя в свете всего вышесказанного нет ничего странного), но в каждой из этих ситуаций, заботясь не только о себе, но и о других людях, а также – об окружающей среде, вы вносите свой личный маленький вклад в общее большое дело спасения нашей планеты от гибели. Ведь если каждый человек на Земле станет совершать эти бескорыстные и вроде бы ничтожные в планетарных масштабах действия, то человечество сможет выйти из того тяжелого кризиса, в который завели его собственная алчность, недомыслие и безответственность. И пусть вам придется пожертвовать своими собственными интересами и планами, поверьте, вы выиграете гораздо больше, чем потеряете.

ГЛОССАРИЙ

Абиогенеза гипотеза – одна из гипотез происхождения жизни на Земле, согласно которой живое может многократно спонтанно самозарождаться из неживого вещества в течение небольшого промежутка времени (например, за несколько дней).

Автотрофность – в философии русского космизма – способность живых организмов поддерживать свое существование без поедания других организмов – путем преобразования мертвого вещества в живое; способность ныне присущая растениям, которую в будущем должны обрести люди.

Агностицизм – философская идея о полной или частичной непознаваемости мира.

Анабиоз – способность некоторых живых организмов к временному прекращению всех видимых проявлений жизни под воздействием неблагоприятных условий окружающей среды с последующим восстановлением жизненных процессов при возвращении благоприятных для жизни условий.

Анархизм – философская идея о безусловной ценности личной свободы человека и необходимости преодоления всех форм ее ограничения.

Антимеханицизм – одна из характерных черт третьей научной картины мира (современного естествознания), которая заключается в идее о том, что Вселенная не является грандиозной механической совокупностью составляющих ее объектов (как утверждало классическое, или ньютоновское естествознание), а представляет собой нечто намного более сложное, чем механизм; многообразие природных явлений не сводится к механическим взаимодействиям; последние не являются в природе базисными, основными, исходными, они – следствия, или проявления других, более глубоких, фундаментальных взаимодействий (сильных, слабых, электромагнитных, гравитационных).

Антропный принцип – одна из характерных черт третьей научной картины мира (современного естествознания), которая заключается в идее о том, что антропная, или человеческая природа неизбежно накладывает на научное познание такое ограничение, в силу которого человек принципиально не может быть чисто объективным наблюдателем “самой по себе” существующей Вселенной (как утверждало ньютоновское, или классиче-

ское естествознание), потому что он сам является одним из закономерных этапов ее длительной, грандиозной эволюции.

Антропология – раздел философии, посвященный изучению человека.

Антропоморфизм – перенесение человеческих черт на предметы внешнего мира.

Антропоцентризм – философская идея, по которой человек должен быть главным предметом изучения как центральное звено мироздания (ср. теоцентризм).

Антропогенез – эволюция человека от высших млекопитающих животных к человеку современного типа (*Homo Sapiens*).

Апория – парадокс, безвыходное положение мысли, мыслительный тупик.

Априорный – не зависящий от чувственного опыта.

Аскетизм – философская теория и практика ограничения желаний (как правило, материальных) для достижения духовного просветления (постижения истины).

Атараксия – душевная невозмутимость в учении античных скептиков.

Атеизм – отрицание существования Бога.

Атман – индивидуальная душа в индийской философии.

Барионы – тяжелые (тяжелее электрона) элементарные частицы.

Биогенеза гипотеза – идея, противостоящая гипотезе абиогенеза, утверждающая, что жизнь может происходить только от какой-либо другой, предшествующей жизни и никогда – из неживого вещества.

Биосфера – завершающая ступень в иерархии уровней организации живого мира, которая представляет собой всю совокупность живых организмов Земли вместе с окружающей их природной средой.

Биохимической эволюции гипотеза – одна из гипотез происхождения жизни на Земле, согласно которой живое появилось из неживого путем его постепенного самоусложнения в процессе длительной восходящей эволюции протяженностью в сотни миллионов лет.

Бифуркации точки – в современном синергетическом видении мира – моменты или ситуации неустойчивости материальной системы, в которых ее поведение непредсказуемо, а будущее – неопределенно: любые

случайные факторы (флуктуации) могут «столкнуть» систему на какой-либо один из возможных, альтернативных путей дальнейшего развития.

Богочеловечество – в русской религиозной философии – идея о совершенном человечестве как конечной цели исторического развития общества.

Брахман – душа мироздания в индийской философии или пантеистическое первоначало.

Вакуум – или физический вакуум – особое состояние материи, вещественная пустота (пространство, не содержащее в себе никакого вещества).

Верификации принцип – один из критериев науки, наряду с принципом фальсификации, позволяющий отличить научное знание от псевдонаучного или ненаучного. В силу принципа верификации только то знание является научным, которое можно в той или иной форме подтвердить.

Виртуальное – возможное, которое при определенных условиях способно превратиться в реальное.

Верификация – эмпирическая проверка суждений на предмет их истинности.

Виртуальное – возможное, которое при определенных условиях способно превратиться в реальное.

Волюнтаризм – идея, по которой человек сам формирует свой жизненный путь (ср. фатализм), а также представление о том, что в основе мира и человеческой деятельности лежит не разум, а воля.

Всеединство – философский принцип единства какого-либо множества, когда каждый элемент этого множества является частью целого, но в то же время не сливается с ним полностью, сохраняя свою самостоятельность.

Гедонизм – идея, по которой следует стремиться к удовольствиям и избегать страданий.

Гелиоцентризм – представление об устройстве мироздания, по которому его центром является Солнце, а другие небесные тела движутся вокруг него.

Геоцентризм – представление об устройстве мироздания, по которому его центром является неподвижная Земля, а другие небесные тела движутся вокруг нее.

Гилозоизм – философская идея, по которой все предметы живой и неживой природы одушевлены.

Гносеология – раздел философии, посвященный исследованию проблем познания.

Галактика – космическая система, представляющая собой упорядоченное скопление огромного количества взаимодействующих звезд.

Гелиоцентризм – представление об устройстве мироздания, по которому его центром является неподвижное Солнце, а другие небесные тела движутся вокруг него; одна из характерных черт второй, или ньютоновской научной картины мира (классического естествознания).

Гены – мельчайшие, сложноустроенные частицы, находящиеся в ядрах клеток живых организмов, и содержащие в себе наследственную информацию.

Геоцентризм – представление об устройстве мироздания, по которому его центром является неподвижная Земля, а другие небесные тела движутся вокруг нее; одна из характерных черт первой, или аристотелевской научной картины мира.

Гилозоизм – философская идея, по которой все предметы живой и неживой природы одушевлены.

Гипотеза – предположение, как правило, научного характера, выдвигаемое с целью объяснения чего-либо (объектов, явлений, событий), которое впоследствии подтверждается или опровергается.

Гипотетико-дедуктивный метод – метод научного познания, по которому для объяснения каких-либо фактов выдвигается гипотеза, которая не только согласует между собой все эти факты и связывает их в единую картину, но и позволяет предсказать обнаружение новых, или, говоря иначе, из которой можно вывести (дедупировать) все известные в какой-либо области действительности факты, а также получить указание на неизвестные (т.е. пока не открытые); впоследствии такая гипотеза превращается в научную теорию.

Глобальный эволюционизм – одна из характерных черт третьей научной картины мира (современного естествознания), которая заключается в идее о том, что Вселенная не стационарна (как утверждало классическое, или ньютоновское естествознание), а, наоборот, представляет собой грандиозное мировое развитие, длительную эволюцию – от физического

вакуума и хаоса элементарных частиц до появления высокоразвитых форм жизни, включая человека разумного (Homo Sapiens).

Гравитационное взаимодействие – одно из четырех фундаментальных взаимодействий в природе, которое проявляется в макром мире и мегамире и играет решающую роль в структуре мегамира, – лежит в основе образования, эволюции и движения мегаобъектов (планет, звезд, галактик и т. п.).

Дао – естественный путь вещей в древнекитайской философии.

Дедукция – способ рассуждения, при котором из общего правила делается вывод для частного случая (ср. индукция).

Деизм – представление о Боге, по которому он создал мир, наделил его законами и самоустранился.

Диалектика – философское учение о всеобщей взаимосвязи и вечном изменении вещей.

Дуализм – одновременное наличие у чего-либо двух, как правило, противоположных качеств или свойств.

Дедукция – способ рассуждения, при котором из общего правила делается вывод для частного случая.

Деизм – представление о Боге, по которому он создал мир, наделил его законами и самоустранился.

Детерминизм – одна из характерных черт классического естествознания, наряду с механицизмом и идеей стационарности мира, положение, согласно которому мир является предсказуемым, ясным, определенным, «прозрачным», безальтернативным и линейным, случайность в нем не играет существенной роли.

Дифракция – физическое явление огибания световыми (или другими) волнами каких-либо препятствий.

Дополнительности принцип – одно из положений для описания микромира, выдвинутое Н. Бором, согласно которому корпускулярные и волновые свойства объектов микромира не исключают, а дополняют друг друга; микромир является такой специфической реальностью, что адекватное его описание возможно как раз посредством идеи о взаимодополнительности вроде бы несовместимых свойств – корпускулярных и волновых.

Дуализм – одновременное наличие у предмета двух, как правило, противоположных качеств.

Закон достаточного основания – один из главных законов логики, по которому любое утверждение только тогда что-то значит, когда подкреплено какими-либо достаточными основаниями или аргументами, с необходимостью следует из них.

Закон противоречия – один из главных законов логики, по которому два противоположных высказывания об одном и том же предмете, в одно и то же время и относительно одного и того же не могут быть одновременно истинными.

Закон тождества – один из главных законов логики, по которому любое утверждение в целях ясности и точности должно быть равно самому себе (речь должна идти об одном и том же предмете, слова должны употребляться в одних и тех же значениях, недопустимо подменять понятия, уклоняться от темы, создавать двусмысленность и т.д.).

Идеализм – философское представление, по которому реально и вечно существует некое бестелесное (сверхчувственное) начало, которое порождает (творит) материальный мир.

Идеальное – не воспринимающееся органами чувств и не имеющее физических качеств.

Индетерминизм – одна из характерных черт неклассического естествознания, наряду с идеей глобального эволюционизма и синергетическим видением мира, положение, согласно которому мир не полностью предсказуем, ясен и «прозрачен», случайность в нем играет существенную роль, он является альтернативным и нелинейным.

Индукция – способ рассуждения, при котором путем обобщения нескольких частных случаев выводится одно общее правило.

Интерференция – физическое явление наложения двух волн, при котором они, совпадая в противоположных фазах, друг друга уничтожают.

Ион – атом, который потерял часть своих электронов или приобрел их в избыточном количестве.

Иррационализм – философское положение, по которому действительность невозможно постичь рассудочными способами.

Иррациональное – неразумное (нерассудочное) или внеразумное, то есть не подчиняющееся законам разума, относящееся к противоположной разуму сфере.

Идеализм – философское представление, по которому реально и вечно существует некое бестелесное (сверхчувственное) начало, которое порождает (творит) материальный мир (ср. материализм).

Идеальное – не воспринимающееся органами чувств и не имеющее физических качеств (ср. материальное).

Идеальный Абсолют – бестелесное (сверхчувственное) первоначало мира (Бог, Мировой Разум, Душа Вселенной и т.п.).

Изостения – равносилье противоположных суждений в учении античных скептиков.

Индукция – способ рассуждения, при котором путем обобщения нескольких частных случаев выводится одно общее правило (ср. дедукция).

Интуиция – способность к непосредственному постижению истины без доказательств и обоснований.

Иррационализм – философское положение, по которому действительность невозможно постичь рассудочными способами.

Историософия – философское осмысление истории.

Карма – в индийской философии – судьба любого живого существа, предначертание, обусловленное всей совокупностью предыдущих жизней.

Концептуализм – одно из решений средневековой полемики об Универсалиях, по которому последние существуют после вещей в качестве понятий ума (то же, что умеренный номинализм).

Космос – в переводе с греческого – общий порядок мироздания – Вселенная, понимаемая как нечто гармоничное, прекрасное, упорядоченное.

Космополитизм – идея, отрицающая национальные и государственные границы во имя единства человеческого рода, рассматривающая человека как «гражданина Вселенной».

Квант – порция энергии, физический объект, характеризующийся как корпускулярными, так и волновыми свойствами.

Кварки – гипотетические элементарные частицы с дробным электрическим зарядом ($1/3$ или $2/3$ от заряда электрона).

Квантовая механика – раздел физики, посвященный изучению процессов и законов микромира.

Корпускула – маленькая частица вещества.

Корпускулярно-волновой дуализм – одно из свойств материальных объектов (более всего характерное для микромира), заключающееся в одновременном наличии у них как корпускулярных (вещественных), так и волновых (полевых) качеств.

Космогония – учение о происхождении мира.

Красное смещение – открытое американским астрономом Эдвином Хабблом в 1929 году смещение излучения далеких галактик в красную сторону спектра, на основе которого можно сделать вывод об удалении галактик от нас и друг от друга с огромными скоростями, а, следовательно, – и о том, что в настоящее время Вселенная является расширяющейся. Красное смещение представляет собой одно из косвенных подтверждений гипотезы Большого взрыва.

Креационизм – религиозная гипотеза происхождения жизни на Земле, согласно которой живая природа (как и неживая) представляет собой результат божественного творения мира.

Критерий – признак, на основании которого производится оценка или определение чего-либо; двумя критериями науки, по которым ее можно отличить от псевдонауки и – вообще ненаучного знания, – являются принципы верификации и фальсификации.

Лептоны – легкие (легче электрона) элементарные частицы.

Логика – наука о формах и законах правильного мышления.

Либи́до – в учении З. Фрейда – бессознательное сексуальное влечение.

Логика – наука о формах и законах правильного мышления.

Логос – в учении Гераклита, стоиков и христиан – Мировой Закон, божественный принцип, управляющий миром.

Майевтика – философский метод Сократа, помогающий человеку через противоречия, сомнения и рассуждения найти всеобщую истину.

Материализм – философское представление, по которому реально и вечно существует физический (материальный) мир, а все духовные явления – это результат деятельности человеческого сознания, которое представляет собой высшую стадию эволюции физического мира (ср. идеализм).

Материальное – воспринимающееся органами чувств и имеющее физические качества (ср. идеальное).

Материя – совокупность всего физического, чувственного (материального).

Метафизика – учение о сверхприродном, сверхчувственном (или о высшем мире, находящимся за пределами нашего физического мира, или об универсальных законах последнего).

Методология – философское учение о методах познания и деятельности, а также – сама совокупность этих методов.

Мистика – направление в духовной жизни средневековья, не допускающее возможности осмысления религиозных догматов, их обоснования средствами разума, призывающее только к безрассудной вере в них, а также – шире – направление в духовной жизни, практикующее иррациональное, интуитивно-непосредственное постижение божественного и слияние с ним.

Монотеизм – единобожие, религиозное представление, по которому существует только один Бог.

Макромир – область действительности, постоянно нас окружающая, непосредственно наблюдаемая (расстояния измеряются в миллиметрах, сантиметрах, метрах и километрах, а время – в секундах, минутах, часах, сутках, месяцах, годах).

Математизация естествознания – одна из характерных черт третьей научной картины мира (современного естествознания), которая заключается в постоянно возрастающей роли математического языка при изучении, описании и объяснении различных явлений природы. Математизация естествознания началась еще в эпоху второй научной революции, – в 16–17 вв., однако в современной науке она играет гораздо большую роль: в 20 в. исследовательская мысль начала проникновение в такие области природы, где использование математического языка становится единственно возможным (например, объекты микромира вообще не поддаются адекватному описанию с помощью естественного языка, в силу чего представляют собой в современном естествознании абстрактный набор математических уравнений).

Материализм – философское представление, по которому реально и вечно существует физический (материальный) мир, а все духовные явления – это результат деятельности человеческого сознания, которое представляет собой высшую стадию эволюции физического мира.

Материальное – воспринимающееся органами чувств и имеющее физические качества.

Материя – совокупность всего физического, чувственного (материального).

Мегамир – область колоссальных космических масштабов, непосредственно ненаблюдаемая (расстояния измеряются в световых годах, а время – в миллионах и миллиардах лет).

Мезоны – элементарные частицы средней массы (приблизительно равной массе электрона).

Метагалактика – совокупность всех взаимодействующих друг с другом галактик.

Методология – учение о методах познания и деятельности, а также – сама совокупность этих методов.

Механицизм – характерное для Нового времени философское и научное представление, по которому мироздание является грандиозным и неизменным механизмом, сводящимся к физическим телам и действующим между ними постоянным силам, которые описываются законами механики.

Микромир – непосредственно ненаблюдаемая область предельно малых объектов (расстояния измеряются величинами от 10^{-12} см до 10^{-16} см, а время существования – от бесконечности до 10^{-24} сек).

Натурализм – философская идея, признающая природу первичной реальностью и главным объектом познания, а также – стремящаяся объяснить все только естественными (природными) причинами.

Нирвана – в индийской философии – прекращение земных рождений, воссоединение с Брахманом.

Номинализм – одно из решений средневековой полемики об Универсалиях, по которому последние существуют после вещей, только в качестве их названий (имен).

Ноосфера – в философии русского космизма – принципиально новая стадия мировой эволюции, когда решающей силой дальнейшего развития становится человеческий разум, целенаправленно преобразующий и совершенствующий Вселенную.

Ноумен – в философии Канта – «вещь в себе», то, что объективно существует, но не дано человеку ни в опыте, ни до него и поэтому непознаваемо.

Натурализм – философская идея, признающая природу первичной реальностью и главным объектом познания, а также – стремящаяся объяснить все только естественными (природными) причинами.

Натурфилософия – характерное для древности умозрительное и обобщенное описание и объяснение действительности (или для древних – природы).

Научная картина мира – целостная система представлений о наиболее общих принципах и законах устройства Вселенной.

Научная революция – радикальный переворот в области науки, представляющий собой смену одной научной картины мира, или парадигмы другой. Научные революции играют главную роль в развитии науки, являются узловыми, или этапными моментами ее истории.

Объект – внешний по отношению к человеку мир (ср. субъект).

Объективное – существующее само по себе, то есть – вне человека и независимо от него (ср. субъективное).

Онтология – раздел философии, посвященный изучению (постижению) Бытия.

Отчуждение – в учениях Гегеля, Фейербаха и Маркса – процесс отделения какого-либо творения или продукта от его творца, при котором творение становится независимым от своего создателя и враждебным ему.

Общая теория относительности – теория, созданная Эйнштейном в 1915 году, представляющая собой расширение основных принципов специальной теории относительности, увидевшей свет в 1905 году. Помимо объяснения взаимодействия пространства, времени и материи, которому, в основном, была посвящена специальная теория относительности, в общей теории относительности предпринята попытка объяснения природы гравитации, которая, по Эйнштейну, представляет собой ненаблюдаемое нами искривление пространства под действием колоссальных масс мегаобъектов (планет, звезд и т. п.).

Панспермии гипотеза – одна из гипотез происхождения жизни на Земле, согласно которой жизнь на Земле представляет собой частный случай жизни во Вселенной: мельчайшие «семена» живого (споры, вирусы, бактерии) переносятся в ее бескрайних просторах на частицах космической пыли и, попадая на планеты с благоприятными для жизни условиями,

«прорастают», кладя начало дальнейшему развитию различных форм живых организмов.

Панспермии направленной гипотеза – одна из гипотез происхождения жизни на Земле, согласно которой “семена” жизни были некогда сознательно и целенаправленно доставлены на Землю представителями неизвестных нам высокоразвитых цивилизаций.

Пантеизм – представление о Боге, по которому он тождественен мирозданию.

Патристика – философская деятельность «отцов» церкви – основоположников христианского миропонимания.

Парадигма научная – система наиболее общих, широких научных представлений об окружающем мире (например, геоцентрическая парадигма Аристотеля-Птолемея, гелиоцентрическая парадигма Коперника - Галилея-Ньютона, релятивистская парадигма Эйнштейна и т. п.).

Плазма – вещество (подобное газу), атомы которого находятся в ионизированном состоянии (как правило, по причине очень высокой температуры).

Понятие – форма мышления, которой обозначаются различные предметы (выражается в слове или словосочетании).

Принцип соответствия – идея, сформулированная известным датским ученым 20 века Нильсом Бором, которая посвящена объяснению взаимодействия старых и новых научных теорий в частности и научных картин мира в целом. Согласно принципу соответствия, всякая новая научная теория или научная картина мира в целом не отвергает начисто предшествующую, а включает ее в себя на правах частного случая, устанавливает для нее ограниченную область применения. (Например, идея о том, что Земля плоская, вроде бы несовместима с утверждением о ее шарообразности, однако в масштабах одного города ее вполне можно считать плоской; т. е. идея о том, что она плоская, не отрицается напрочь утверждением о ее шарообразности, а включается в него на правах частного случая).

Прогресс – восходящее движение, изменения, ведущие от менее совершенного к более совершенному, от низшего к высшему.

Псевдонаука – совокупность идей и учений, только по внешним, формальным признакам сходных с научными, в действительности не име-

ющими с ними ничего общего, а также претендующими, как правило, на приобщенность к некому якобы тайному знанию, которое доступно немногим (астрология, алхимия, нумерология, хиромантия и т. п.).

Позитивизм – философское направление второй половины XIX–XX вв., по которому философия должна отойти от метафизических вопросов и стать методологией науки.

Политеизм – многобожие, религиозное представление, по которому существует много богов (язычество).

Психоанализ – учение З. Фрейда о человеческой психике, а также созданная им теория и практика лечения психических заболеваний, одно из направлений в психологии.

Психология – наука, изучающая многообразный мир человеческой психики.

Рационализм – философское положение, по которому мир устроен разумно и поэтому вполне может быть познан рассудочными средствами, а также идея о приоритете последних перед чувственным опытом в деле познания.

Реализм – одно из решений средневековой полемики об Универсалиях, по которому последние существуют до вещей, в особом сверхчувственном мире и являются их причинами.

Релятивизм – философское положение, по которому все в мире относительно и поэтому ни о чем нельзя высказываться определенно и окончательно.

Радиоактивность – свойство самопроизвольного превращения атомов одних элементов в атомы других, сопровождающегося ядерным излучением.

Рационализм – философское положение, по которому мир устроен разумно и поэтому вполне может быть познан рассудочными средствами, а также идея о приоритете последних перед чувственным опытом в деле познания.

Регресс – нисходящее движение, изменения, ведущие от более совершенного к менее совершенному, от высшего к низшему.

Реликтовое излучение – сохранившееся в остаточном виде и обнаруженное в 1965 году излучение горячей однородной водородо-гелиевой

плазмы, в форме которой существовала Вселенная на первых этапах своей эволюции.

Релятивизм – одна из характерных черт третьей научной картины мира (современного естествознания), которая заключается в идее о том, что Вселенная безгранична и поэтому у нее не может быть центра, а вернее ее центром можно считать любую точку, только это будет условный, или относительный центр (в философии – философское положение, по которому все в мире относительно и поэтому ни о чем нельзя высказываться определенно и окончательно).

Резонансы – теоретические вычисленные, но пока не обнаруженные экспериментально элементарные частицы с предельно малым временем жизни (от 10^{-22} до 10^{-24} сек).

Сансара – в индийской философии – колесо перерождений индивидуальной души.

Секуляризация – идейное и фактическое размежевание светского и духовного, мировоззренческое отделение Бога от человека, религии от философии.

Сенсуализм – философская идея, по которой органы чувств предоставляют нам более верную информацию об окружающем мире, чем разум.

Силлогизм – дедуктивное умозаключение.

Сильное взаимодействие – одно из четырех фундаментальных взаимодействий в природе, которое проявляется только в микромире и связывает элементарные частицы в атомные ядра – самые прочные материальные объекты.

Сингулярный объект – согласно гипотезе Большого взрыва – Вселенная на момент своего рождения (подобная микрочастице), характеризующаяся ничтожно малыми размерами и космической плотностью вещества и энергии; отправная точка грандиозной космической эволюции.

Синергетика – научное направление, изучающее процессы самоорганизации различных материальных систем.

Скептицизм – философское сомнение в достоверности каких-либо положений.

Соборность – в философии славянофилов – принцип сочетания личного и общего, добровольного союза людей для совместной деятельности.

Солипсизм – философская идея, по которой каждый человек может полагать единственной существующей реальностью самого себя, а все остальное – своими ощущениями.

Софизм – внешне правильное доказательство заведомо ложных утверждений с помощью преднамеренного нарушения логических законов.

Социализм – учение и общественно-политическое движение, выступающее за построение общества без частной собственности, основанного на принципах справедливости и солидарности людей.

Софиология – в русской религиозной философии – учение о Божественной Премудрости – главном принципе, по которому устроено мироздание.

Сублимация – в учении З. Фрейда – преобразование сексуальной энергии в различные несексуальные виды деятельности.

Субъект – человек, познающий внешний по отношению к нему мир (ср. объект).

Субъективизм – философская идея, по которой человек видит мир только в масштабе собственного восприятия.

Субъективное – существующее в духовном, внутреннем мире человека и зависящее от него (ср. объективное).

Схоластика – средневековая философия, направленная на рациональное подкрепление религиозных догматов.

Слабое взаимодействие – одно из четырех фундаментальных взаимодействий в природе, которое проявляется только в микромире и связано, главным образом, с распадом и преобразованием элементарных частиц.

Соотношения неопределенностей принцип – одно из положений для описания микромира, выдвинутое В. Гейзенбергом, согласно которому в микромире невозможно одинаково точно определить координату частицы и ее скорость, определенность одного из этих параметров обуславливает неопределенность другого; известное уравнение Гейзенберга представляет собой произведение неопределенности координаты частицы и неопределенности ее скорости, которое равно постоянной величине (постоянной Планка); таким образом, когда неопределенность одного из членов произведения стремится к нулю (т. е. он является определенным), тогда

неопределенность другого стремится к бесконечности (т. е. он является совершенно неопределенным).

Софизм – внешне правильное доказательство заведомо ложных утверждений с помощью преднамеренного нарушения логических законов.

Специальная теория относительности – теория, созданная Эйнштейном в 1905 году и посвященная новому (по сравнению с классическим, или ньютоновским) объяснению пространства и времени: если по Ньютону пространство и время представляют собой неизменные вместилища материи, независимые от нее, то, согласно теории Эйнштейна, пространство и время являются неотъемлемыми свойствами материи и не существуют сами по себе, независимо от нее – пространство, время и материя – это единое целое; вслед за изменениями, происходящими с материей, меняются и пространство, и время.

Стационарность – неизменность, неподвижность.

Суждение – форма мышления, в которой что-либо утверждается или отрицается, высказывание (выражается в форме предложения).

Тавтология – высказывание, в котором две части одновременно следуют друг из друга (подразумевают друг друга).

Теизм – религиозное представление, по которому Бог является Творцом мира и постоянно его контролирует.

Теодицея – богооправдание – религиозно-философская проблема объяснения существующего в мире зла.

Теоцентризм – религиозно-философское представление, по которому главным предметом постижения должен быть Бог как причина и цель всего существующего, центральное звено мироздания (ср. антропоцентризм).

Теоретический уровень научного познания – второй этап научного познания, на котором путем выдвижения гипотез и их последующего подтверждения и превращения в теории или опровержения и замены новыми гипотезами, происходит объяснение фактов, накопленных на первом, эмпирическом уровне, или этапе научного познания.

Термодинамика – раздел физики, изучающий различные тепловые явления.

Термоядерный синтез – происходящий при огромной температуре в недрах звезд процесс постепенного превращения ядер водорода в ядра ге-

лия (из двух ядер водорода образуется одно ядро гелия), сопровождающийся выделением огромного количества энергии, что позволяет звездам излучать свет и тепло на протяжении миллионов и миллиардов лет.

Умозаключение – форма мышления, в которой из двух или нескольких исходных суждений (посылок) вытекает (следует) новое суждение (заключение, вывод).

Универсалии – в средневековой философии – общие понятия.

Утилитаризм – идея, по которой философия должна заниматься не отвлеченными вопросами, а проблемами реальной человеческой жизни и приносить конкретную пользу (см. позитивизм и прагматизм).

Утопия – социально-философское учение, рисующее модель идеального общественного устройства (или вообще какой-либо идеальный проект).

Фальсификации принцип – один из критериев науки, наряду с принципом верификации, позволяющий отличить научное знание от псевдонаучного или ненаучного. В силу принципа фальсификации только то знание является научным, которое можно опровергнуть. Наука, в отличие от псевдонауки, постоянно развивается: старые гипотезы и теории сменяются новыми (опровергаются ими), поэтому в науке важна не только подтвержденность гипотез и теорий, но и их опровержимость.

Фатализм – идея о предопределенности всего существующего, в том числе – любой человеческой жизни (ср. волюнтаризм).

Феномен – явление – то, что воспринимает познающий мир человек в своем чувственном опыте.

Флуктуации – в современном синергетическом видении мира – случайные факторы, которые в ситуациях неустойчивости материальной системы (точках бифуркации) могут «столкнуть» систему на какой-либо один из возможных, альтернативных путей дальнейшего развития.

Фотон – квант электромагнитного поля.

Циклизм – философская идея вечного мирового круговорота вещей и явлений.

Эвдемонизм – идея о том, что главной задачей философии должен быть поиск индивидуального человеческого счастья.

Эволюция – процесс изменения, развития.

Эвристика – философский метод, при котором вместо усвоения готовых ответов человек путем размышлений должен сам находить истину.

Экзистенциализм – направление в философии XX в., полагающее главным предметом изучения (постижения) не объективный мир, а индивидуальное человеческое существование.

Экзистенция – индивидуальное существование.

Электрон – отрицательно заряженная элементарная частица, входящая в состав всех атомов.

Электромагнитное взаимодействие – одно из четырех фундаментальных взаимодействий в природе, которое проявляется и в микромире, и в макромире, и в мегамире; оно связывает элементарные частицы в атомы, атомы – в молекулы, молекулы – в макротела и т. д. Электромагнитное взаимодействие играет решающую роль в структуре макромира.

Элементарные частицы – различные объекты микромира, из которых состоят (и образуются) атомы.

Эмпиризм – философская идея, по которой основным источником познания должен быть чувственный опыт.

Эмпирический уровень научного познания – первый этап научного познания, представляющий собой накопление фактов, которые подлежат объяснению на втором, теоретическом уровне, или этапе научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Исповедь. М., 1991.
2. Антология кинизма. М., 1996.
3. Антология мировой философии в четырех томах. Т. 1–4. М., 1969–1972.
4. Барашенков В. С. Кварки, протоны, Вселенная. М.: Знание, 1987.
5. Биология. Общие закономерности. М.: Школа-Пресс, 1996.
6. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1978.
7. Вольтер Ф.М. Задиг, или Судьба. Кандид, или оптимизм. // Вольтер. Стихи и проза. М., 1987.
8. Гатиатуллина Э.Р. Основные философские категории // Молодой ученый. Чита, 2011. № 1 (24). С. 117–118.
9. Гатиатуллина Э.Р. Проблематика и истоки исследования социальной идентичности // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал; Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. Вып. № 3. Пятигорск, 2011. С. 269–274.
10. Гатиатуллина Э.Р. Становление этничности как формы социальной идентичности // Социология образования. Вып. № 3. СГУ, 2011. С. 82–89.
11. Гатиатуллина Э.Р. Идентичность как философская категория (социально-философский анализ) // Гатиатуллина Э. Р., Калинина Н. В., Шаймарданов Р. Х. Философские основания современного образования: монография / Под редакцией Е.А. Омельченко. Новосибирск: Издательство ООО «ЦСРНИ», 2014. Гл. 1., С. 2–40.
12. Гатиатуллина Э.Р. Идентичность как мера психических процессов и форма интересубъективности // Труды членов Российского философского общества. Вып. № 17. М., 2010. С. 364–368.
13. Гатиатуллина Э.Р., Тайсаев Д.М. Феномен неадекватных страхов в современном обществе // Дискуссия; Институт современных технологий управления. Вып. № 9 (39). Екатеринбург, 2013. С. 12–15.

14. Гатиатуллина Э.Р., Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как категория социальной философии // Перспективы науки: научно-практический журнал. № 10 (49). Тамбов, 2013. С. 96–98.
15. Горелов А.А. Концепции современного естествознания. М.: Центр, 1998.
16. Григорьев В.И., Мякишев Г.Я. Силы в природе. Издание седьмое. М.: Наука, 1988.
17. Гулиа Н.В. Удивительная физика. О чем умолчали учебники. М.: НЦ ЭНАС, 2003.
18. Гусев Д.А., Гатиатуллина Э.Р. Логика и теория научной аргументации: учеб. пособие. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2014. 331 с.
19. Гусев Д. А. Конспект лекций с задачами. Учебное пособие для вузов. М.: Айрис Пресс, 2005.
20. Гусев Д.А. Философия. Популярное учебное пособие. М., 2006.
21. Гусев Д.А., Рябов П. В. Великие философы. М., 2004.
22. Гусев Д. А. Тестовые задания и занимательные задачи по логике. М.: МПСИ, 2010.
23. Гусев Д. А. Логика. Учебное пособие. М.: МПСИ, 2005.
24. Гусев Д.А. Концепции современного естествознания. Краткий курс. М.: АПУ, 2007.
25. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. М., 1995.
26. Дягилев В.В. Занимательная философия. М., 1995.
27. Еськов К.Ю. История Земли и жизни на ней. От хаоса до человека. М.: ЭНАС, 2004.
28. Зельдович Я.Б., Хлопов М.Ю. Драма идей в познании природы (частицы, поля, заряды). М.: Наука, 1988.
29. Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х томах. Л., 1991.
30. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли в 3-х томах. М., 1997.
31. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986.

32. История философии. Запад Россия Восток. Кн.1, 2, 3, 4 М., 1995–1999.
33. Канке В. А. Концепции современного естествознания. Издание второе. М.: Логос, 2003.
34. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
35. Карпенков С.Х. Основные концепции естествознания. Издание второе. М.: Академический Проект, 2002.
36. Комаров В.Н. Вселенная видимая и невидимая (неизбежность все более «странного мира»). М.: Знание, 1979.
37. Концепции современного естествознания. Под. ред. Лавриненко В.Н., Ратникова В.П. Издание третье. М.: ЮНИТИ, 2003.
38. Концепции современного естествознания. Под. ред. Самыгина С.И. Издание второе. Ростов-на-Дону, Феникс, 1999.
39. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М., 1996.
40. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
41. Макиавелли Никколо. Государь. М., 1990.
42. Макдугал Дж. Д. Краткая история Земли. СПб.: Амфора, 2001.
43. Мир философии. Книга для чтения. Ч. 1–2. М., 1991.
44. Музьяков С.И., Гатиатуллина Э.Р. Философия науки: учеб. пособие. Т. 1. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2013. 320 с.
45. Нарликар Дж. Гравитация без формул. Пер. с англ. Блинникова С.И. М.: Мир, 1985.
46. Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М.: Энас, 2004.
47. Никонов А.П. RUSSIAN X-FILES. Сеансы черной и белой магии с разоблачением. М.: ЭНАС, 2005.
48. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М. 1990.
49. Олейников А.Н. Геологические часы. Издание третье. Ленинград: Недра, 1987.
50. Паскаль Блез. Мысли. М., 1995.
51. Перельман Я.И. Занимательная физика. Книги 1–2. Издание девятнадцатое. М.: Наука, 1976.
52. Платон. Апология Сократа. Горгий. Пир. Федр. Федон. // Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М., 1990, Т. 2. М., 1993.

53. Пономарева Т.Д. Великие ученые. М.: Астрель, 2002.
54. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1, 2, 3, 4. СПб., 1994–1997.
55. Римские стоики. Сенека. Эпиктет. Марк Аврелий. М., 1995.
56. Скопин А.Ю. Концепции современного естествознания: учебник. М.: Проспект, 2003.
57. Соломатин В.А. История и концепции современного естествознания. М.: ПЕР СЭ, 2002.
58. Стрельник О.Н. Концепции современного естествознания. Краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2003.
59. Томилин А.Н. Занимательно о космологии. М.: Молодая гвардия, 1971.
60. Тхагапсоев Х.Г., Гатиатуллина Э.Р. Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. Вып. № 4 (64). Ростов-на-Дону, 2010. С. 16–23.
61. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989.
62. Философский словарь. М., 1990.
63. Хрестоматия по истории философии. Т. 1, 2, 3 М., 1997.
64. Хрестоматия по философии. 10–11 классы. М., 1997.
65. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира. М., 1999.
66. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М., 1991.
67. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век. М., 1995.
68. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум. Издание пятое. М.: Наука, 1980.
69. Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., 1991.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусев Дмитрий Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин Московского университета им. С.Ю. Витте. Автор 95 научных и учебно-методических публикаций, из которых 20 наименований – учебные пособия по философии, логике и концепциям современного естествознания, некоторые из которых имеют грифы МОН РФ, РАО и УМО по специальностям педагогического образования. Основные научные интересы сосредоточены в области исследования античного скептицизма, а также дидактики и методики преподавания социально-гуманитарных дисциплин в высшей и средней школе.

E-mail: gusev.d@bk.ru

Гатиатуллина Эльвира Ринатовна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин Московского университета им. С.Ю. Витте. Автор более 30 научных и учебно-методических публикаций. *Специализация* – Социальная философия. *Тема диссертационного исследования*: Идентичность как категория социальной философии. *Основные труды*: Гатиатуллина Э.Р. Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ (Вып. № 4 (64), Ростов-на-Дону, 2010); Гатиатуллина Э.Р. Становление этничности как формы социальной идентичности // Социология образования (М.: Вып. № 3, СГУ, 2011); Гатиатуллина Э.Р. Проблематика и истоки исследования социальной идентичности // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал (Вып. № 3, Пятигорск, 2011); Гатиатуллина Э.Р. Маркерные составляющие готической субкультуры // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (Нальчик, 2012, Т. 14, № 1); Гатиатуллина Э.Р. К неудобствам с идентичностью // Глобальный научный потенциал: научно-практический журнал (№ 1 (10), СПб, 2012); Гатиатуллина Э.Р. Идентичность как категория социальной философии // Перспективы науки: научно-практический журнал (Тамбов, 2013, № 10(49)); Гатиатуллина Э.Р. Феномен неадекватных страхов в современном обществе // Дискуссия; Институт современных технологий управления (Екатеринбург, 2013, Вып. № 9 (39)); Гатиатуллина Э.Р. Философия науки: Учеб. Пособие (Москва, 2013, Т. 1).

E-mail: elvira_gatiatull@mail.ru

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

**Гусев Дмитрий Алексеевич,
Гатиатуллина Эльвира Ринатовна**

ФИЛОСОФИЯ

Учебное пособие

Редактор	<i>А.А. Альтенгоф</i>
Корректор	<i>А.А. Альтенгоф</i>
Компьютерная верстка	<i>С.А. Луговая</i>

Электронное издание

Подписано в тираж 13.05.2015 г.

Усл.-печ.л. 17,1. Печ. л. 18,38. Уч.-изд. л. 15,67.

Объем 1,75 Мб. Тираж 500 (первый завод – 50 экз.). Заказ №15-0471/1

Отпечатано в ООО «СиДи Копи»,
111024, Москва, ул. Пруд Ключики, д. 3, тел. 8 (495) 730-41-88

Макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 40-53